

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторически журнал № 5 (20),
май, 2018

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Перед вами майский номер литературно-исторического журнала «Александръ». Традиционно в этом номере мы поздравляем вас, дорогие читатели, с Великим Днём Победы. К сожалению, этот всенародный праздник с каждым годом отдаляется, и уходят от нас ветераны Великой Отечественной войны. По этой причине вместо рубрики «Гость номера» мы разместили подборку стихотворений, которые, по нашему мнению, наиболее полно раскрывают человеческие чувства, ярко проявившиеся в тяжёлые военные годы.

Мы не имеем права забывать о тех подвигах, которые совершили наши отцы и деды во имя свободы, чести и благополучной жизни. На страницах «Александра» мы стараемся публиковать как можно больше произведений о человечности, добрых поступках, рассказывать истории о простых людях, об их жизни, которую необходимо понимать и ценить.

Конечно, в этом майском номере хочется в первую очередь пожелать мира. Ведь ничто не стоит дороже, чем человеческие жизни и судьбы, улыбки детей. Рассказывая о Великой Победе, мы преследуем главную цель – вдохновлять только на хорошие поступки, воспитывать любовь к Родине. Пусть никогда никто из вас не увидит войны.

*С искренним уважением,
директор и главный редактор
Анатолий ТРУБА*

ЖДИ МЕНЯ, И Я ВЕРНУСЬ

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: – Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Константин СИМОНОВ

МЫ ПОБЕДИЛИ!

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,
член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Редколлегия:

- Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;
В. С. АРШАНСКИЙ, шеф-редактор (Мичуринск), член Союза писателей России, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РФ;
Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (п. Первомайский), IT-дизайнер, оформитель, поэт;
В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;
В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;
В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;
В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;
Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;
В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;
С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;
Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;
А. И. НОВИКОВ (Екатеринбург), член Союза писателей России;
Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;
Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;
А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ;
В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов), председатель ТО Союза художников России;
В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 5 (20), май 2018 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А.С. Труба.

Шеф-редактор В.С. Аршанский.

Дизайн, верстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.05.2018

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.
E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ОГНЕННЫЕ ВЁРСТЫ

- 4** Василий Попков.
Один из ста

ВРЕМЯ СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 10** Валерий Марков.
«На Берлин!», или Сон танкиста

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

- 12** Владимир Казмин.
Донское казачество. Донбасс

ПРАВОСЛАВИЕ

- 18** Анатолий Труба.
Отражение России

ПОЭЗИЯ

- 22** Евгений Якушенко.
Я истину постиг...
- 24** Надежда Гуменюк.
Когда уйдёт из жизни суета

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 27** Людмила Сергеева

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

- 30** Олег Сазонов.
Елизавета Павловна
Сатина и её частная гимназия

КУМИРЫ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

- 44** Марат Бендерский.
«Я тоскую по родине...»

ПРОЕКТЫ

- 50** Валерий Семёнов.
Пророческая лира

ПРОЗА

- 54** Валерий Аршанский.
«Метро Голдвин Майер»

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

- 60** Виктор Фоменков.
Деревенский Отелло
- 63** Женька Гвоздь – инопланетянин
- 66** Зять, козёл и тёща

ДЕБЮТ В ЖУРНАЛЕ

- 72** Валерий Антонов.
Колюшка
- 74** Ариныч
- 75** Забытые ремёсла

ЖИТЕЙСКОЕ

- 77** Эдуард Галеев.
Телемастер
- 78** О пользе браконьерства
- 80** Проводницы из Николаева

ВОСТОК — ДЕЛО ТОНКОЕ

- 76** Виктор Усов.
Скорняк и цесаревич

ЧИТАЕМ ДЕТЯМ

- 87** Ольга Луценко.
Сказка дальних странствий

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

- 91** Шаги «Александра»

ОДИН ИЗ СТА

МИНУЛО ПОЧТИ 80 ЛЕТ С НАЧАЛА САМОЙ КРОВОПРОЛИТНОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. С КАЖДЫМ ГОДОМ ОСТАЁТСЯ ВСЁ МЕНЬШЕ ЕЁ УЧАСТНИКОВ. ВОЙНА ЗАПОМНИЛАСЬ ТРЕВОЖНЫМ ГУЛОМ ФАШИСТСКИХ БОМБАРДИРОВЩИКОВ, КОТОРЫЕ НЕРЕДКО ЗАЛЕТАЛИ И В НАШЕ ТАМБОВСКОЕ НЕБО, И ПЛАЧЕМ ВДОВ ПОСЛЕ КАЖДОЙ ПОХОРОНКИ; ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ – ЛЯЗГОМ КОСТЫЛЕЙ, ПЕСНЕЙ ИЗРУБЛЕННЫХ И ИСКАЛЕЧЕННЫХ ИНВАЛИДОВ У «МОРСКОГО КОЛОДЦА» В МОРШАНСКЕ.

На фото Александр Петрович Гусев

Непонятно в каких «каретях» передвигались, к какому-то корытцу пристраивали колёса-подшипники, на руки надевали подобия рукавиц, шитые из голенищ старых сапог, будто боксёрские перчатки, и опирались ими прямо о булыжники мостовой с жалобной песней:

*Дорогая жена, я калека,
Нет у правой руки, нет и ног,
Я служил для Отчизны, народа
И покой для тебя уберёг.*

«Самое страшное неудобство приходилось испытывать перед этими искалеченными войной солдатами; чувство некоей вины перед матерями, вдовами и сиротами», – вспоминает Александр Петрович Гусев.

Ему всё-таки повезло. Он пришёл из госпиталя, припадая на правую ногу, после пулевого ранения с переломом бедренной кости и повреждением седалищного нерва...

Четыре года в Пензенском художественном училище – и он учитель рисования и черчения в школе № 9 Мичуринска. Затем 15 лет преподавал черчение в технологическом техникуме. Там мы с ним и познакомились.

Другие преподаватели требовали от юншей тишины, жаловались на плохую дисциплину, а он даже рад был такой непринуждённой обстановке: все у него на занятиях работают, стараются, могут задать вопрос, а то и восхитят-

ся, как он без линейки проведёт прямую линию, без циркуля – точную окружность. А ещё уважали учителя за скромность.

Помнит, когда работал в художественной мастерской Тамбовского худфонда, не всем доверяли писать портреты членов Политбюро. У него было специальное образование, но приёмная комиссия не посмотрит и на корочки, перья летели при её критике. Ему доверили и почти не придирались: глаз остёр, рука тверда, мазок точен.

Мы с художником Александром Гусевым условились о сеансах раз в неделю в художественном салоне: он пишет портрет маслом, я не теряю времени и обдумываю словесно – его...

Знакомы давно. В 60-е вместе преподавали в технологическом техникуме, теперь нужно лишь освежить доверительность наших отношений. Прошлись по выставочному залу. Он портретист и к галерее военачальников кисти А. М. Герасимова выказывает особый интерес. Замечаю, невольно затормозил у портрета маршала Ф. И. Толбухина. Заиграли желваки, по лицу проплывали облака, то прищурит глаз, то сделает шаг в сторону, то отпрянет назад, словно выполняет какой-то

ему одному ведомый танец, будто повторяя движения автора-художника.

Заметив моё удивление, разъясняет:

– Как-то мне приходилось воевать под его командованием, видеть в сорок втором... он ещё генералом был, такой значительности и величественности не замечали – не об этом забота, надо было остановить и разбить врага. А решительность присутствовала и тогда. Да и не до парадного мундира.

– Да, мундир... Посмотришь иной фильм или спектакль, все нагудренные, в гимнастёрках с иголочки, наглаженные: не война, а прогулка. А это, мягко говоря, не соответствует действительности. Известный писатель и военный журналист Василий Гроссман всю войну так и прошёл бессменно в одной шинели – не до того.

(С его героем – генералом Людниковым – мне довелось устраивать встречу в аспирантском общежитии: так и не отданный врагу квартал Сталинграда недаром окрестили «Островом Людникова». А ведь там пал смертью храбрых почти миллион защитников. И столько же потерял враг.)

– А вот Курская дуга у меня перед глазами, – задумчиво говорит собеседник, – ни словами, ни красками не передашь...

– Мой старший брат Михаил гонял туда на фронт лошадей. Чуть ступит лошадь или корова за кромку дороги – и взлетает в воздух, разрываясь на части: всё вокруг заминировано...

– Если бы только лошадь да корова...

Пытаюсь вернуть ветерана к сегодняшним фильмам, где в качестве обязательного ингредиента ещё и любовного флирта подпускают.

– Как любовь – не вздохи на скамейке, так и война – не прогулка.

– Но ведь пацифистски настроенные витии будто сговорились дегероизировать и эпоху, и победителей, смакуя неудачи и потери начала войны.

– Да разве это секрет? В статье «Надежда наша – молодёжь» в газете «Советская Россия» от 27 июля 1985 года Андрей Дементьев писал: «Из каждых ста юношей рождения 1923 года вернулся в сорок пятом лишь один. 99 из ста отдали свои жизни за свободу Родины».

Он, арттехник Гусев, и есть один из ста своего года рождения, оставшихся в живых...

Об этом – и в книге «Вернулись с Победой!» о воинах-земляках, вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны и прибывших на постоянное жительство в Тамбовскую область.

Листаю эту Книгу Памяти... Какие имена! Потапов Эдуард Дмитриевич, 1925 года рождения, Гуськов Пётр Константинович, 1926 года рождения. Они жили в одном доме с А. П. Гусевым. Горжусь, что довелось быть современником этих легендарных защитников Отечества...

Но вернёмся к нашему герою.

Александр Петрович Гусев родился 22 сентября 1923 года в селе Иловай-Дмитриевское Первомайского района Тамбовской области.

Его родители отличались благочестивым образом жизни. Отец Пётр Ильич и мать Анна Степановна заботились прежде всего о нравственном воспитании четверых детей, среди которых Александр был старшим. Из-за стремления дать образование детям решено было переехать в Мичуринск, где Саша и поступил в школу № 7.

Любил читать, с интересом изучал математику – словом, учёба давалась легко. На семи классах не остановился и пошёл в восьмой. Для кого физика и тригонометрия – тёмный лес, для него, наделённого пространственным представлением, увлечённого черчением и рисованием, – семечки. Девять классов окончены успешно, уже заботился об учебниках для выпускного класса, но...

Утро 22 июня 1941 года перечеркнуло судьбы миллионов. Призыв «Вставай, страна огромная!» никого не оставлял безучастным. И Саша вместе с одноклассниками тоже осаждал военкомат – хотелось непременно на передовую.

Скоро старшеклассников собрали в горсаду, разъяснили ситуацию и отправили под Брянск и Смоленск рыть противотанковые рвы. Сначала они даже не скрывали разочарования, что вместо оружия получили лопаты, но вскоре убедились в необходимости и такой работы, тем более что и она была сопряжена с немалым риском: по команде «Воздух!» едва успевали разбежаться врассыпную и распластаться на земле. А вражеские стервятники со страшно неприят-

ным пронзительным воем проносились над головами, осыпая их дождём пуль и снарядов.

Уже в феврале 1942 года он – курсант Тамбовского военного артиллерийско-технического училища. Была поставлена архисложная задача, согласно условиям момента: весь учебный план одолеть за полгода. Бессонные ночи, самоотверженность курсантов и преподавателей, не успевавших напоминать суворовский постулат «Тяжело в учении – легко в бою», сделали своё дело. Уже в сентябре наш земляк, девятнадцатилетний артиллерийский техник-лейтенант 134-й стрелковой бригады – в действующей армии на Брянском фронте.

– Зимой 1942–1943 годов из 134-й стрелковой бригады была сформирована 74-я стрелковая дивизия 13-й армии под командованием генерала Толбухина, где меня назначили арттехником 1-го дивизиона 6-го артполка. После наступления наша дивизия заняла оборону около города Малоархангельск Курской области, – рассказывает ветеран.

А перед Курской битвой 6-й артполк был расположен в деревне Алисово во втором эшелоне. После битвы немцы отступали с боями к западу, и Гусеву не покажется страшным участие в освобождении Киева и всей Украины, форсировании Днепра и Дуная.

Переправа, переправа...

Пушки бьют в крошечной мгле, –
напишет Александр Твардовский.

Это его, Гусева, пушечки ухают беспрерывно, обеспечивая переправу.

Бой идёт святой и правый,

Бой идёт не ради славы,

Ради жизни на земле.

– После форсирования Дуная нашей дивизии присвоили звание «74-я Краснознаменная Киевско-Дунайская ордена Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия», – не без гордости рассказывает ветеран.

16 июля 2009 года второкурсники филологического факультета Мичуринского государственного педагогического института Михаил Цуканов и Ольга Мерзликина, Галина Лунева и Екатерина Трунова, Мария Зайцева и Михаил Чистяков встретились с Александром Петровичем и записали его воспоминания о войне.

Немного глуховатый голос поначалу казался размеренным и спокойным – сколько уж времени минуло. Но вот рассказчик словно переносится вместе со слушателями в огонь пожарами огненной Курской дуги, слышит гром пушек, треск гусениц, гул самолётов... Голос ветерана то дрожит, то срывается, а то и умолкает на полуслове. Ведь своё боевое крещение он проходил на Курско-Белгородской огненной дуге.

– Я был артиллеристом, точнее, арттехником дивизиона... В мою задачу входило, чтобы пушки работали безотказно, чтобы прямая наводка по врагу была точно в цель. Справляются артрасчёты – меня будто и нет, будто пушки послушны сами собой... А вот застопорится что у артиллериста: наводка ли, подающий механизм – виновного найдут скоро... Но я тут как тут. Каждый выстрел и во мне эхом отзывается... Передышка между боями, боец отдыхает, арттехник с артмастерами должны проверить все механизмы, чтобы орудия работали как часы.

Немецкий сапог топчет твою землю, а потому и ты, и пушки твои должны гнать супостата из родной страны.

Далее ветеран вспоминает:

– Это было зимой 1944 года. Я служил в 142-м отдельном истребительном противотанковом дивизионе начальником артснабжения.

Наша часть заняла один населённый пункт в Венгрии. Шли ожесточённые бои. Немцы старались выбить нас и пустили танки. Наши артиллеристы стойко оборонялись. С огневых позиций несли раненых бойцов и командиров.

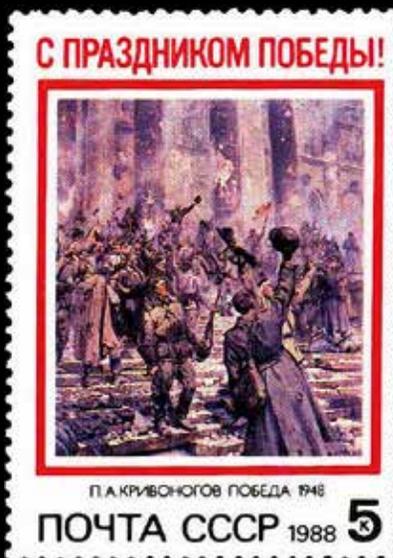
Помню, как меня вызвал в штаб командир дивизиона Феоктистов и сообщил, что в результате боя немцы вывели из строя три пушки. Требуется осмотреть их и, если есть возможность, срочно отремонтировать. Я с артмастером и двумя солдатами под ураганным огнём начали осматривать пушки. У одного орудия был пробой ствола, у другого повреждено противооткатное устройство, у третьего – перебиты станины.

Фашисты вели артиллерийский обстрел. Нам приходилось часто прерываться из-за этого обстрела. За четыре часа нам удалось из уцелевших частей трёх пушек собрать одну, отрегулировать её и вновь послать в бой.

Почтовые марки, посвящённые Дню Победы

Из коллекции
Александра
Николаевича СЕМИНА

Открыв огонь по вражеским танкам, наша дивизия сумела отстоять свои позиции. За эту операцию впоследствии Указом Президиума Верховного Совета СССР меня наградили орденом Красной Звезды.

Также Александр Петрович был награждён орденом Отечественной войны I степени, медалью «За освобождение Белграда», медалью Жукова, медалью «В память 1500-летия Киева», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», другими юбилейными медалями. Ему были вручены знак «Ветеран 13-й армии», знак «Фронтовик 1941–1945 гг.».

– С сентября 1942 года по апрель 1945 года часть, в которой я служил, переходила с одного фронта на другой: Брянский фронт, Центральный фронт, 1-й Украинский фронт, 2-й Украинский фронт, 3-й Украинский фронт. Мы освобождали Киев, всю Украину, Румынию, Югославию, Венгрию. В Белграде к нам, советским воинам, местные жители обращались со словами: «Братушки!»

Чем ближе мы приближались к фашистскому логову, тем ожесточённее было сопротивление врага.

Оставалось чуть более месяца до желанной Победы – 4 апреля 1945 года при освобождении Венгрии на 3-м Украинском фронте за озером Балатон, вблизи города Самбатель, на наблюдательном пункте командира дивизиона лейтенант Гусев был тяжело ранен: снайперская пуля попала в бедро правой ноги. Он был отправлен в полевой госпиталь, где ему сделали операцию, оказалось, что была перебита кость правого бедра.

После войны его направили в Ереван на лечение. Домой фронтовик вернулся только в сентябре 1945 года.

После встречи студент Миша Цуканов заметил: «Я думаю, что эта встреча запомнится каждому из присутствующих. Я в своей жизни ещё не слышал столь подробного рассказа о войне от очевидца и непосредственного её участника, причём при наличии времени Александр Петрович мог бы рассказать и больше.

Каждое слово ветерана бесценно, только послушав его, можно действительно ощутить

горечь той жизни. Наше поколение благодарно мужественным защитникам Отечества».

А. П. Гусев, получив после войны художественное образование, писал и пишет портреты выдающихся людей нашего города, например, И. В. Мичурина, ветеранов войны. А портрет журналиста Леопольда Артуровича Израеловича получился настолько удачным и выразительным, что экспонировался на областной художественной выставке и был напечатан в сводном каталоге работ тамбовских художников.

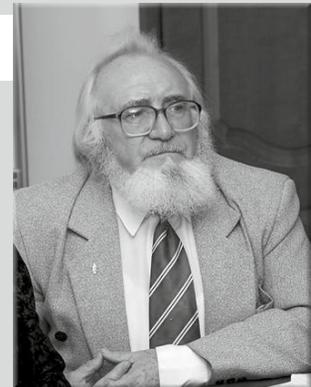
Но ранение и возраст дают о себе знать, подниматься на пятый этаж ветерану – инвалиду войны с каждым днём становится всё тяжелее, каждую лестничную клетку преодолевает с трудом. А ведь ему хочется сходить на выставку, пообщаться с ветеранами, с молодёжью, да и просто активно жить. По стопам художника пошла и внучка.

Хочется пожелать Александру Петровичу ещё долгие годы не терять оптимизма. Здоровья, благополучия и всего самого доброго! Не уставайте Вам! **А**

Василий ПОПКОВ

Василий Иванович ПОПКОВ,

известный учёный-филолог, литературовед, почётный профессор Мичуринского государственного аграрного университета, член Союза российских писателей и член Союза журналистов РФ.

В мае Василий Иванович отмечает своё 80-летие. Сердечно поздравляем юбиляра с этой прекрасной датой!

Желаем доброго здоровья, долгих лет жизни, новых творческих удач!

Редакция журнала «Александръ»

Валерий МАРКОВ

Валерий Александрович родился 5 июня 1948 года в селе Петровка Сампурского района Тамбовской области. Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Тамбовского государственного педагогического института (1971), Северо-Кавказский социально-политический институт с отличием (1991). Служил в армии. Имеет офицерское звание. По основному опыту работы – журналист. В частности, около 20 лет трудился в областной общественно-политической газете «Тамбовская жизнь», более 15 лет – первым заместителем главного редактора, а в 2004–2005 годах возглавлял ТОГБУ «Редакция газеты «Тамбовская жизнь» в качестве исполняющего обязанности директора-главного редактора. Кроме того, работал учителем, пресс-секретарём главы администрации области, занимал другие должности в областных управленческих структурах. Государственный советник РФ первого класса. В настоящее время – на заслуженном отдыхе. Автор пяти стихотворных сборников, книги публицистики. Заслуженный работник культуры РФ, награждён почётными знаками Союза журналистов России «За заслуги», администрации Тамбовской области «За трудовые достижения», лауреат премии Тамбовской области имени А.К. Воронского, имеет другие награды.

**«НА БЕРЛИН!»,
или Сон танкиста**

*Тамбовским колхозникам –
инициаторам сбора средств
на танковую колонну, героическим
танкистам и современным байкерам –
членам клуба «Ночные волки»
посвящается*

В старинном городе Тамбове
Поставлен танк на пьедестал...
К нему относятся с любовью:
Он символом Победы стал.

...В почин включились всенародно,
Фашизм отчаянно кляня,
Порой холодной и голодной –
И родилась гроза-колонна,
Та легендарная броня.

Берлин брала «тридцатьчетвёрка»,
Сражался храбро экипаж...
И знали мы со школы твёрдо –
Тот танк – родной, тамбовский, наш!

Цветы ложатся к монументу,
Бутоны роз, как ордена.
И не гадали до момента,
Что повторятся времена.

Нацизма признаки ожили,
О как же память коротка!..
И те, с кем мы вчера дружили,
С другого смотрят бережка.

У них теперь иные марши,
И цвет иной теперь знамён...
А как же слёзы, жертвы наши?
Их миллионы – тех имён!..

* * *

В канун Победы юбилея
Танк с постамента вдруг исчез.
Народ, фантазий не жалея,
Рядил-шутил: «Ну как он слез?...»

Да и зачем? Свежа покраска,
Совсем недавно обновлён...
Но к вечеру прошла огласка:
Танк мчит по трассе. Точно – он!

Да болтовня. Всё это – враки!
Нужна солярка... Нет – бензин!..
А между тем – грохочут траки,
И надпись мелом: «На Берлин!»

Несётся песня «Три танкиста»,
И в танке – три фронтовика,
Три закадычнейших дружка:
«Напомним же неофашистам
Про рейд Гвардейского полка...»

Меж тем полиция стремится
Танк обнаружить и догнать...
Но зря. Он, как в атаку, мчится,
И слышно лишь: «Ядрёна мать!..»

Вновь осыпают танк цветами,
История как будто вспять...
Меж сёлами и городами
Он проложил свой путь опять.

«Спасибо русским за победу!» –
Кричали все – ну как один,
Кричали дети, жёны, деды –
Вот так и въехали в Берлин.

Объяття были крепки, жарки:
Героев как не обнимать?!
И побывали в Трептов-парке:
Ну как им здесь не побывать!

Они не испытали страха,
А словно сбросили года...
И убедились, как тогда:
Фашизм разбит, и после краха
Он не воспримет никогда.

И до Тамбова – путь обратный
(И вновь танкистам каждый рад!)
Дорогой мирною и ратной –
Ко Дню Победы аккуратно.

* * *

Могучий танк – на пьедестале,
С родным пейзажем в унисон.
Заснул танкист. Среди ночи встал он:
Как будто явь, такой вот сон.

Но оказался сон не в руку.
На белом свете он один,
Похоронил танкиста-друга,
Жену – любимую подругу,
И не с кем мчаться на Берлин.

Мне возразят: финал сей байки
Навеет грусть и пессимизм...
Пусть будет внук у деда – байкер,
И не пройдёт тогда фашизм.

Пусть будет внук... И пусть он – байкер.
И пусть с друзьями – не один:
И реет надпись: «На Берлин!»
Такой финал устроит байки?..
И если – да, то – «На Берлин!»

И мчатся в ночь «ночные волки»,
И майский ветер рвётся в грудь...
Их путь до Шпрее и от Волги:
Знакомый путь – победный путь. А

12.05.2017

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО. ДОНБАСС:

ТРИУМФЫ И ТРАГЕДИИ В СРЕЗЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

ОСНОВНЫЕ МЫСЛИ О СУДЬБАХ ДОНБАССА, СЛОБОЖАНЩИНЫ И ДОНСКОГО КРАЯ В ЭТОЙ СТАТЬЕ БЫЛИ ИЗЛОЖЕНЫ МНОЮ ЕЩЁ В 2005 ГОДУ, КОГДА ПРОЗВЕНЕЛ ПЕРВЫЙ ЗВОНЧЕК ЗАРОЖДАЮЩЕЙСЯ ГРАЖДАНСКОЙ БОЙНИ В ДОНБАССЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ». УЖЕ ТОГДА ПРОСЛЕЖИВАЛИСЬ ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО РАСКОЛА УКРАИНЫ, НАПРАВЛЕННОГО НА ОСЛАБЛЕНИЕ РОССИИ В НЕУКЛОННОМ, ИЗВЕЧНОМ ЖЕЛАНИИ ЗАПАДА УНИЧТОЖИТЬ ВЕЛИКОГО ВОСТОЧНОГО СОСЕДА. ТАК БЫЛО ВО ВСЕ ВРЕМЕНА НАЧИНАЯ С КРЕСТОНОСЦЕВ, ВЕЛИКОЙ СМУТЫ, НАШЕСТВИЯ ШВЕДОВ И ФРАНЦУЗОВ, ДВУХ МИРОВЫХ ВОЙН В ДВАДЦАТОМ ВЕКЕ. ВСЁ ТЕЧЁТ, ВСЁ МЕНЯЕТСЯ, НО НЕ УХОДИТ ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ ЖЕЛАНИЕ РАСКРОИТЬ РУССКИЙ МИР, ЧАСТЬЮ КОТОРОГО ЯВЛЯЕТСЯ И УКРАИНА, О ЧЁМ ЗАБЫЛИ НАШИ БРАТЬЯ, ИЗ ИХ СОЗНАНИЯ ВРАГИ ВСЕГО РУССКОГО НАГЛО ВЫБИВАЮТ ЭТО ПОНЯТИЕ. И ЭТО НАСТОЯЩАЯ ТРАГЕДИЯ!

С незапамятных времён между Волгой, Доном и Днепром жили люди. Эта территория всегда была связующим звеном, своеобразным торговым перекрёстком и перекрёстком

ожесточённых битв между Западом и Востоком. Здесь сталкивались племена, которые приходили с разных сторон света. Донецкие степи вынесли «на своих плечах» великое

переселение народов. Знали ковыльные просторы топот огромных орд гуннов и готов, скрип кибиток скифов и сарматов. Много тайн и свидетельств хранит донская земля. Но пустить корни, освоить Дикое поле суждено было только сильному и свободному народу, освоение этих земель происходило в трагическом противостоянии различных народов и культур.

Начиная с X века северное Приазовье и донские степи становятся зоной влияния Киевской Руси, здесь происходят постоянные стычки с различными кочевыми племенами. В периоды затишья донской край становился благодатным торговым центром, пересечением торговых путей, идущих во все концы света.

Влияние восточных славян на кочевые, более отсталые народы было огромным, и это влияние ещё больше усилилось с принятием христианства. Некоторые племена кочевников начинают вести оседлый образ жизни, они, как правило, селятся на границах русской земли, занимаются земледелием, становятся подданными древнерусских князей. В свою очередь, русское население интенсивно проникает в степи, где создаёт свои поселения.

Хотелось бы более подробно остановиться на направлениях движения восточно-славянских племён, начиная с самых ранних источников, которые дошли до нас. Основываясь на фундаментальном историческом труде великого русского историка Сергея Михайловича Соловьёва, давайте проследим движение славянских племён. Вот что пишет С. М. Соловьёв:

«Славянское племя не помнит о своём приходе из Азии, о вожде, который вывел его оттуда, но оно сохранило предание о своём первоначальном пребывании на берегах Дуная, о движении оттуда на север и потом о вторичном движении на север и восток вследствие натиска какого-то сильного врага. Это предание включает в себе факт, не подлежащий никакому сомнению: древнее пребывание славян в придунайских странах оставило ясные следы. Сильных врагов у славян на Дунае было много: с запада – кельты, с севера – германцы, с юга – римляне, с вос-

Всколыхнулся, взволновался
Православный тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв свободы он.

Зеленеет степь родная,
Золотятся волны нив
И, с простора долетая,
Вольный слышится призыв.

Дон сынов своих сзывает
В Круг державный Войсковой,
Атамана выбирает
Всенародную душой.

В боевое грозно время,
В память дедов и отцов,
Вновь свободно стало племя
Возродившихся донцов.

Славься, Дон! И в наши годы,
В память вольной старины,
В час невзгоды честь свободы
Отстоят твои сыны!

Реестровый казак конной сотни

тока – бесчисленные азиатские орды; только на северо-восток открыт был свободный путь, только на северо-востоке славянское племя могло найти себе убежище, где, хотя не без сильных препятствий, успело основать государство и укрепить его в уединении, вдалеке от сильных натисков и влияния Запада, до тех пор пока оно, собравши силы, могло уже без опаски за свою независимость выступить на попрание и обнаружить со своей стороны влияние и на восток, и на запад».

Мы видим, что движение восточных славян на северо-восток было исторически предпрешённым в результате натиска врагов. В эти века формировался характер славянских народов. Они не были кочевниками, только под угрозой самому своему существованию им приходилось уходить с насиженных мест, осваивая дремучие просторы Русской равнины. Закаляясь, обретая уверенность в своих силах, восточные славяне выстояли, а в результате этого огромного напряжения сил, мудрости и воли была создана Киевская Русь.

* * *

Вся наша земля, земля Донбасса, земля наших предков, пропитана кровью и потом многих и многих поколений. И как бы ни хотелось врагам нашим, живущим по соседству либо где-то далеко за океаном, оторвать нас от своей земли, перевернуть наше сознание, запугать или подкупить, разрезать по живому, как это произошло в 1991 году, ничего у них не выйдет. Ибо внутренняя, генетическая связь, которая уходит в глубь тысячелетней Руси, настолько сильна, что разорвать её невозможно. Она живёт в душах миллионов, усиливается и возрастает в своей мощи в дни испытаний. Эту загадку русской души не разгадать никому.

Это даёт надежду и уверенность, что и в этой глобальной битве, которая продолжалась практически весь кровавый двадцатый век, которая продолжается, но уже другими методами, и теперь, в двадцатом первом веке, мы в итоге одержим победу, потому что с нами Бог и помыслы наши чисты.

* * *

В войне 2014–2016 годов на Донбассе донские казаки, воины, оказались в центре противостояния с украинскими карателями и сыграли немалую роль в отражении атак националистов. Донбасс стал новым ратным полем в борьбе за русский мир.

Мы нередко слышим из уст украинских так называемых «освободителей» от российской агрессии такое выражение: «Цэ наша земля». Смешно! Но они в это верят!

* * *

История донского казачества неразрывно связана с тысячелетней историей нашей великой Русской земли, хотя и принято официально относить образование Всеволоцкого Войска Донского к временам правления Ивана Грозного, именно Иван Грозный пожаловал казакам грамоту на вечное владение Доном со всеми его притоками.

В 1552 году зафиксирован первый военный поход донских казаков на Волгу, к стенам Казани, под началом атамана Сусара Фёдорова. Спустя четыре года донские казаки Ляпуна Филимонова совместно с московскими ратями принимают участие в ликвидации Астраханского ханства.

Именно с XVI века начинается интенсивное расширение казачьего влияния на окраинах Руси – это связано прежде всего с упадком и полным крахом татарских государств на юге и востоке, создаются условия для казацкой экспансии. К примеру, в 1557 году атаман Андрей Шадра с несколькими сотнями донцов уходит на Терек, где они положили начало терскому казачеству.

В дальнейшем казачество распространяется на Урал и в Сибирь, это прежде всего связано с именем Ермака Тимофеевича.

Но кто такие казаки? Об этом не утихают споры историков, исследователей казачества, писателей.

* * *

Если говорить о предыстории возникновения казачества на Дону, по одной из версий, история донского казачества возводится к христианскому населению Хазарского каганата (ясы и касоги, которые за своё кавказское происхождение получили название черкасов). В домонгольский период они также именовались бродниками, казаков как отдельного войска или субэтноса тогда ещё не существовало.

Вторая версия исходит из идеи совершенного обезлюдения донской земли в эпоху татаро-монгольского нашествия (то есть полного исчезновения домонгольского христианского населения Дона) и заселения её русскими беглецами «с чистого листа». Основной поток первоначального русского населения (беглых крестьян) направлялся из Рязанского княжества.

Никаких украинцев в этом крае на Дону, Диком поле, не было и в помине, да и самого понятия «украинец» в то время просто не существовало.

* * *

Следующее, о чём мне хотелось бы сказать: территория Всевеликого Войска Донского, частью которого являются земли Донбасса, граничит с благодатным краем, который называется Слобожанщина. Слободская Украина (окраина Руси) (Слобожанщина) включает территорию Харьковской, части Донецкой, Луганской и Сумской областей, выходя за пределы границ современной Украины в сторону Белгорода и Воронежа.

Слобожанская Украина-Окраина, Слобожанщина и в конце концов слобода... Что это такое? Давайте посмотрим, во-первых, что означает само слово «слобода». Обратимся к нашему великому земляку Казаку Луганскому – Владимиру Ивановичу Далю, вот как трактует он это слово: «Слобода – славянское слово «свобода»; слободный, слободить, то есть свободный, свободить. Отсюда слобода – село, поселение свободных людей. Слободской народ – свободный народ».

Как видим, выстраивая обратную цепочку в этих понятиях, Слобожанщина – это обширная территория, заселённая слободскими, свободными людьми. Слобожанский край, окраина, краина – край земли Русской.

Здесь прослеживается своеобразный исторический и геополитический казус, нельзя обмануть искусственными политическими инсинуациями генетическую природу нашего края, земли нашей. Мы были и остаёмся слобожанами, свободными людьми и в помыслах, и в делах. И в какую сторону бы ни повернулось то или иное государственное образование, мы всё равно останемся Слобожанщиной, свободным краем, вольными донскими казаками.

Ещё до открытия Григорием Капустиным в районе Лисичьей балки угля в наших краях селились вольные люди, а затем и беглый крепостной народ. Кстати, сюда бежал угнетённый люд как с севера, так и с запада и востока. Здесь прекрасно уживались рядом и донские, и запорожские вольные казаки. Если проследить топонимику нашего края, мы найдём множество примеров, сходных топонимов, но об этом необходимо говорить отдельно и основательно.

Приведу только один пример. Возьмём город Ровеньки нынешней Луганской Народной Республики. Это не что иное, как Ровенецкая слобода. Мы знаем, что Ровеньки есть и в Белгородской области России. Если сопоставить названия ряда сёл и посёлков обоих Ровенецких районов, то мы без особого труда найдём много общего. Это свидетельствует о том, что разрасталась Слобожанщина с севера, от центральных областей России, на юг, в степи, вплоть до побережья Азовского моря. И это не случайно: в XVI–XVII веках шло интенсивное заселение территории юга Российского государства. Слобожанщина становилась передовым постом Руси перед неослабевающей угрозой татар и турок. И так случилось, что и в двадцать первом веке наш край стал форпостом Руси в борьбе с глобальным западным, либеральным мракобесием.

Наш край неразрывно связан с Россией, мы и есть Россия, мы и есть русские.

* * *

Наш край удивителен и своеобразен, особенно Донбасс. В Донбассе живут сильные и мужественные люди. И, наверное, не случайно в нашем краю самой природой определены огромные залежи каменного угля, который после открытия Григорием Капустиным в 1721 году Донецкого бассейна стал притягивать к себе переселенцев с разных земель Российского государства, чаще всего, конечно же, насильственным методом. Но после того как разработка полезных ископаемых в Донбассе приобрела промышленный характер, для обеспечения рудников и заводов рабочим людом в донецкие земли направлялись и сами двигались крестьяне из центральных областей России.

Донбасс кормил и давал приют всем, кто хотел и мог работать, а работать в шахте или у мартена было дано не каждому, так как это адский, каторжный труд. Но уголь и металл всегда были и будут необходимы государству, это основа безопасности страны.

Всё повторилось, как и в прошлые века. Донецкая земля соединяла различные народы, выковывая, кристаллизуя донбасский характер, гордый и свободолюбивый. Вот как сказал о людях, живущих в нашем краю, донбасский поэт Павел Беспощадный: «Донбасс никто не ставил на колени, и никому поставить не дано!..»

Вспомним героев шахтёрских дивизий, которые сражались с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. У фашистов был приказ: шахтёров в плен не брать. Шахтёров немцы называли «чёрной смертью», шахтёрские дивизии наводили ужас на врага – вот он, донбасский характер!

Золотой век Донбасса и угольной промышленности в целом был в 60–70-е годы прошлого века, но нашим врагам бельмом в глазу маячат сильные славянские государства. Они готовы идти на любые жертвы, чтобы ослабить нас, обескровить, опустошить духовно и в итоге уничтожить.

Теперь можно с уверенностью сказать о девяностых годах прошлого века, после

развала Советского Союза, что вся политика правящей элиты девяностых была разрушительным бедствием для Украины и России, а для Донбасса вдвойне! Сколько изломанных судеб, сколько страданий принесла эта политика простым труженикам! Преступная правящая элита, поставив всё на карту Запада, Международного валютного фонда, разрывала то, что создавалось поколениями, и мы получили умирающие шахтёрские города и посёлки, затопленные шахты, разрушенные заводы, обнищание и уничтожение населения, и всё это на руку нашим врагам! И вот теперь война!

Война на Донбассе, а по сути своей война на исконных русских землях Всевеликого Войска Донского, связана с государственным переворотом, который организовали кураторы из Америки и Европы, вскормившие украинский фашистский национализм, разорвали территорию, разделили на части Украину, собранную советской властью из осколков рухнувших империй в двадцатом веке. Эти события всколыхнули практически весь мир. Всем очевидно, что грамотно продуманная, чётко спланированная глобальная акция направляется и финансируется нашими врагами, врагами всей русской цивилизации.

Враг сидит за океаном, а щупальца его в виде всевозможных так называемых доморощенных либералов, демократов, националистов и откровенных фашистов впиваются в тело народное, им не нужна сильная и свободная Украина, и в конечном итоге им не нужна могучая мировая держава Россия. Это продолжение долговременной американской политики мирового господства, это продолжение событий 1991 года, которые привели к развалу Советского Союза.

Необходимо отчётливо понимать, что нашим врагам не нужна украинская дешёвая рабочая сила, им не нужны новые рынки сбыта своей промышленной продукции, им не нужны наши сырьевые ресурсы; нашим врагам нужна Украина как стратегический плацдарм для развала и уничтожения Великой России, а всё вышеперечисленное у них будет, если падёт последний оплот на пути мировой

глобализации, если Россия останется один на один с Западом.

Да, последние события на Украине всколыхнули общество, по сути, большая часть народа была обманута и зомбирована наглым вмешательством и давлением Запада. В май-данный путч были вложены миллионы, миллиарды долларов, захвачены и подкуплены средства массовой информации, брошены все силы на развязывание войны.

* * *

И теперь мы подошли к главному вопросу: в какую сторону должен быть направлен вектор тяготения Донбасса, Слобожанщины, юго-востока Украины в целом? Важными для решения этого вопроса являются два основных аспекта жизни народов, проживающих на этой территории, – духовный (языковой, религиозный) и материальный (экономический, хозяйственный). И ответ на этот вопрос очевиден и однозначен: всеми исторически, культурными и хозяйственными корнями и самой верой православной наш край связан с Россией. Мы едины! Стоит ли развивать эту

мысль? Пожалуй, нет. Ибо тот, кто не хочет слышать, и не услышит. Но всё же я верю, что с Божьей помощью скоро настанет время, когда уйдёт в небытие эта смута, которая продолжается вот уже столетье, и Великая Россия займёт в этом мире своё предначертанное Божьим провидением достойное место. С нами Бог, и в этом сила! А

Владимир КАЗМИН
г. Луганск, 2005–2017 гг.

ОТРАЖЕНИЕ РОССИИ

МАЛО КТО ЗАДУМЫВАЕТСЯ, НО ЦВЕТ КУПОЛА ИМЕЕТ ОЧЕНЬ БОЛЬШОЕ ЗНАЧЕНИЕ В СИМВОЛИКЕ ПРАВОСЛАВИЯ, И ХОТЯ ТРЕБОВАНИЕ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ, НО ВСЁ ЖЕ ЗАЧАСТУЮ УЖЕ ПО ЦВЕТУ КУПОЛА МОЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ, В ЧЕСТЬ КОГО ИЛИ КАКОГО СОБЫТИЯ ОСВЯЩЕНА ЦЕРКОВЬ. ТАК, ЗОЛОТОЙ ЦВЕТ – В ЧЕСТЬ САМОГО ИИСУСА ХРИСТА ИЛИ СОБЫТИЙ, СВЯЗАННЫХ С НИМ (ПРЕОБРАЖЕНИЕ, ВОЗНЕСЕНИЕ И Т.П.), ГОЛУБОЙ ЦВЕТ – В ЧЕСТЬ БОГОРОДИЦЫ, ЗЕЛЁНЫЙ – ПОСВЯЩЁН ПРЕПОДОБНОМУ, А КРАСНЫЙ – В ЧЕСТЬ МУЧЕНИКА.

В советское время на территории Первомайского района действовало всего два храма, в сёлах Старосеславино и Староклёнское, и большинство верующих Первомайского района посещали, кроме этих двух храмов, храм в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех Скорбящих радость» в городе Мичуринске и церковь Боголюбской иконы Божией Матери в с. Зимарово Новодеревенского района, на границе с Первомайским районом.

В этой церкви проходило таинство венчания моего крёстного Игоря Анатольевича

Трубы, многие друзья и знакомые стараются принять таинство причастия именно в этом храме. И действительно, находясь в этих святых стенах, испытываешь чувство спокойствия, и даже самые длинные службы переносятся легко и воодушевлённо.

Интересна история возведения церкви Боголюбской иконы Божией Матери. Так, изначально в селе Зимарово существовала деревянная церковь, но сведения о том, когда она была построена, до нас не дошли. В 1781 году старый сельский храм настолько обвет-

шал, что проводить службы в нём стало невозможно. И тогда сельчане попросили церковное начальство соорудить новую церковь во имя Архангела Михаила.

На согласование и строительство ушло несколько лет, и только в 1786 году новый деревянный храм был построен и в том же году освящён. Описи имущества храма, «Историко-статистическое описание церквей и монастырей» И. Добролюбова и другие свидетельства говорят о том, что в храме было несколько икон – копий с Боголюбской, одна из которых была поставлена над воротами церковной ограды, а две – в храмах, тёплом и холодном. Церковь простояла до середины XIX века.

В 1843 году жители обращались с просьбой о построении новой церкви в их селе, для чудотворной иконы. Однако вопрос долго не решался, пока не произошёл пожар. Интересно, что 18 января 1849 года чудотворная икона была перевезена в Скопинский уезд по просьбе одного из её почитателей, а на другой день, в полдень, по неизвестной причине случился пожар, уничтоживший до основания всю церковь со всем имуществом и документами.

Увидев в случившемся Божий промысел, священник Зимаровской Архангельской церкви обратился к гвардии полковнику Михаилу Николаевичу Семёнову с горячим письмом, чтобы тот выстроил в селе каменный храм, «усмотрев на опыте, как скоро и прочно соорудили Вы храм во имя Архистратига Божия Михаила в Вашем селе Архангельском, и зная усердие Ваше и почитание к святой и чудотворной иконе Боголюбския Божия Матери, каковая имеется в Вашей Архангельской церкви...».

Но это было в 1849 году, а до этого храмостроители прошли путь более чем в 5 лет, и только Божье провидение помогло им осуществить задуманное.

К строительству нового храма в с. Зимарово очень сочувственно отнёсся архиепископ Рязанский и Зарайский Гавриил (Городков). Он предписал учредить особый комитет для сооружения храма, членами которого

были священнослужители и местные дворяне. Полковнику М. Н. Семёнову были выданы для сбора подаяния две книги с благословением преосвященного Гавриила (Городкова) «на сие святое предприятие». Архиепископ Рязанский и Зарайский писал: «...а благословит ему Господь соорудить в селе Зимарово каменное здание храма во имя Боголюбския Богоматери о трех престолах... 1844 г.».

31 августа 1844 года комитет был учреждён. Активное участие в нём принимали, кроме вышеупомянутого М. Н. Семёнова, князь Сергей Волконский, дворянин Николай Семёнович Батулин, помещик Дубовицкий, священник Михаил Топкин и многие другие. Так, Н. С. Батулин писал архиепископу Гавриилу (Городкову): «...полагая, что такое благое пожелание в дворянах – сопомещиках моих – возродилось по произволению и благости Божией, и освящено уже Вашим, Высокопреосвященный Владыко, Архипастырским благословением... Я почитаю необходимым средством усилить возможность в настоящем деле помощью добродетельных людей чрез подписку, в чем, находясь по службе моей на жительстве в С. Петербурге и имея довольное знакомство, я при помощи Господней надеюсь иметь немалый успех... 1846 г. 22 июня».

И вот 18 июня 1846 года, в день празднования в честь иконы Боголюбской Божией Матери, было положено начало строительству нового храма. На этот праздник собралось множество народа, как говорят документы, «кроме черни, мещан и купечества, было много благородных особ, пришедших пешком на богомолье». После литургии икону Боголюбской Божией Матери самые почтенные и почётные граждане несли на руках, а самые усердные несли всю дорогу до места, где должен был быть заложен новый храм, сделанный ими помост. Молебен по поводу закладки нового храма совершил строитель Раненбургской Петропавловской пустыни Иоанн. Как отмечалось в донесении по этому поводу, погода была совершенно благоприятной для столь радостного события.

В 1847 году Михаил Семёнов докладывал владыке Гавриилу (Городкову): «Благости

Пресвятой Божией Матери по усердию к чтимой иконе ЕЕ собрано от подаяния при молебнах с сентября по март месяц около 1000 рублей серебром, да прислано из Санкт-Петербурга в Комитет от сборщика Г-на Батурина по март же месяц триста шестьдесят рублей серебром, так что сумма, собранная на храмоздание в нынешнее зимнее время, равняется почти сумме всего сбора, от начала храма здания по сентябрь 1847 г.».

Кроме того, священники села Зимарово Топкин и села Солнцево Иоанн Дмитриев в течение нескольких лет отправлялись с иконой в места, где свирепствовала эпидемия, по первому требованию, без всякого опасения. Благодарные люди давали на строительство храма для своей Целительницы всё, что имели.

Наш архипастырь Гавриил (Городков), обзвывая в 1849 году епархию, по возвращении в своём предложении Рязанской духовной консистории писал: «О чудотворной иконе Богородицы Боголюбской, находящейся Раненбургского уезда в селе Зимарово, известно, что к ней с давнего времени православные христиане оказывают особенную преданность и прибегают с молитвами, берут оную в другия не только окрестныя, но и отдаленныя селения и города, особенно в постигших каких-либо общественных бедствиях, так что непрерывное ей молебствие и шествие с нею из одного места в другое, сопровождаемое тысячами народа, продолжается иногда несколько месяцев. Вера и усердныя молитвы прибегающих к ней нередко ознаменовывались явными милостями Божиими. Так, во время эпидемической болезни холеры во многих селениях зараженных оною по принесении пред сею иконою молитв, болезнь начинала ослабевать и вскоре прекращалась. Такое милосердие Божие, подаваемое ходатайством Богородицы, весьма много способствует к утверждению в тамошнем краю православных в вере и благочестии. По сгорении в том селе деревянной церкви ныне успешно сооружается пожертвованиями усердствующих и кошельковою суммою пространная и благовидная в архитектурном отношении ка-

менная церковь под наблюдением учрежденного строительного комитета, член которого гвардии полковник Семенов особенную оказывает заботливость и усердие к построению оной». Пока строилась церковь в Зимарове, чудотворная икона находилась в селе Ярославка, а владыка всё время интересовался, как идёт строительство.

Благодаря людской бескорыстной помощи уже 15 мая 1850 года преосвященный Гавриил (Городков) утвердил план иконостаса нового храма, присланный ему строителем М.Н. Семёновым, а в сентябре того же года он писал, что «храм в с. Зимарово приходит постройкою к окончанию, остались не сделанными одни главы и крыльца...», а также просил перелить расколовшийся во время пожара колокол.

Новопостроенный храм украшался, как и строился, всем миром. Много сделали для этого помещики окрестных сёл и деревень. Господин Дубовицкий закупил на свои средства «всех образов, как иконостаса главного, так и приделов, с прибавлением еще двух больших образов по обе стороны иконостаса и огромной картины за престолом».

3 ноября, в день праздника Михаила Архангела, был освящён придельный храм во имя Архистратига Божия Михаила, а позднее – во имя Боголюбской иконы Божией Матери и святителя и чудотворца Николая Мирликийского.

По ходатайству архиепископа Рязанского и Зарайского Гавриила (Городкова), Святейший Синод наградил гвардии полковника М.Н. Семёнова, князя С. В. Волконского, священника Михаила Топкина, действительно статского советника Петра Дубовицкого, надворного советника Николая Батурина за усердные действия по строительству храма, им было преподано через архиепископа Рязанского и Зарайского благословение Святейшего Синода. А сколько людей получили другую награду – видеть в новом храме образ столь почитаемой Богородицы!

И сейчас стоит этот храм, выстроенный на народные средства по проекту архитектора Воронихина для иконы Боголюбской

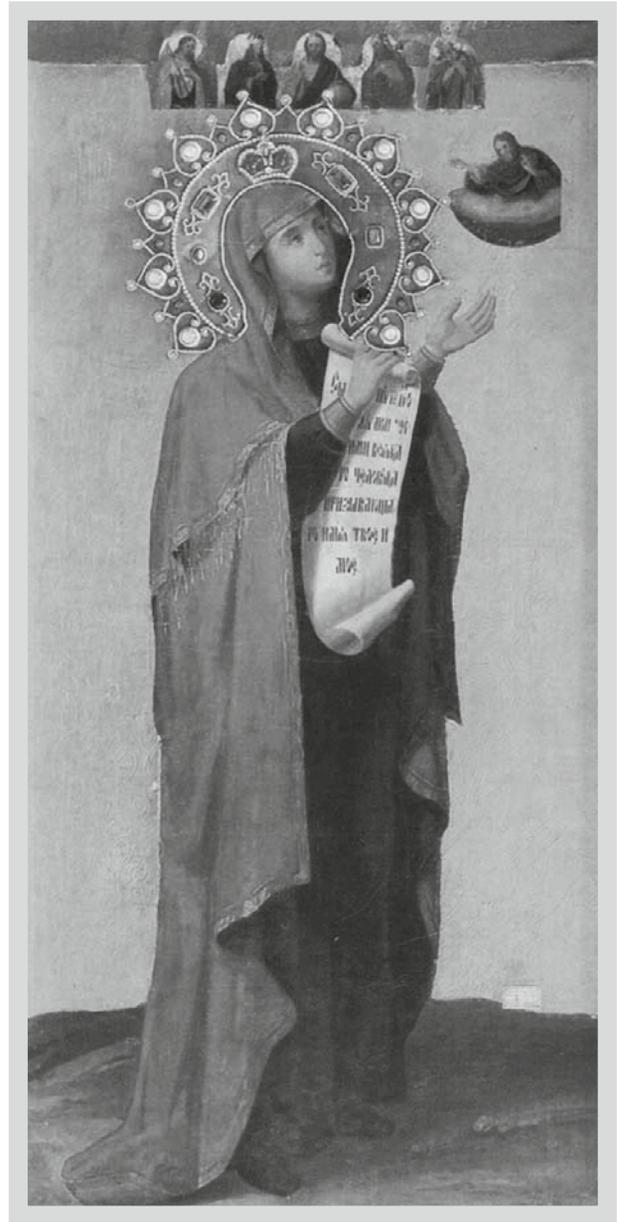
Божией Матери, только нет уже в храме той чудесной чудотворной иконы, хотя память о ней жила в сердцах людей всегда, даже в 50-е годы ушедшего столетия.

2 июля 1951 года благочинный протоиерей А. Хватов писал епископу Рязанскому и Касимовскому Николаю (Чуфаровскому) о праздновании в честь Боголюбской иконы в с. Зимарово. На празднике этом присутствовало около 5 000 человек, исповедовались и причастились более 3 000 человек. «Такое скопление народа объясняется тем, что в Зимарове до революции была чудотворная икона Божией Матери, чтимая не только в Рязанской епархии, но и находящаяся в перечне чудотворных икон всей православной церкви. Большинство молящихся были пришлые из ближайших благочиний Рязанской епархии: Сапожковской, Скопинской, Рязанской, Ряжского района, Милославского и Данковского...»

Торжественное освящение Боголюбской церкви состоялось 18 июня 1852 года. Вокруг храма в 1866 году была сделана каменная ограда с воротами длиной в 200 сажен.

Для церкви выделено земли: церковной и кладбищенской – 2 десятины, усадебной – 1 десятина и пахотной – 41 десятина. Недалеко от здания храма расположена часовня князей Волконских. Рядом находился двухэтажный каменный дом, где с 1866 года размещалась школа.

В сельском приходе числилось 100 дворов. Помимо Зимарова, в приход входили деревни Рясы, Лихорево, Чернево, Берёзовый Ржавец, Батурки, Угрино, Самовыселки, Урусово, Озерки, Хлопотный хутор. Всего населения – 1 595 мужиков и 1 696 женщин. Из них грамотных 436 человек. По штату в церкви сначала полагался один священник и один псаломщик, а с 1885 года уже служили три священника и три псаломщика. В разное время Боголюбскую церковь материально поддерживали князь Меншиков, императрица Анна Иоанновна и другие крупные сановные лица. В настенной живописи сохранились фрески работы итальянских мастеров. Как и по всей России, в советское время церковь постигла участь большинства храмов, она была

Икона Божией Матери «Боголюбская-Зимаровская»

закрита и некоторое время использовалась в качестве склада сельхозпродукции, зернохранилища. Из церковного имущества многое было утрачено и уничтожено.

Открылся храм раньше других православных церквей. Сегодня в Боголюбской церкви проходят богослужения, но реставрационные работы ещё полностью не завершены. **▲**

Анатолий ТРУБА

Геннадий ЯКУШЕНКО

Родился 26 февраля 1939 года на Украине. Большая часть его жизни прошла в Тамбове. Работал на заводе, в газетах «Коммунистический труд» и «Комсомольское знамя». Первый поэтический сборник «Синие ливни» вышел в 1967 году в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве. Вскоре Геннадий стал участником VI Всесоюзного совещания молодых литераторов, занимался у Евгения Винокурова. Стихи поэта публикуются в «Литературной России», «Советской России», в журнале «Смена». Некоторые из них переведены на шесть европейских языков.

Геннадий Якушенко рано ушёл из жизни, в возрасте 37 лет. Его сердце перестало биться 9 февраля 1976 года. До последних дней он работал над второй книгой, которую назвал словом коротким, обещающим и требовательным – «Строка». В 1983 году под редакцией известного тамбовского поэта Ивана Кучина книга эта была издана в Воронеже.

Я истину постиг...

* * *

Куплю с полочки белого коня.
Взметнусь в седло.
Скосив лукаво око,
Конь пронесёт шикарного меня
Мимо твоих открытых окон.

И будет надо мной висеть
Меж облаков орёл спокойный,
А конь располосует степь
На два куска серебряной подковой.

И поскачу я до Днепра-реки,
Там поклонюсь седым курганам.
Решат на шумной сходке казаки:
«Будь братом нам и верным атаманом».

Ударит – вдребезги – казацкий день,
И затрещат вишнёвые рубахи...

А на заре вернусь я в свой курень,
В пустой курень, как будто бы на плаху.

Раздавит грудь мне страшный стон,
И рухну на пол срубленным под корень.
Но в дверь ударит гулко конь,
Мой добрый конь, серебряной подковой.

Он вынесет меня на шлях туманный
И на дыбы поднимет горизонт,
А на вершину хмурого кургана
Орёл с лохматой тучи соскользнёт.

Ты вся – как миг, неверного меня
Прижмёшь к груди, забыв и страх, и робость...
...А до полочки-то – четыре дня...
И вот – пятак на утранный автобус.

* * *

Не плачь при мне. Не выношу я слёз.
 Упрячь, захорони в душе обиду.
 Я среди слёз, я среди горя рос.
 Я столько слёз в глазах у женщин видел,
 Что лишь скользнёт по бледности щеки,
 Скользнёт, горя, слеза живая –
 И я уже сжимаю кулаки,
 Я, стиснув зубы, кулаки сжимаю.
 Твоей души обидчики, враги
 От злобы пусть развалятся на части.
 Не плачь. А слёзы ты побереги,
 Побереги, родная, их на счастье.

* * *

Январский полдень розов,
 Мороз стекло грызёт,
 И белые берёзы
 Идут за горизонт.
 Под нестерпимым ветром,
 По-вдовьи тихо горбась,
 Тая в звенящих ветках
 Берёзовое горе.
 Вот так, наверно, вдоволь
 Пролив горячих слёз,
 Учились наши вдовы
 Молчанью у берёз.

* * *

Сухой грозой луга наполнены.
 Трещат под душным сеном прясла.
 И обессиленные молнии
 В холодных тучах молча гаснут.
 А за лугами – рожь некошена.
 А ты над робостью – невластная.
 Лежит во ржи тропа – нехожена.
 Жена – красива, да неласкова.
 Росинки падают доверчиво
 С ветвей, чуть тронутых усталостью.
 И далеко ещё до вечера,
 Далече, чем до нашей старости.

* * *

Куда бредут задумчивые тучи,
 Невидимый в себе запрятав свет?
 Оставит ли хоть искромётный след
 В моей душе огонь звезды падучей?
 В поэзии на то ищу ответ.
 Когда до боли примитив наскучит,
 Я открываю томик. Фёдор Тютчев.
 «Сей чистый огонь, как пламень адский, жжёт».
 Огонь и пламя – разная основа.
 Не в этом суть. Я истину постиг:
 Всё, что когда-то было ново,
 Старо. Лишь вдохновенья миг
 Не архаичен. Как простое слово,
 Которым он воспламенял свой стих. **А**

Тамбовские литераторы
 (слева направо):
 Евстахий Начас,
 Геннадий Якушенко,
 Евгений Яковлев,
 Владислав Голков

Надежда ГУМЕНЮК

Родилась и живет в Забайкалье. Журналист, заслуженный работник культуры Читинской области. Окончила отделение журналистики филологического факультета Иркутского государственного университета. В настоящее время – главный редактор общественно-политической газеты «Эффект» Забайкальского края. Надежда Гуменюк – поэт и прозаик. Член Союза писателей России, серебряный лауреат международного конкурса «Национальная литературная премия "Золотое перо Руси – 2016"».

Когда уйдёт из жизни света

***

***

А ночью за резными ставнями
Пел до рассвета соловей –
Мне не спалось в деревне Стаево
Среди берёз и тополей.
Склонялись липы под окошками,
Шептал о чём-то старый клён –
Как будто песню пел с гармошками
Ещё есенинских времён.
Плыла луна в туманном облаке
Над очарованным селом –
Где соловей всю ночь прищёлкивал,
Трель рассыпая над землёй.
И равных не было, наверное,
Залётной птахе в этот миг –
Молчали где-то скрипки нервные,
Пока к утру он не затих.
Лишь ночь бессонная растаяла –
И улетел мой соловей,
Быть может, из деревни Стаево
Теперь за тридевять земель.

Когда уйдёт из жизни света –
Ты будешь созерцать неторопливо,
Как вдаль течёт река янтарной нивы
И родника упруга чистота.
Как ловит эхо чуткое в горах
Незримой птахи звонкие бемоли –
И всходы лилий просятся на волю,
Под тёплый кров небесного шатра.
И каждая таёжная тропа
Тебе до боли кажется знакомой –
Как будто на порог родного дома
Тебя сквозь годы привела судьба.
И горькой смолью вековой сосны
Пропахнут твои смуглые ладони –
Когда обнимешь ты времён бездонье,
Остановив мгновение весны.

* * *

Можно всё зачеркнуть и спалить беспощадно
В ослепительный миг, а потом пожалеть,
Лишь одним только росчерком гневного
взгляда,
Как на душу безгрешную – Каина плетъ.
Так у нас повелось: если бьёт – значит, любит,
Даже если по сердцу – словесным ножом.
Но не могут любить равнодушные люди,
Как не может быть заяц колючим ежом.
Без любви, как без солнца, сердца замерзают –
В одиноких квартирах гудит тишина.
Но снега не растопишь скучными слезами –
Надо, чтобы в душе расцветала весна.
Чтоб в открытые окна ветра голосили,
А дожди выбивали весёлую дробь...
Может, чаще бы люди прощенья просили,
Если грели бы души у звёздных костров.

* * *

Всё проходит, как дождей исходы.
И рассветов тают миражи.
И потоком бурным мчатся годы
До своей невспаханной межи.
И, как прежде, пишутся клавиры
Из весенних звонких голосов –
И полна струна осенней лиры
Тёплой медью девственных лесов.
Но мудрее вечная природа,
Чем природа брэнная людей –
Есть среди них жестокая порода
Воронов над стаей лебедей.
Но проходят времена тиранов,
И забвеньем стёрты их черты –
Лишь не оскудеют те поляны,
Где восходит семя доброты.
Жизнь рекою плавною струится,
Чертят небо юркие стрижи –
А мгновенье на моих ресницах,
Как дождевка робкая, дрожит.

* * *

Как отгоревший луч, вчерашний свет
Уже растаял во вчерашнем небе.
Как угольки в золе, вчерашний след
Ещё хранит тепло в насущном хлебе.
И на губах ещё горчат слова,
Которые унёс вчерашний ветер.
Но снова пробивается трава
Сквозь праведную боль тысячелетий.
И новой жизнью полнится земля,
Расцветивая утро голосами –
То звоном родника из хрусталя,
А то грозы тяжёлыми басами.
Пока рассвета теплится свеча
И день не начат солнечной строкою –
Желанный плен любимого плеча
Благословите любящей рукою.

* * *

С восходом солнца – снова в путь:
Сон лишь коротким был привалом –
До вечной лодки у причала
Я доберусь когда-нибудь.
Но не истоптана пока
До новых зорь моя дорога –
Осталось, может, их немного –
Лишь так же вдаль бежит река.
Душа ещё полна любви,
Как тёплый луг бурлит цветами –
И солнце греть не перестанет,
Пока приходят дни мои.
Но бьёт копытом резвый конь
С утра у моего порога –
От пешей жизни мало прока,
Пока в душе горит огонь.

* * *

Открой души заветную страницу –
 Пусть в ней живут наивно, без затей
 И рыжий кот, и бойкая синица,
 И ветра убегающая тень.
 Пусть обернутся радостью печали
 И зацветут жарками по весне –
 А звёзды, как фонарики, ночами
 Мерцают пусть сквозь мглу в твоём окне.
 Когда сквозь неба голубые ситцы
 Зари пробьётся алая свеча –
 Открой души заветную страницу
 Дыханьем робким первого луча.
 И в этот миг, как кесарю, быть может,
 Тебе простятся все твои грехи –
 И, вечности коснувшись осторожно,
 Напишешь свои лучшие стихи.

* * *

Мы приходим сюда, чтоб страдать
 И платить за грехи долгой болью.
 Лишь во сне мы умеем летать –
 Но боимся делиться любовью
 И срывать с нецелованных губ
 Поцелуев полынную горечь,
 На пустынном найти берегу
 След янтарный, оставленный морем.
 И зовёт нас в рассветную мглу
 Дикий предок из тёплой постели –
 Чтоб зари золотую золу
 Над землёй завивать канителью.
 И в уюте квартир городских
 Всё равно ищем мы покоя –
 Чтоб судьбе отыскать вопреки
 Бесприютное счастье такое.

* * *

Может быть, в соседнем доме
 Я найду портрет в альбоме,
 На котором под вуалью –
 Женский взгляд из вечной дали.
 Припорошена годами
 Красота той светской дамы –
 В кольцах узкая рука
 Локон трогает слегка.
 Словно вздох небесной скрипки –
 На губах лишь тень улыбки,
 А глаза её печально
 Неземной мерцают тайной.
 Но никто не помнит в доме,
 Чей портрет забыт в альбоме,
 Просто взгляд издалека –
 В кольцах узкая рука...

* * *

Не пропусти мгновения земные,
 Когда зари прозрачны лепестки,
 А солнце моет волосы льняные
 В медовых водах утренней реки.
 И птахи ранней тёплой бельканто
 В своих ладонях ласково держи –
 И золото червонное заката
 Тебе на крыльях принесут стрижи.
 И пусть тебе, как в детстве, крепко спится
 На шёлковой перине луговой –
 Чтоб солнце в твоих путалось ресницах,
 А на губах – цветочек полевой.
 И ты забудешь все свои печали,
 Когда слетит с берёзы тонкий лист,
 Чтоб стать твоим колечком обручальным
 В земном союзе под названьем «жизнь».

Людмила СЕРГЕЕВА

Поэтесса, член Международной ассоциации писателей.
Родилась в 1946 году в селе Новопокровском Мордовского района Тамбовской области.
Работала учителем в ЦДТ «Радуга» города Тамбова.
Педагог дополнительного образования ЦДТ «Радуга» города Тамбова. Профсоюзный стаж – 35 лет.
Печаталась в газетах «Новая жизнь», «Наедине», «Притамбовье», «Город на Цне», «Тамбовский курьер», «Наш город Тамбов» и др.; в городах: Калуга, Ижевск, Руза (Московская область), Серпухов.
Выпущены сборники стихов для детей: «Я с солнышком дружу», «Волшебные рукавички», «Книжка о пони».
Выпущены сборники стихов для взрослых: «Нет у поэзии конца», «Соловьи в смородине», «Жжёт костры золотая осень», «Жизнь – тревожная дорога...», «Красные гладиолусы», «Белый свет – не белый цвет», «О том, о чём поговорим...».
Стихи напечатаны в сборниках «Радуга над Цной», «Тамбовский венок Высоцкому», «Тамбовский альманах», № 11, 2011 г.

*Край Тамбовский –
часть сердца России!*

Я живу в Чернозёмном крае –
Это в самой глубинке России.
Но не надо заморского рая.
Для меня во сто крат он красивей.

Здесь народ добротой не скудеет.
Нераздельны, как сердце и тело.
Если надо – душою согреет,
Если надо – поможет и делом.

Он – хозяин, со знанием правит
На широком безбрежном просторе:
Будь то лес, как зелёное море,
Где богатств без конца и без края,

Иль поля золотого покрова,
Когда зреет богатое жито...
Повторяю снова и снова,
Что недаром время прожито

Моим краем. Сейчас, как и прежде,
Молодые дают ему силы.
И любому скажу я невежде:
«Край Тамбовский – часть сердца России!»

Весной 45-го...

Встревожены стрельбой грачи.
Взлетели над гнездовьем.
А это пулемёт строчит
В защиту жизней вдовьих.

Он знает, что конец войне.
Фашист обезоружен.
Победу встретят по весне,
Ведь мир всем очень нужен.

Чтоб колосились все поля,
Покой хранили крыши,
Садами чтоб цвела земля
И смех детишек слышен.

А радость пусть живёт вовек
И с нею – счастье в доле.
Так мир храни ты, человек,
В тебе есть сила воли.

В музее

На самом видном месте
Каска и шинель.
Несли с собою вести,
Как их в бою шрапнель
Секла, секла безбожно –
Хотела жизнь убить.
Да разве же возможно
Солдата победить?!
Пусть даже и придётся
Погибнуть в том бою,
Но кровь его прольётся
За Родину свою.
Нет! Нет!
Он не допустит,
Чтоб землю враг топтал.
Довольно слёз и грусти.
Расплаты час настал!
Пусть пули зло свистели,
Куражилась шрапнель –
Убить его хотели,
Свидетель в том – шинель,
Да разве можно душу
У русских отобрать,
Чтоб мир войной разрушить?!
Врагу то не понять.
...И вот на видном месте
Каска и шинель.
Как и в бою, здесь вместе...

Вы не верьте...

Вы не верьте в молчание книги –
Говорит нам своим языком.
В ней все строчки совсем не безлики,
Каждый штрих, каждый знак нам знаком.

Только надо душою прикинуть
К тем словам, что стоят строго в ряд,
Сразу образы чьи-то возникнут.
В книжном мире живут, говорят!

Мы познаем любовь, как нагрянет,
Не помеха года на пути.
Как влюблённый вмиг духом воспрянет,
Что к нему может счастье прийти.

Можно больше познать о природе:
Как тоскует по югу сосна
Или тянутся кедры к свободе...
Как проснётся медведь ото сна.

Иль узнаем о прошлом планеты:
Как возникла вся жизнь на земле,
Как летали тарелки-ракеты
Иль как жили рабы в кабале...

Много жизней вмещается в строчки,
Но сумейте-ка сразу понять,
Что, над і расставляя все точки,
Не спешите к душе принимать.

А умейте, читая, лопатить,
Золотое зерно добывать,
Чтоб с людьми и природою ладить,
Добрый след на земле оставлять.

* * *

Любовь без лишних слов.
А разве так бывает?
Ответ на то готов:
Она с тобой шагает
Повсюду – будь то поле,
Что без конца и края,
Иль сине-сине море,
Где волны так играют,
Как будто бы целуют,
Когда войдёшь ты в воду,
И сердце разволнуют.
Знать, у любви нет броду.

Любовь без лишних слов.
Да, в жизни так бывает,
Где есть надёжный кров,
Навеки процветает.
И даст она плоды,
И возродится в детях.
Любовь берёт бразды.
А с нею жить планете!

Золотые руки

Говорят: ЗОЛОТЫЕ руки!
Но не золотом покрыты они.
Эти руки не знают скуки.
Украшают делами все дни,

Даже если те дни чуть тревожны.
Всё бывает по жизни у нас.
Надо сделать всё так, чтобы можно
Было видеть её без прикрас.

Красота неприметной бывает.
Не нуждается в сотнях речей.
Но в трудах её люд воспевает,
Как тот свет среди тёмных ночей.

Так восславим мы руки златые,
Что дают нам тепло своих дел!
А на вид они очень простые.
Быть в работе всегда их удел!

Верить в жизнь не перестану

Старые каштаны пережили зиму.
Так хотелось радость людям принести.
И свою во сне накопленную силу
Им не жаль потратить, чтобы зацвести.

И в какой-то миг распрямылись плечи,
А листва от ветра защищала грудь.
И взметнулись вверх с ароматом свечи,
Словно говорили: «Около побудь!»

Посмотри на чудо, что дают каштаны.
С каждым днём короче у нас жизни путь.
Но с тобою встречи с нетерпением ждали,
Так что постарайся, рядышком побудь!»

Не могу забыть цветенье тех каштанов.
Что стары – так это не беру в расчёт.
Вместе с ними верить в жизнь
не перестану,
В ту, что в русле вечности, как река, течёт.

Мой Тамбов

Тамбов опутан поясом из леса,
Куда ни кинь – берёза есть и ель.
Побудь у нас, хотя б из интереса,
И ты полюбишь город, мне поверь.
Здесь ветер часто моет все дороги.
Бывает, он кусты полощет днём.
Глаза людей промоет от тревоги,
И снова в будни праздники мы ждём.
Задуматься о грустном не позволит
Игривая с кустами речка Цна.
Волшебный лес здесь душу упокоит.
А если б нет – то грош ему цена.
Тут церкви вверх взмывают – ближе к Богу.
И люди на поклон сюда идут.
Иль можно выбрать в городе дорогу,
Где радость встреч и мир любви вас ждут.
Растут дома. Красивых много парков.
И город стал своим обличьем нов.
К тебе любовь костром пылает жарким.
В веках живи и здравствуй, мой Тамбов!

Нас не сгубить

Всюду стоят обелиски –
Память военных лет.
Возле поклонимся низко –
Дань тому, кого нет.
Они до сих пор живые
В наших чутких сердцах
Как стойкие и боевые.
Их воспеваем в стихах,
Рассказах, а подвиг извечным
Будем считать на века.
Жизнь каждого быстротечна,
Но бурная, словно река.
И ей не страшны преграды,
Упорством и дружбой снесём.
За это не ждём мы награды
И будем примером во всём
Потомкам. Они продолженье
Жизни, была чтоб без слёз,
К старшим – всегда уважение
Да мир берегли от угроз. А

ЕЛИЗАВЕТА ПАВЛОВНА САТИНА И ЕЁ ЧАСТНАЯ ГИМНАЗИЯ

ДОЛГИЕ ГОДЫ ПОЛУЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ БЫЛО ПРЕРОГАТИВОЙ МУЖСКОЙ ПОЛОВИНЫ. В ГОРОДЕ КОЗЛОВЕ, КАК, ВПРОЧЕМ, И В ЦЕЛОМ В РОССИИ, К ЖЕНСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ ИЗНАЧАЛЬНО ОТНОСИЛИСЬ КРАЙНЕ ОТРИЦАТЕЛЬНО, ТАК КАК СЧИТАЛОСЬ, ЧТО ОСНОВНОЙ УДЕЛ ЖЕНЩИНЫ – ХРАНЕНИЕ ДОМАШНЕГО ОЧАГА, ЗАБОТА О ДЕТЯХ И ПОСЕЩЕНИЕ ЦЕРКВИ, И В СВЯЗИ С ЭТИМ ГРАМОТНОСТЬ ЕЙ НИ К ЧЕМУ. В ОСНОВНОМ ЖЕНЩИНЫ ПОЛУЧАЛИ ДОМАШНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ НАРЯДУ С МУЖСКИМИ СУЩЕСТВОВАЛИ И ЖЕНСКИЕ УЧИЛИЩА: ГОРОДСКИЕ И ОБРАЗЦОВОЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ, ПРОГИМНАЗИЯ, А ВПОСЛЕДСТВИИ И ГИМНАЗИЯ. ПЕРВОНАЧАЛЬНО ОНИ БЫЛИ СТРОГО СОСЛОВНЫЕ: ДВОРЯНСКИЕ, ДУХОВНЫЕ И ДЛЯ НИЗШЕГО СОСЛОВИЯ. НО ВСЕ ЭТИ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ, НАЧАЛЬНЫЕ И СРЕДНИЕ, НЕ МОГЛИ ВЫПОЛНИТЬ В ПОЛНОМ ОБЪЁМЕ СУЩЕСТВУЮЩИЙ В ТО ВРЕМЯ ЗАПРОС ОБЩЕСТВА НА ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. И НА ПОМОЩЬ ГОРОДСКИМ И ЗЕМСКИМ, ВЕДОМСТВЕННЫМ И МИНИСТЕРСКИМ УЧИЛИЩАМ ПРИШЛИ УЧИЛИЩА ЧАСТНЫЕ.

Знаток городской истории не без труда назовёт несколько козловских частных женских и смешанных училищ и гимназий, где могли получить образование наши бабушки и прабабушки. Это гимназии Трацевской, Архангельской, Гневышевой и др. Но каждый житель города непременно вспомнит и имя Елизаветы Павловны Сатиной, и её частную

женскую гимназию, без труда показав здание Социально-педагогического института, где она находилась.

История частного учебного заведения началась в 1904 году, когда в городе Козлове Елизавета Павловна Сатина открыла новое двухклассное частное училище 3-го разряда. С этого времени основанное ею частное учеб-

ное заведение стало делом её жизни. Е. П. Сатина была неизменной начальницей и содержательницей сначала училища, а затем и гимназии.

Передо мною небольшой послужной список частного училища Е. П. Сатиной. Из него мы узнаём, что Елизавета Павловна Сатина, урождённая Эберман, родилась 12 (24) сентября 1867 года. Вероисповедания православного. 10 (22) октября 1884 года окончила 4-ю Московскую гимназию с золотой медалью. Позднее получила свидетельство на звание домашней учительницы из Московского учебного округа за № 5820. С 20 августа (2 сентября) 1903 года – в должности учительницы. В училище преподавала французский и русский языки.

Вместе с ней в училище преподавал её муж – Иван Аркадьевич Сатин. Был он не намного старше своей жены (родился в 1866 г.) и принадлежал к дворянскому сословию. В 1883 году И. А. Сатин окончил курс (семь классов) в Пажеском Его Величества корпусе. Кроме того, он имел свидетельство на звание учителя начального училища, в должности которого находился с 21 августа (3 сентября) 1905 года. Согласно разрешению директора народных училищ Тамбовской губернии от 14 (27) июля 1905 года за № 1801, И. А. Сатин преподавал в училище естествознание и историю.

Разрешение попечителя Харьковского учебного округа на открытие частного училища

3-го разряда Е. П. Сатиной было выдано 20 августа (2 сентября) 1903 года (№ 12159), но ввиду позднего времени получения разрешения заведение было открыто только в августе 1904 года в составе двух классов при двадцати учащихся.

Как сообщала «Козловская газета» в конце августа 1905 года: «Учебное заведение и пансион Е. П. Сатиной готовится детей во все средне-учебные заведения. Практика иностранных языков, танцы и музыка по желанию. Г. Козлов, Монастырская улица, дом Телелюевой». («Козловская газета» № 210. Пятница 26 августа 1905 г.)

Педагогический коллектив училища

Первоначально педагогический состав училища был небольшой. Священник Боголюбской церкви г. Козлова Василий Иванович Румянцев преподавал Закон Божий, Иван Аркадьевич Сатин – естествоведение и историю, Александра Николаевна Богомолова – арифметику, Елена Николаевна Маслова – русский язык в первом, втором, третьем классах, Мария (Оттилия) Фритдриховна Рамман – географию и немецкий язык. Мария Петровна Скржинская заведовала подготовительным классом. Сама Елизавета Павловна преподавала русский и французский языки.

Постепенно количество учениц в училище росло, и к 1 (14) января 1906 года число их достигло сорока шести.

18 (31) августа 1906 года постановлением Совета при попечителе Харьковского учебного округа (№ 11559) Е. П. Сатиной разрешено было преобразовать училище 3-го разряда в учебное заведение 1-го разряда с подготовительным классом при нём. Чем отличались эти учебные заведения друг от друга? Главным критерием разделения на разряды была программа обучения. Чем выше был разряд, тем больше внимания уделялось изучению наук. В заведениях низших разрядов в основном преподавались предметы, необходимые для бедных детей. Кроме того, в двух первых разрядах учебных заведений много времени отводилось обучению рисованию, пению, музыке, танцам. В последних разрядах учебных заведений – рукоделию и хозяйственным работам.

23 августа (5 сентября) того же 1906 года Министерство народного просвещения разрешило предоставить учащимся в учебном заведении г-жи Сатиной права, которыми пользуются воспитанницы женских гимназий по Положению от 24 мая (5 июня) 1870 года, с присвоением училищу названия частной женской гимназии.

17 (30) октября 1906 года попечителем Харьковского учебного округа С. Раевским был утверждён «Учебный план частного учебного заведения 1-го разряда, содержимого в г. Козлове домашней учительницей Е. П. Сатиной, урождённой Эберман».

Согласно этому плану:

1. Училище имело целью давать детям среднее образование в объёме курса женских гимназий Министерства народного просвещения;

2. Учебное заведение в тот момент состояло из семи классов и подготовительного к ним с годичным курсом в каждом;

3. Учебное заведение, состоя под непосредственным руководством и наблюдением содержательницы, находилось в ведении директора народных училищ Тамбовской губернии и подчинялось правилам о частных учебных заведениях;

4. Учебное заведение предназначалось только для приходящих учениц;

5. В училище преподавались предметы, поименованные в таблице числа недельных уроков, приложенной к ст. XIX Высочайше утверждённого Положения о женских гимназиях и прогимназиях от 24 мая (5 июня) 1870 года;

6. Все предметы в учебном заведении преподавались по программам, составляемым применительно к учебному плану для соответствующих классов женских гимназий и прогимназий, и по руководствам и пособиям, допущенным Учёным комитетом Министерства народного просвещения и духовным ведомством по принадлежности. Учебный курс женских гимназий включал следующие предметы: Закон Божий, русский язык и словесность, французский язык, немецкий язык, историю, географию, естествоведение, арифметику и геометрию, начало педагогики, чистописание, рисование, пение, женские хозяйственные рукоделия, танцы;

7. Число уроков по каждому предмету соответствовало числу уроков в соответствующих классах женских гимназий и прогимназий;

8. Учебные занятия в училище происходили в течение всего учебного года за исключением летних и зимних каникул, Страстной недели, недели Святой Пасхи и воскресных, праздничных и высокаторжественных дней;

9. Учебные пособия для классного преподавания (карты, глобусы и пр.) приобретались на средства содержательницы, книги же, тетради и пр. – на средства учащихся;

10. К преподаванию учебных предметов в училище допускались лица, имеющие на то законное право, по представлению директора народных училищ попечителем учебного округа;

11. В приготовительный класс принимались дети не моложе восьми лет, в первый – девяти лет, а в остальные – имеющие соответствующий возраст;

12. Количество учениц в каждом классе не должно было превышать сорока человек;

13. Плата за учение взималась по 50 рублей в год за обязательные предметы, за необязательные же предметы – по 10 рублей в год;

14. Учебное заведение помещалось в здании, удовлетворяющем требованиям школьной гигиены;

15. Преподавателям в училище не присваивалось право носить форменную одежду;

16. В случае же несоблюдения содержательницей указанных выше правил по представлению директора народных училищ Тамбовской губернии училище должно было быть закрыто;

17. Содержательница училища предоставляла директору народных училищ Тамбовской губернии годовую и полугодовую ведомости о его состоянии по установленной форме;

18. Курс училища не должен был быть ниже курса соответствующих классов правительственных гимназий (предложение Министерства народного просвещения от 26 августа (8 сентября) 1906 года № 17021);

19. Переводные и выпускные испытания в училище производились в присутствии депутата от учебного округа.

Достигнув желаемого перевода училища в высший разряд, Елизавета Павловна лишилась своего помощника и мужа в качестве преподавателя училища. Как сообщал инспектору народных училищ 6-го участка директор народных училищ Тамбовской губернии в своём письме от 10 (23) ноября 1906 года (№ 3220), «имеющий звание учителя начального училища И. А. Сатин на основании статьи 3726 Свода законов тома XI изд. 1893 г. не имеет права преподавания в училищах 1-го

разряда, а потому и не может быть представлен в дирекцию к допущению его к преподаванию в женской гимназии г-жи Сатиной».

Частное училище 1-го разряда Е. П. Сатиной с правами правительственных женских гимназий для учащихся в 1906 году помещалось в наёмном доме Телелюевой на Монастырской (Филиппова) улице, где предоставлялись совершенно достаточные удобства для учебного заведения и соблюдались требования школьной гигиены. Училище в 1906 году насчитывало девяносто семь девочек и состояло из пяти классов: приготовительного и четырёх основных.

Вместе с училищем Е. П. Сатиной в этом же доме Телелюевой размещалось Второе приходское училище. Однако в августе 1907 года оно вынуждено было переехать на новую квартиру, так как домовладелица сдала помещение училищу Е. П. Сатиной, которая с этого времени арендовала весь дом. Потребность сатинского училища в расширении объяснялась, во-первых, приливом учениц, а во-вторых, прибавлением с начала учебного года двух классов. Современник писал: «Пример г-жи Сатиной, взявшей на себя нелёгкую задачу организовать вторую гимназию в уездном городе, прекрасно иллюстрирует ту жажду просвещения, которая далеко не удовлетворялась одною казённою женскою гимназиею. Мы не знаем, как поставлено дело в частной гимназии, но родители учащихся, кажется, очень довольны, что их дочери учатся именно в этой гимназии».

Хочется отметить, что в упомянутом доме Телелюевой на Монастырской улице до переезда на Московскую улицу располагалась женская казённая гимназия. 5 (18) ноября 1907 года, как сообщала «Козловская газета», в училище давался «вечер». «Ставились живые картины, читали небольшие литературные вещицы, разыграли маленькую сценку и в заключение танцевали. Главными действующими лицами всех этих разнообразных развлечений были, конечно, ученицы. Публика состояла из родных и знакомых учениц. Веселье на вечере царило самое непринуждённое и неподдельное».

Так как частное женское учебное заведение 1-го разряда Е. П. Сатиной имело разрешение именоваться женской гимназией и обладало правами правительственных гимназий для учащихся, то оно в городе и называлось гимназией.

В 1908 году гимназия Е. П. Сатиной переехала в новое помещение в доме Курьянова, расположенном на углу Московской (Советской) и Питейной (Гоголевской) улиц. С переходом в новое здание, первоначально не совсем приспособленное для гимназии, были приняты во внимание все самые современные требования к планировке помещений. Образцом для устройства классной комнаты во многих гимназиях была книга Эриксона. По мнению автора: «Качество классных комнат зависело, главным образом, от следующих факторов: от её размеров, в связи с установкой классной мебели. От величины и положения окон. От устройства пола и стен. От способа искусственного освещения. От системы отопления и вентиляции. Параметры образцовой классной комнаты должны были быть следующими: длина – 9–10 метров, глубина – 7 метров, высота – 4 метра (в более высоких комнатах легко является неприятный и затрудняющий преподавание резонанс). Полы классной комнаты должны состоять из плохого проводника тепла и не развивать много пыли. Наиболее целесообразный и идеальный пол для классной комнаты – хороший дубовый паркет. Стены должны быть проходимы для воздуха. Покрытие масляной краской допускается до известной высоты (2 аршина), остальная часть стен, а равно и потолок, следует покрыть обыкновенной клеевой краской. Панель может быть окрашена в тёмно-серый цвет, верхняя часть в светлый серый, с весьма слабым голубым оттенком. Потолок должен быть белый, матовый. Все углы комнаты, а также и карниз округляются во избежание застоя в них воздуха и для удобства чистки». Все эти параметры учитывались в частной гимназии Е. П. Сатиной. Арендная плата за здание составляла 2000 рублей в год.

В архивных документах того времени можно найти прошения начальницы гимна-

зии Е. П. Сатиной об ассигновании средств на устройство гимназии. В них было указано, что ассигнования требовались на оборудование физического и химического кабинетов, рисовального и рукодельного классов, приёмной для родителей, на комплектование библиотеки. Для многих помещений требовались иконы и портреты Императорского Дома. Кроме того, деньги были нужны на новые шторы, так как окон в новом здании было намного больше и они большего размера, чем прежние. Обновлялась старая мебель, были позолочены иконы и рамы у портретов, закупалось новое школьное оборудование и учебные пособия.

Частная гимназия Е. П. Сатиной пользовалась популярностью не только в Козлове, но и в соседних губерниях. Число учащихся в ней ежегодно возрастало: если к 1 (14) января 1907 года оно равнялось девяноста пяти, то в 1908-м – ста сорока девяти, в 1909-м насчитывалось сто девяноста пять девочек. В 1909/10 учебном году в гимназии было шесть классов (кроме приготовительного), в 1910/11-м количество классов увеличилось до семи.

Педагогический персонал гимназии Е. П. Сатиной к 1 (14) января 1909 года состоял из шестнадцати лиц: содержательницы Елизаветы Павловны Сатиной, двух законоучителей – Василия Ивановича Румянцева и Гавриила Иосифовича Саввинского, двух воспитательниц: Лидии Ивановны Ребиковой, урождённой Терновской, и Елены Васильевны Миакович – и одиннадцати преподавателей, трое из которых имели высшее образование. Русский язык и словесность преподавали Елена Сергеевна Баршева и Александра Николаевна Богомолова, математику – Ефросинья Григорьевна Постриганева и Евдокия Ивановна Майорова, естествоведение – Елена Ивановна Шевченко, немецкий язык – Мария Фридриховна Рамман, французский язык – Наталья Викторовна Ткачук, гигиену – Василий Алексеевич Ляпустин, рисование и чистописание – Анатолий Георгиевич Барбанов, пение – Козьма Андреевич Леонов. В приготовительном классе преподавали Клавдия Гавриловна Попова и Анна Михайловна Благушина.

В частной гимназии Е. П. Сатиной большое внимание уделялось гигиене и эстетике преподавания. Ученицы находились под постоянным наблюдением врача. Сверх того, врачом гимназии проводились систематические исследования здоровья учениц два раза в год. В хорошую погоду устраивались игры на свежем воздухе. Приняты были меры к тому, чтобы усвоение программы не приводило к переутомлению учащихся и чтобы обязательные занятия соответствовали силам и способностям отдельных учениц. Руководящим принципом преподавания являлось развитие интереса к знанию и самостоятельной критической мысли. Так как обучение должно индивидуализироваться согласно способностям и склонностям отдельных учениц, то принято за основное правило, что количество учениц в каждом классе не должно превышать сорока человек.

В гимназии была введена определённая форма для девочек, очень похожая на школьную форму советского времени. Это тёмное платье с белым воротничком и фартуком: чёрным – для повседневной носки, а белым – для торжественных дней. Единственным видимым отличием гимназической формы была длина платья. Примером служили преподаватели гимназии во главе со своей начальницей, которые всегда были одеты очень строго.

Хор воспитанниц гимназии

Шестой параллельный класс на уроке рисования

Устав женских гимназий призывал к строгости не только в отношении внешнего вида воспитанниц, но и в поведении. Предписывалось строго выполнять правила, установленные гимназией. Воспитанницам надлежало в воскресенье и в праздники посещать церковь, не пропускать занятий без уважительной причины, быть всегда вежливыми, дружелюбными, опрятными. По выходным дням ученицы гимназии могли устраивать вечера, на которых проходило совместное чтение или беседы на исторические и литературные темы. Также воспитанницы могли посещать театр или бал, но только в сопровождении родителей или классной наставницы.

Первый класс на уроке лепки

Воспитательной частью заведовала сама содержательница при помощи двух воспитательниц и всех учительниц.

Большое внимание в гимназии уделяли предметам эстетического цикла – занятиям музыкой и танцами, пением, рисованием, лепкой.

Из учениц старших классов был составлен хор. Учителем пения первоначально состоял специально для этого приглашённый, имеющий аттестат от Русского хорового общества в Москве на право преподавания регент приютской церкви Тихон Аристархович Калачов.

В первые годы существования гимназии рисование в ней преподавал окончивший Московское Строгановское училище живописи, ваяния и зодчества преподаватель Козловского Пушкинского училища Николай Иванович Вебер. А после его смерти, произошедшей 7 февраля 1908 года, – Анатолий Георгиевич Барабанов. Позже А.Г. Барабанова сменила Вера Александровна Павлова.

Как уже отмечалось, учебный курс частной гимназии Сатиной был глубже курса женских гимназий. Сверх обязательных предметов преподавались два новых языка (обязательно), природоведение применительно к программам реальных

училищ, гигиена, пение, танцы, рукоделие.

Плата за обучение обязательным предметам составляла 60 рублей в год, за обучение языкам платили отдельно 10 рублей за каждый.

Общая сумма, получаемая содержательницей от сбора платы за обучение, равнялась 12–13 тысячам рублей в год. На эти деньги гимназия и содержалась.

Для спортивных занятий с 1 (14) октября 1909 года на должность учителя гимнастики был принят преподаватель Козловского коммерческого училища Владимир Дмитриевич Бауэр, имеющий удостоверение Тифлисского гимнастического общества «Сокол».

На уроке физкультуры

Елизаветой Павловной неоднократно ставился вопрос о преобразовании учебного заведения в полноценную гимназию, что было необхо-

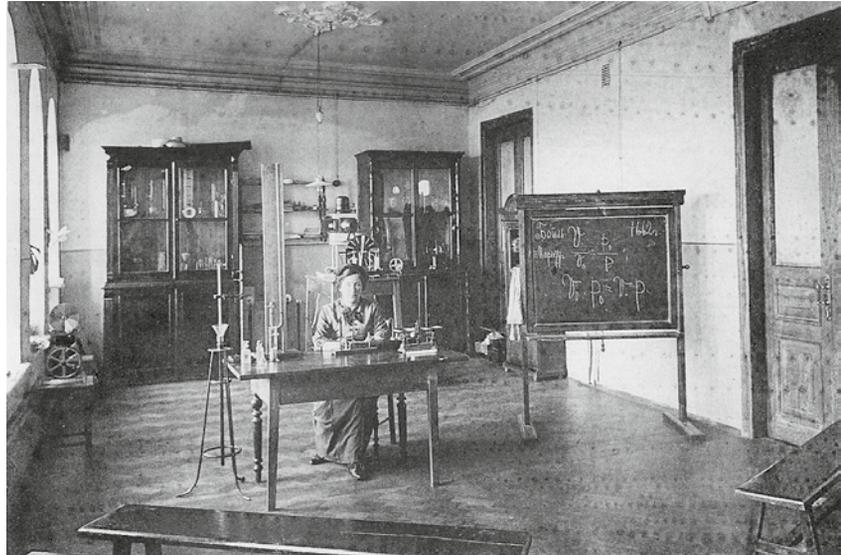

димо, как отмечали современники, и для г. Козлова, нужды которого в женском образовании не удовлетворялись и наполовину существующей казённой гимназией. Частное заведение Е. П. Сатиной отчасти восполняло недостаток мест в общественной гимназии, но необходимость оплачивать переводные и выпускные испытания в присутствии депутата от учебного округа, а также сдавать приёмные испытания в случае перехода в общественную гимназию при переводах в другие города заставляли родителей избегать помещения своих детей именно в гимназию Сатиной.

Нужное преобразование в скором времени произошло. На заседании Козловской городской Думы 16 февраля (1 марта) 1910 года было прочитано заявление Е. П. Сатиной, которая сообщала, что по распоряжению Его превосходительства попечителя Харьковского Учебного округа женской гимназии Е. П. Сатиной предоставлены все права и преимущества министерской гимназии. В связи с чем она просила согласно пожеланию, выраженному гласными на заседании 7 (20) апреля 1909 года, назначить от города трёх членов в попечительный совет гимназии. Избранными стали Д. И. Умрихин, А. И. Калабин, В. П. Калмыков.

Попечительные советы, наделённые широкими полномочиями, имели большое значение в деятельности женских училищ. Многочисленные архивные документы свиде-

тельствуют о стремлении педагогов училищ и попечительных советов помочь нуждающимся ученицам. Содержательница гимназии ежегодно обращалась в Козловскую городскую Думу, к земскому собранию с просьбой о выделении пособий неимущим ученицам. И местные депутаты охотно откликались на её просьбы.

Физический кабинет

Одновременно произошли перемены и в управлении гимназией: избран и утверждён округом попечительный совет, состоящий из председателя М. М. Осипова и четырёх членов: В. П. Калмыкова, А. М. Каменева, М. Т. Кашкова и А. П. Фингерхут. Утверждена в звании начальницы гимназии и председательницы педагогического совета Е. П. Сатина.

В 1910 году было положено основание физическому и химическому кабинетам и обеспечено подписной суммой родителей дальнейшее оборудование и развитие их.

9 (22) июня 1910 года состоялся первый выпуск женской гимназии Е. П. Сатиной. Открылся он молебствием, совершённым священником Боголюбской церкви Румянцевым. В присутствии преподавателей, родителей и посторонних посетителей начальница гимназии произнесла небольшую речь, указав на то, что первый выпуск учениц всегда самый памятный. «Что бы с вами ни случилось в жизни, – продолжала начальница, – вы всегда найдёте в гимназии и материальную, и нравственную поддержку». Эта речь до слёз тронула всех окончивших курс семи классов.

Аттестат № 1 получила дочь мещанина Туйба-Фейга Янкелевна Блюмштейн, № 2 – дочь крестьянина Евгения Михайловна Васильева, № 3 – Анна Николаевна Коноплясова, № 4 – дочь священника Любовь Феодоровна Красивская, № 5 – дочь полковника

Варвара Николаевна Микучевская, № 6 – Ольга Ивановна Пилякова, № 7 – Александра Емилиевна Соколова, № 8 – дочь псаломщика Софья Касьяновна Уварова, № 9 – Лея Цуковна Хинская, № 10 – Малка Аврамовна Цехер, № 11 – дочь купца Евгения Альфредовна Фингерхут.

16 февраля (1 марта) 1911 года на заседании Козловской городской Думы была зачитана докладная записка члена попечительного совета женской сатинской гимназии доктора Ляпустина о постройке для неё здания. Автор записки отмечал рост учащихся в гимназии, вызывавший тесноту, которая в будущем должна была дать знать о себе весьма чувствительно. Подходящих же помещений для квартиры гимназии не было, кроме того дома Курьянова, в котором она находилась. Таким образом, потребность в сооружении здания вполне объяснилась. Он предлагал просить город уступить 1000 кв. сажен. Эта земля должна была остаться собственностью города, заложить её гимназия могла лишь в земельном банке.

Обсуждение этого вопроса происходило следующим образом: «Гласные Умрихин и Калабин как выборные от города говорят, что проект постройки они не подписывали.

Гласный Новиков: Для чего и обсуждать проект, если наши представители не подписывали его.

Председатель: Дайте закончить чтение сметы (читает).

Председатель (говорит тоже как представитель города в совете гимназии): Меня смущает несколько то, что в гимназии есть учредительница, г-жа Сатина, и у неё есть некоторые права, например, назначение членов попечительного совета от себя.

Инспектор народных училищ: Если гимназия будет содержаться общественными учреждениями, то от них зависит определить и число членов совета.

Гласный Умрихин: Учредительница г-жа Сатина уже имела от города ссуду 3000 рублей, за которую до сих пор не разочлась. Дела гимназии в таком виде: прошлым годом Владимир Петрович (гор. голова) учитывал вексель на расплату с преподавателями. Есть и ещё

долги, сделанные на приобретение имущества и пр., хотя без нашего разрешения. Я было протестовал, но затем отказался от своего протеста. И вот теперь, когда гимназия не расплатилась со своими долгами, у нас просят уже серьёзной помощи землёю. Не рискуем ли мы, уступив её?

Инспектор народных училищ: Сатина предлагает передать гимназию городу хоть сейчас.

Гласный Умрихин: Вот этого ещё не доставало! Мы и все другие-то учебные заведения готовы перевести в ведение министерства народного просвещения, а вы нам подкидываете новое училище!

Инспектор народных училищ: Долгов у гимназии всего около 1500 рублей. Это пустяки. Обратите внимание, что через 27 лет у города, без всяких с его стороны затрат, будет здание в 100 тысяч рублей.

Гласный Умрихин: А если ничего не будет, кроме этой заложенной городской земли?

Гласный Попов: Смета, которую мы выслушали, раздута. Если мы примем гимназию на счёт города, то нам прежде всего укажут на высокую плату с учениц в 75 и 100 рублей.

Голоса: Правильно!

Инспектор народных училищ: Не избрать ли комиссию для разработки проекта? Ведь вы не теряете буквально ничего.

Председатель: Если г-жа Сатина откажется от своих прав, то город примет содержание гимназии.

Гласный Попов: Не надо нам этого!

Председатель: Предложение о постройке здания всё-таки очень симпатичное. Но в какой форме его принять, это надо обсудить. Баллотировать вопрос об избрании комиссии. За комиссию встанут 10 человек, сидят 14. Вопрос не прошёл».

19 февраля (4 марта) 1911 года праздновалось 50-летие освобождения крестьян от крепостной зависимости. В честь этого события устраивались вечера, а в гимназии проводились утренники с участием детской самодеятельности.

4 (17) июня 1911 года состоялся второй выпуск учениц седьмого класса Козловской женской гимназии Е. П. Сатиной.

Согласно установленным правилам, ученицы, окончившие полный курс в женской гимназии, удостоивались звания учительниц начальных училищ с правом заниматься обучением и на дому.

7 (20) мая 1911 года Тамбовским губернатором утверждён Устав общества вспомоществования нуждающимся ученицам Козловской женской гимназии Е. П. Сатиной. Согласно постановлению Тамбовского губернского по делам об обществах присутствия, Устав внесён в реестр обществ и союзов по Тамбовской губернии под № 65.

К концу 1914 года Общество имело сто действительных членов, из которых пятнадцать состояли его членами со дня основания. Общим собранием членов, состоявшимся 5 (18) февраля 1914 года, в члены правления были избраны: А. С. Веллер, Н. Н. Истомирин, Ф. Р. Калманок, М. А. Кормилицина и Е. М. Прудская. Кроме означенных лиц в состав правления вошли согласно параграфу 17 устава начальница гимназии Е. П. Сатина и представитель попечительного совета Г. Д. Юдичев, кандидатами в члены правления были избраны А. Г. Буницкая и Л. К. Ляпустина. Члены правления избрали своей председательницей М. А. Кормилицину, товарищем председательницы – Е. М. Прудскую, казначеем – Г. Д. Юдичева и секретарём – Н. Н. Истомина. Впоследствии вместо выбывшего из состава правления Н. Н. Истомина в число членов правления вошла А. Г. Буницкая, обязанности же секретаря приняла на себя А. С. Веллер. В члены ревизионной комиссии общим собранием были избраны Н. Ф. Иванов, Л. Г. Лобачёв и священник Румянцев, кандидатами в члены ревизионной комиссии стали А. А. Лаврова и Е. И. Майорова. Члены ревизионной комиссии избрали своим председателем Л. Г. Лобачёва.

Деятельность общества в отношении помощи нуждающимся ученицам состояла главным образом в уплате за право обучения. Пособиями на взнос платы за учение воспользовались в одном только 1914 году шестьдесят пять учениц, из которых тридцать получили по два пособия (по одному в каждом полугодии) и тридцать пять – по одному пособию; таким образом,

всего было выдано девяносто пять пособий. Общая сумма пособий составила 1078 рублей, средний размер пособия – 11 рублей 35 копеек. Кроме уплаты за право учения наиболее нуждающимся ученицам Обществом предоставлялись завтраки в гимназическом буфете. Этими видами помощи воспользовались шестнадцать учениц, причём пять учениц получали завтрак в течение семи месяцев, две – пять месяцев, одна – четыре месяца, пять – три месяца, одна – два месяца и две – один месяц. За завтраки Обществом было уплачено 113 рублей 83 копейки, что составляло в среднем 1 рубль 67 копеек на одну ученицу в месяц. Сверх того одной ученице Обществом была приобретена обувь на 3 рубля 70 копеек.

Воспитанницы гимназии в каникулы совершали экскурсионные поездки. Как сообщалось в «Козловской газете»: «8 (21) января 1912 года из Москвы вернулась группа учениц Сатинской гимназии, где они посетили все музеи, Третьяковскую галерею, дворец и художественный театр. Билет по железной дороге стоил 1 рубль 40 копеек в один конец, обед в студенческой столовой 40 копеек, останавливались бесплатно в Сретенском городском училище. Каждой ученице поездка обошлась в 12 рублей».

В праздничные дни в гимназии устраивались танцевальные вечера. Как писала «Козловская газета»: «3 (16) февраля 1912 года в гимназии Е. П. Сатиной был устроен бесплатный танцевальный бал для учащихся. С 5 до 8 часов веселились младшие классы, а с 8 часов начали сходиться и старшие. Танцевали много и оживлённо до 1 часа ночи. По окончании бала молодёжь искренне благодарила распорядителей за доставленное ей удовольствие. Должно пожалеть лишь о том, что по случаю отказа коммерческого училища и первой казённой женской гимназии уступить свои залы под бал на нём могли присутствовать не более 150 человек, так как зал Сатинской гимназии более вместить не в состоянии. Между тем желающих быть на балу оказалось столько, что подъезд буквально осаждали, а улица перед ним была запружена учащимися».

Как писала «Козловская газета» в 1912 году: «Гимназия растёт с каждым годом и тре-

бует для себя всё большего помещения. В настоящее время в гимназии более 450 человек, к сентябрю будет до 500 учениц. Теперь уже дом Курьянова становится тесен, и будут сняты новые квартиры для классов. Осенью решено открыть 8-й класс с двумя специальностями: географией и русского языка. Насколько это открытие отвечает насущной потребности, доказывается хотя бы тем, что прошения о приёме уже стали присылаться. Дальнейшее расширение гимназии в значительной степени обуславливается разрешением «квартирного вопроса». Проектируемая постройка собственного здания, к сожалению, не может быть осуществлена в ближайшем будущем».

4 (17) июня 1912 года состоялся третий выпуск учениц седьмого класса Козловской женской гимназии Е. П. Сатиной. В этом году наряду с семнадцатью выпускницами аттестат об окончании гимназии получила и дочь Елизаветы Павловны Наталья Ивановна Сатина, затем успешно помогавшая матери в должности классной надзирательницы.

22 августа (4 сентября) 1912 года в 12 часов дня в гимназии Сатиной был отслужен торжественный молебен, после которого священник, обращаясь к ученицам, сказал приветственную речь. На следующий день, 23 августа (5 сентября), в гимназии начались занятия. Престиж гимназии был высок. В 1912 году желающими обучаться в гимназии было подано более 170 прошений: в младший приготовительный класс было подано 16 прошений, старший приготовительный – 25, первый – 38 (принято 35), второй – 19 (принято 15), третий – 24 (17), четвёртый – 22 (17), пятый – 2 (0), шестой – 3 (1), седьмой – 1 (1), восьмой – 28 (27). Всего было принято около 150 человек, причём принимали всех выдержавших экзамен, за небольшим исключением. Всего же в гимназии училось около 520 учениц.

Принимались в гимназию девочки разного вероисповедания, среди выпускниц были и православные, и иудеи, и лютеране. Для поступления на младшее отделение приготовительного класса требовалось знать несколько молитв, уметь читать крупный шрифт и списывать с книги отдельные слова

и предложения, по арифметике – считать в пределах двадцати.

Для поступления на старшее отделение по Закону Божию требовалось знать основные молитвы и важнейшие события из жизни Иисуса Христа. По русскому языку – свободно и осмысленно читать, пересказывать прочитанное, знать несколько стихотворений и басен, правильно и аккуратно писать, по возможности прямым почерком по методу Гербача. Иметь понятия о звуке и букве, слогах, переносе, о прописной и строчной буквах, о простейших правилах правописания. Книгами для чтения служили «Новая народная школа» Борисова и Лаврова, «Практическая грамматика московских учителей», практический курс правописания Некрасова. По арифметике поступающие на старшее отделение девочки должны были знать счёт в пределах ста, приёмы вычисления, таблицу умножения. Пособием служил задачник московских учителей. По французскому языку необходимо было уметь читать по учебнику Коноф, уметь списывать французский текст, отвечать на вопросы, предложенные на французском языке, по простым картинкам.

К описываемому времени во всех классах (кроме шестого и старшего приготовительного) были открыты параллельные отделения, что разрешалось только в том случае, если количество учениц превышало сорок человек. Особое внимание было обращено на восьмой класс, в котором были введены такие новые предметы, как законоведение, психология и др. Администрация гимназии старалась, чтобы ученицы этого класса получили побольше практических и теоретических сведений. Здание гимназии заново отремонтировано, сняты соседние комнаты, в которых до этого помещалась контора Калманок, расширен зал. Однако несмотря на это, в гимназии чувствовался недостаток в помещениях: слишком тесны классы! Предполагалось приобретение гимназией своего помещения. Для этого требовалось содействие городской Думы, которого, как мы знаем, получено не было. До самого своего закрытия гимназия Е. П. Сатиной оставалась в том же здании.

21 февраля (6 марта) 1913 года праздновали 300-летие Дома Романовых. Московская (Советская) улица города Козлова в этот день была украшена по-особенному. У Покровского собора в специально приготовленной белой палатке были поставлены портреты государя и государыни. Недалеко от правительственной женской гимназии (ныне школа № 18) были поставлены два столба, между которыми подвешен трафарет с надписью «Да будет бессмертен твой царский род». У Московской заставы подвешен был другой трафарет с надписью «Многи лета, многи лета, православный русский царь». Московская улица была украшена флагами. С 9 часов утра по Московской улице было заметно большое движение к собору и Ильинской церкви, в которых в 9 часов началась обедня. Обе церкви были переполнены молящимися. В 11 часов кончилось богослужение, и духовенство с хоругвями и иконами вышло для служения молебна у собора, при громадном стечении народа. Были выстроены Томский полк, потешные, вольная пожарная дружина и ученики всех учебных заведений. Перед началом богослужения был прочтён манифест, потом отслужен торжественный молебен. По окончании молебна с колокольни собора раздалось три сильных выстрела. После выстрелов командир полка обошёл полк с поздравлением по случаю торжества. Музыка заиграла гимн, после которого начался парад.

Женская гимназия и коммерческое училище программу празднования разделили на две половины: утреннюю и вечернюю. Коммерческое училище для празднования соединилось с женской гимназией Е. П. Сатиной. Правительственная гимназия праздновала самостоятельно. Утром в женских гимназиях и коммерческом училище был исполнен хором, составленным из учащихся, гимн «Боже, царя храни!». Потом в коммерческом училище ученикам и гимназисткам Сатиной учителем П. Я. Коронатовым было прочтено о воцарении Дома Романовых и его царствовании с Михаила Фёдоровича до ныне царствующего государя Николая Александровича, затем были некоторыми учениками и ученицами

продекламированы стихотворения и пропета большим хором учениц и учеников кантата о доме Романовых.

Вечер начался в 7 часов и открылся гимном «Боже, царя храни!». Потом были изображены сцены из оперы «Жизнь за царя»: 1) «улица села», 2) «птенчик», 3) «молитва», 4) «свадебный хор» и 5) «апофеоз». С четырёх часов вечера на Московской улице было гуляние, играл духовой оркестр Томского полка, а когда стемнело, пускали фейерверки, жгли бенгальские огни и показывали исторические картины из окон 1-го женского училища. На сцене клуба Общества приказчиков прозвучали отрывки из оперы «Жизнь за царя»: «В бурю, во грозу», «Сусанин в лесу», «Разгулялся, разливался», «Не о том скорблю, подруженьки», «Как мать убили», и усиленным оркестром под управлением Г. И. Кауфмана была исполнена музыкальная историческая панорама «Великая Русь».

7 (20) июня 1913 года в женской гимназии Е. П. Сатиной состоялся очередной выпуск. Седьмой класс окончили двадцать четыре ученицы.

Восьмой класс со званием домашней учительницы окончила двадцать одна ученица, со званием домашней наставницы – две ученицы.

15 (28) ноября 1913 года в женской гимназии Сатиной состоялось неожиданное торжество. Для Харьковской выставки ученицами был изготовлен художественно вышитый стяг с изображением герба Дома Романовых. Работа была выполнена настолько художественно, что попечителем учебного округа было предложено возбудить соответствующее ходатайство через Министерство народного просвещения о Высочайшем соизволении на поднесение этого стяга государю императору. 15 (28) ноября было получено извещение, что государю императору «благоугодно было принять стяг, вышитый ученицами Козловской женской гимназии Сатиной, приказав поместить его в Зимний Дворец, а гимназию Всемилостивейше приказать благодарить». Начальницей гимназии был зачитан ученицам текст о таком монаршем благоволе-

Педагогический персонал гимназии Е. П. Сатиной

нии, после чего был многократно исполнен народный гимн, покрытый криками «Ура!».

Педагогический персонал гимназии Е. П. Сатиной к 1 (14) января 1914 года состоял из следующих лиц: содержательницы Елизаветы Павловны Сатиной, двух законоучителей – Василия Ивановича Румянцева и Гавриила Иосифовича Саввинского, классных надзирательниц: Лидии Ивановны Ребиковой, Елены Васильевны Бутылиной, Марии Фёдоровны Лучаниновой, Натальи Ивановны Сатиной и Софии Касьяновны Уваровой. Русский язык преподавали Александра Алексеевна Лаврова и Александра Николаевна Богомолова, русский язык и географию – Варвара Сергеевна Калабина, математику – Клавдия Петровна Тиминцева и Евдокия Ивановна Майорова, географию – Леонид Григорьевич Лобачёв, историю – Александр Захарович Матвеев, физику, космографию и естествоведение – Елена Ивановна Лобачёва, немецкий язык – Ирма Евгеньевна Силарай и Алиса Ивановна Талон, французский язык – Надежда Афанасьевна Егорова, чистописание, рисование и лепку – Вера Александровна Павлова, гигиену и психологию – врач гимназии Василий Алексеевич Ляпустин, пение – Василий Фёдорович Беляев, гимнастику – Владимир Дмитриевич Бауэр, рукоделие – Александра Георгиевна Буницкая. В приготовительном классе преподавали Чеслава Антоновна Рохальская и Анна Михайловна Благушина.

Из воспоминаний выпускницы сатинской гимназии Л. Г. Жижинной: «Методика преподавания в гимназии была хорошая. Работали квалифицированные учителя, со всей добросовестностью относившиеся к порученному делу и любившие детей. С тёплым чувством вспоминаю нашего учителя геогра-

фии Леонида Григорьевича Лобачёва и жену его Елену Ивановну, преподававшую естествознание. Летом Леонид Григорьевич предпринимал пешие туристические походы по разным районам России. Например, пешком ходил до Финляндии. Осенью он собирал всех гимназисток в зале и увлекательно рассказывал о своих путешествиях. После его рассказов у многих из нас зародился интерес к географии и богатствам родной страны.

Прекрасным преподавателем русского языка и литературы была Александра Алексеевна Лаврова. Всячески стремилась она прививать ученикам любовь к книге и родной литературе. Часто устраивала утренники, где мы в лицах разыгрывали басни Крылова, отдельные сцены из "Бориса Годунова". А когда изучали "Евгения Онегина", то учительница приносила в гимназию граммофон, а девочки – пластинки из этой оперы, какие у кого были. В определённой последовательности с объяснениями учительницы мы "прослушали" в исполнении лучших певцов оперу "Евгений Онегин".

Александра Алексеевна давала некоторым девочкам книги, которых не было в гимназической библиотеке. Мы их читали, собираясь друг у друга на квартирах. Помню, прочитали мы тогда "Овод" Войнич и "Мать" Горького. В те времена читать гимназисткам такие книги не полагалось.

Гимназическое начальство поощряло посещение

учащимися концертов и театра, но не на все пьесы. Существовал перечень пьес, на которые учащиеся не допускались, и нарушение запрета каралось строго, вплоть до исключения из гимназии».

8 (21) июня 1914 года в гимназии Е. П. Сатиной состоялся торжественный публичный акт, в котором приняли участие педагогический персонал гимназии и ученицы, окончившие седьмой и восьмой классы. Прекрасные отношения, установившиеся с самого основания гимназии между педагогическим персоналом и ученицами, придавали торжеству чисто семейный характер. Бывшие питомицы с грустью покидали гимназию. Оставить её им было так же тяжело, как родной дом. В ней они провели лучшие годы жизни и со стороны своих наставников кроме сердечного отношения к себе ничего не видели. В седьмом классе из сорока семи учениц курс окончила сорок одна, причём семь из них с медалями. В восьмом классе из двадцати четырёх учениц курс окончили все, из них три со званием домашней наставницы.

В 1916 году в сатинскую гимназию поступила и моя бабушка Гликерия Никитична Агапова, успевшая до революции окончить только два класса.

1917 год привнёс большие перемены в жизнь гимназии. По воспоминаниям выпускницы сатинской гимназии Л. Г. Жижиной: «Утром, когда свершилась февральская революция, город ликовал. Толпы народа заполнили улицы, люди обнимали друг друга. Почти у всех на груди алели красные банты. Появилось много красных флагов, слышались песни, которых до этого не пели: "Смело, товарищи, в ногу!", "Вставай, проклятьем заклеймённый весь мир голодных и рабов!..". Слышались крики: "Свобода! Свобода!" Состоялся митинг. Мне шёл пятнадцатый год. Понять и осмыслить происходившее я и мои сверстники в достаточной степени не могли, но, поддаваясь общему настроению, мы радовались и пели, как все. На другой день в гимназию пришли с красными бантами на груди. Никакой молитвы не было, уроки Закона Божьего были отменены. Вообще всё "божественное" быстро

улетучилось, чему, безусловно, способствовал учительский коллектив. Вскоре состоялось общее собрание учащихся старших классов женских и мужских средних учебных заведений. Выступавшие учителя разъяснили нам значение произошедшей революции. Здесь же был организован союз учащихся. Было решено избрать в каждом классе редактора и выпускать классные газеты. В этот период шло много разговоров о подготовке к Учредительному собранию. На заборах были вывешены афишки с призывом голосовать за большевиков, эсеров, кадетов, меньшевиков, но наши учителя не объясняли разницы между этими партиями. Всё прояснилось после Октябрьской революции. К нам на собрание пришёл заведующий отделом народного образования Глушков. Он разъяснил, что такое советская власть, сказал, что образование теперь в нашей стране будет бесплатным и мы больше не должны вносить плату за обучение. "Гимназия отныне Сатиной не принадлежит, но она оставлена до конца года на должности директора", – сказал он. Весной 1918 года я окончила гимназию».

Последние экзамены прошли 16 мая 1918 года. Аттестаты подписывались комиссаром народного просвещения Г. Глушковым, председателем педагогического совета Е. П. Сатиной, председателем родительского комитета П. Киселёвым, а также членами педагогического совета: Т. Желтухиной, В. Крошицкой, А. Поздновой, П. Врочинской, А. Лавровой, А. Любавской, А. Кичатовой, В. Павловой, А. Буницкой, М. Калмыковой, Ч. Рохальской, А. Благушиной, Е. Вожаковой, секретарём совета Е. Тарасовой. В том же 1918 году частная женская гимназия Сатиной была закрыта. На протяжении всего времени существования гимназии аттестаты об окончании семи классов получили около трёхсот семнадцати учениц, свидетельства об окончании восьми классов – около ста пятидесяти четырёх учениц. ■

Олег САЗОНОВ,
директор Мичуринского
краеведческого музея

«Я тоскую по Родине...»

В 2018 ГОДУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 120 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА КОНСТАНТИНОВИЧА ЛЕЩЕНКО, ПОПУЛЯРНОГО ПЕВЦА, В ИСПОЛНЕНИИ КОТОРОГО ЗВУЧАЛИ «У САМОВАРА», «НЕ УХОДИ», «ЧЁРНЫЕ ГЛАЗА», «ЧУБЧИК», «ПРОЩАЙ, МОЙ ТАБОР» И МНОГИЕ ДРУГИЕ ИЗВЕСТНЫЕ ПЕСНИ 1930–1940-Х ГОДОВ, И 74 ГОДА САМОЙ ЗНАМЕНИТОЙ ПЕСНЕ В ЕГО ИСПОЛНЕНИИ – «Я ТОСКУЮ ПО РОДИНЕ».

В мае 2017 года Первый канал показал 8-серийный фильм «Пётр Лещенко. Всё, что было...». Это кинобиография популярного русского и румынского певца, талантливого артиста, в исполнении которого звучали шлягеры довоенного времени, а слова одной из популярных песен «Всё, что было...» режиссёр удачно использовал в названии сериала. Это захватывающая история жизни большого артиста, популярного певца, которому пришлось испытать все тяготы войны, необосно-

ванные послевоенные репрессии и смерть в тюремной больнице. Режиссёр Владимир Котт собрал замечательный коллектив актёров, а великолепная игра Константина Хабенского и Ивана Стебунова, сыгравших певца в разные периоды жизни, украсила этот проект.

Смотрел с большим интересом, старался не пропустить ни одной серии. И вдруг неожиданно большая ложка дёгтя. Я уже не помню, в какой именно серии, да это и не важно, Константин Хабенский поёт песню «Я тоскую

по родине...». Его манеру исполнения именно этой песни, при всём моём уважении к таланту артиста, я воспринять не смог. Особенно когда он начинал петь припев:

*Я тоскую по родине,
По родной стороне моей.
Я теперь далеко-далеко
В незнакомой стране...*

Он произносил эти слова с каким-то вызовом, мне даже показалось, с какой-то внутренней злостью, резко повышая голос и с силой ввинчивая вниз правую руку, будто буравя какое-то невидимое препятствие. Ни ностальгии, ни грусти, ни тоски по не принявшей его родине в этой песне, которую Лещенко называл своей лебединой и которой всегда заканчивал все послевоенные концерты, в исполнении Хабенского я не почувствовал.

Нет, Лещенко так не пел и не мог так петь, он пел совсем по-другому: тихо, с неподдельной грустью и болезненной тоской в голосе. Это я хорошо знаю и, поверьте мне, совсем не понаслышке.

***

Шёл 1946 год. Мы уже второй год живём в Румынии, где после войны в одном из артиллерийских полков продолжал службу папа, кадровый военный. Во время войны по запросу мамы нам сообщили, что он пропал без вести. После Победы мы узнали, что папа жив, попал в плен, бежал, руководил группой подпольной организации Винницы и после освобождения города вернулся в действующую армию. Папа разыскал нас, больше расставаться не хотел и увёз нас с мамой в Румынию, к месту своей новой службы.

Сначала мы жили в небольшом городке Алба-Юлия, одном из самых древних городов Трансильвании, да и всей Румынии. Для детей военнослужащих в гарнизоне была открыта начальная школа, где я учился в четвёртом классе. В школе я был единственным четвероклассником, учить все уроки и отве-

СПРАВКА

Пётр Константинович Лещенко родился в селе Исаево Херсонской губернии (ныне Николаевский район Одесской области) и был полноправным гражданином сначала России, а затем и Советского Союза. Сменил он гражданство, когда влюбился в свою первую жену, танцовщицу из Латвии Жени (Зинаиду) Закитт и решил жениться. С Зинаидой они вместе учились в балетной школе Трефиловой во Франции, куда Лещенко поступил для усовершенствования техники танца. Как ни странно, свою артистическую деятельность популярный певец начинал как довольно успешный танцор.

Пётр и Зинаида решили выступать вместе, разучили несколько парных танцевальных номеров и с большим успехом выступали в парижских ресторанах.

Когда Зинаида забеременела, их дуэт распался. Чтобы как-то заработать на жизнь, Пётр, обладавший абсолютным слухом и неплохим голосом, решил попробовать себя в вокале. И тут неожиданно его ждал большой успех.

После войны он мечтал об одном: вернуться и петь на родине. Его мечте не суждено было сбыться. В марте 1951 года Лещенко был арестован органами госбезопасности Румынии по прямому указанию из Москвы. Его допрашивали по делу его второй жены, Веры Белоусовой, которую обвиняли в измене родине. Умер Лещенко в румынской тюремной больнице 16 июля 1954 года.

Пётр Лещенко и Зинаида Закитт

чать у доски приходилось каждый день, стал отличником.

Затем папу перевели служить в город Брэила (по-русски Браилов) – крупный глубоководный порт на левом берегу Дуная. Здесь для детей военнослужащих была открыта средняя школа. Я поступил в пятый класс. В классе нас было уже четырнадцать человек, это значительно облегчило моё существование. Стал нормальным хорошистом.

В трансильванских Альпах, в живописной узкой долине реки Черны, на знаменитом бальнеологическом курорте Геркуланы открыли санаторий для командного состава группы советских войск, расквартированных в Румынии.

Папе предложили семейную путёвку. Заканчивался учебный год. Родители просили директора школы разрешить мне уехать с ними раньше времени. Директор согласия не давал, ссылаясь на то, что мне надо нормально закончить учебный год и, кроме того, при школе есть хороший интернат, где созданы все условия для жизни и учёбы. Папа и мама могут быть спокойны за своё чадо. Доводы директора были убедительны, родители особо не возражали, а чадо даже было радо пожить какое-то время без их опеки. Папа с мамой уехали, а я поселился в интернате.

Там мне понравилось. Много друзей, свобода, никто за тобой постоянно не следит, никто не опекает, но когда закончился учебный год и все разъехались по домам, стало скучно. Я загрустил, но тут приехал папа, сказал, чтоб собирался, – мы едем в санаторий к маме.

В Геркуланы надо ехать с пересадкой в Бухаресте. В Бухарест мы приехали утром, поезд в Геркуланы – вечером. Решили погулять по городу.

– Ба! Так это же Бендерский! Вот так встреча! – Тучный полковник набросился на папу и стал его тискать, обнимать, бить по плечу, приговаривая: – Так это же, чёрт побери, сам Бендерский!

Полковник был не один, рядом стоял худой бледный майор, который тяжело опирался на трость.

– Ты понимаешь, – обращаясь к майору, кричал полковник, – это Бендерский, тот

самый, с которым мы воевали в Австрии! Он был моим заместителем, потом его подстрелил снайпер, отвезли, как положено, в госпиталь, а он, чертяка, пропал. Ну теперь ты никуда не денешься, – обращаясь уже к отцу, громыхал тучный полковник. – Где будем отмечать встречу?

– Товарищи боевые офицеры! Дорогие друзья-однополчане! – торжественно, с расстановкой произнёс бледнолицый майор. – Если вы не возражаете, я готов возложить на себя эту ответственную и очень важную обязанность.

– Давай, майор, командуй, дорогой, – грохотал полковник, – командуй, майор, командуй!

– Тогда все за мной!

И мы пошли. Впереди, хромая, майор, за ним в обнимку полковник с папой, и за ними плёлся я, чуть не плача оттого, что товарищи по оружию совсем забыли о моём существовании. Шли долго.

– Ты куда нас ведёшь? – недовольно пробурчал полковник.

– Не волнуйтесь, товарищ полковник, доверьтесь мне, обещаю, всё будет хорошо. Кроме того, мы уже пришли, – с чувством выполненного долга произнёс майор.

Это был ресторан в центре Бухареста. Было рано, в ресторане почти никого, мы заняли столик около окна. Офицеры заказали «цуйку» (румынскую водку) и обильную закуску. Меня тоже не забыли, принесли тарелку пирожных. Офицеры выпили за встречу, потом за Победу, потом ещё за что-то, потом ещё. Они постепенно пьянели, а я ел пирожные.

– И что же в этом ресторане такого особенного, что ты, как библейский Моисей, нас, голодных, долго водил по улицам этого города? – оглядывая пустой зал, аппетитно чавкая, недовольно пробурчал уже сильно подвыпивший полковник.

– Ничего особенного, – парировал бледнолицый майор, – просто, «по данным моей разведки», это единственный ресторан в Бухаресте, где каждый вечер поёт сам Пётр Лещенко. И вы, извините, с моей подачи именно в этом ресторане! – Довольный произведён-

ным впечатлением, он посмотрел на сидящих за столом.

– Ты хочешь сказать, тот самый Лещенко? – в унисон удивились полковник и папа.

– Самый что ни есть тот! – улыбнулся майор. – Мы с ним познакомились месяца два тому назад, когда он пел в госпитале, где я залечивал свою ногу. Разговорились. Он мне и сказал, где они выступают, и посоветовал по случаю посетить этот ресторан, сказал, что по нынешним временам у них очень неплохая кухня. Да вот, собственно, и сам Пётр Константинович!

По залу ресторана шёл высокий стройный мужчина в белой рубашке и в подтяжках.

– Пётр Константинович, здравствуйте! – громко произнёс майор и встал, опираясь на трость.

Мужчина остановился, внимательно посмотрел в нашу сторону, что-то вспомнил, улыбнулся и подошёл к нашему столику. Майор и Лещенко обнялись как старые знакомые. Мне показалось, что я где-то видел этого человека. Вспомнил! На пластинке, которую мама приобрела в Румынии. Там был портрет певца. Так это тот Лещенко, который поёт про чубчик! Я часто ставил пластинку и почему-то слушал только эту песню.

– Так это вы чубчик кучерявый? – выпалил я.

– Если чубчик, да ещё кучерявый... – Лещенко рукой провёл по залысинам на лбу и улыбнулся, – то, наверное, скорее всего я, молодой человек.

За столом дружно рассмеялись. Я покраснел и замолчал.

Певца усадили и наполнили бокалы. Офицеры пили залпом, и довольно много, Лещенко только прикоснулся к бокалу.

– У меня сегодня вечером выступление, надо быть в форме, – оправдывался он.

За столом шёл оживлённый разговор. Лещенко сказал, что очень тоскует по России, давно не был на родине и мечтает как можно скорее туда вернуться. Подал заявление о возвращении ему советского гражданства, написал письма Сталину и Калинину, но дело затягивается, и это его тревожит. Офицеры

пьяно сочувствовали и как могли успокаивали певца:

– Сталин решит! Сталин обязательно решит!

* * *

А сейчас Лещенко сидел за столом с советскими офицерами, полный надежд и ожиданий.

– Ну, мне, наверное, пора, – поднимаясь из-за стола, сказал он. – А вас, товарищи офицеры, я приглашаю сегодня вечером на мой концерт.

– Пётр Константинович, дорогой, – забыв о своей больной ноге, бодро вскочил майор, – мы сегодня не можем, мы все вечером уезжаем. Пётр Константинович, очень прошу вас спеть для моих друзей одну, всего одну песню, ту самую, которую вы пели у нас в госпитале в конце концерта. Очень прошу, иначе они мне не простят.

Майор с надеждой и мольбой смотрел на певца. Лещенко стоял и молчал, затем резко повернулся и пошёл к эстраде в конце зала ресторана. Вернулся с аккордеоном. Молча сел, вздохнул и, не глядя ни на кого, начал петь:

*Я иду не по нашей земле.
Просыпается хмурое утро.
Вспоминаешь ли ты обо мне,
Дорогая моя, златокудрая?
Предо мною чужие поля,
В голубом, как у нас, тумане,
И шумят, и шумят тополя
Этим утром не в меру ранним.*

Пел негромко, пел для себя, пел для тех, кто рядом, пел для новых друзей, которых сегодня приобрёл. А когда пошёл припев:

*Я тоскую по родине,
По родной стороне моей.
Я в далёком походе теперь
Вспоминаю о ней.
Я тоскую по русским полям,
По зелёному шуму листвы
И по серым любимым глазам.
Как мне грустно без них... –*

голос его задрожал, появилась такая тоска, надежда и грусть, что на глазах боевых офицеров выступили слёзы, а полное лицо пьяного полковника покраснело, и он откровенно заплакал.

Лещенко закончил петь. Никто не произнёс ни слова. Лещенко какое-то время сидел опустив голову, затем тяжело поднялся, молча посмотрел на прослезившихся офицеров, низко поклонился и медленно пошёл по залу...

Я уже далеко не молод, но впечатление, которое произвело на 11-летнего мальчика это исполнение, я запомнил на всю жизнь, а песня «Я тоскую по родине...» стала одной из моих самых любимых.

* * *

Интересна история создания этой замечательной песни. Из воспоминаний Веры Белоусовой, написанных в форме обращения к Петру Лещенко:

«В Бухаресте со своей частью в сентябре 1944 года появился Георгий Храпак, который в твоей жизни сыграл неожиданно значительную роль. Он был среди других военных на нашем концерте и по его окончании подошёл к тебе. Молодой художник, его воинского звания не помню, предложил свои стихи, признался, что раньше писал только картины, а тут вдруг стихами заговорил. Прочитав их, ты был сражён:

*Я тоскую по родине,
По родной стороне моей...*

Ты ещё удивился, что замечательный художник пишет не менее замечательные стихи. Познакомил Георгия с Жоржем Ипсиланти. Вместе они доработали стихи, Жорж переложил их на музыку. Потом Георгий дописал ещё припев. Так родилась прекрасная песня, которой с того дня ты заканчивал все свои концерты. Начинал ты, а потом вступала я, и мы пели дуэтом. Ты говорил:

– Тоскую? Мне эта песня душу разрывает. И всё же не хочу, чтобы она стала моим последним признанием. Ох как не хочу!

СПРАВКА

Вера Георгиевна Лещенко (Белоусова) – советская эстрадная певица, вторая жена Петра Лещенко. Часто пела с ним в дуэте. В 1952 году была арестована за измену родине (чтобы выйти замуж за Лещенко, отказалась от советского гражданства) и приговорена к смертной казни. Казнь заменили на 25 лет лагерей. Через два года реабилитировали, и она вышла на свободу. Работала солисткой Брянской филармонии, потом в Москве в оркестрах, сначала Липского, затем Ренского. Работала в «Союзконцерте» и затем, до ухода на пенсию, в «Москонцерте». Умерла в Москве в 2009 году.

Для тебя написанная и тобою названная своей лебединой песней...»

А вот как о создании песни вспоминает Георгий Храпак:

«Миновал Бухарест, ехали по Трансильвании к Араду. Ранний рассвет. Поезд, равномерно постукивая колёсами, вёз нас через затуманенные поля, ближе к полосе фронта. Мне не спалось. Вдруг показалось, что годы я здесь, где-то далеко от родины. Захотелось об этом как-то сказать. Сказать не только о себе, но и о многих солдатах, которые давно не были дома, у которых, как и у меня, на родине осталась любимая девушка.

Исправляя и зачёркивая, стал писать:

Я иду не по нашей земле,
Просыпается хмурое утро.
Вспоминаешь ли ты обо мне,
Дорогая моя, златокудрая?

Это было письмо домой. А вскоре на эти слова в Бухаресте румынским эстрадным композитором, руководителем оркестра Петра Лещенко Жоржем Ипсиланти была написана музыка. Я только оформил текст припева "Я тоскую по родине..."».

Трудно было предвидеть, что эта песенка вскоре станет известна далеко за пределами небольшого румынского театра, где её впервые исполняли».

Георгий Васильевич Храпак, талантливый фронтовой художник студии М. Б. Грекова добровольцем ушёл на фронт. За связь с эмигрантами Лещенко и Ипсиланти в 1948 году был репрессирован и пять лет провёл в заключении. После реабилитации много работал, стал заслуженным художником РСФСР, признанным мастером городского пейзажа и картин о военном времени, организовал несколько персональных выставок. Умер автор слов песни «Я тоскую по родине...» в 1974 году.

Песня «Я тоскую по родине...» в Советском Союзе долго была под запретом, считалась эмигрантской. За границей её пела жена Ипсиланти, певица Мия Побер, как романс-танго под названием «Письмо из Румынии». Но нет сомнения, что большинству слушателей старшего поколения песня «Я тоскую по родине...» запомнилась в исполнении «королевы русского романса», эмигрантской певицы Аллы Баяновой. **А**

Марат БЕНДЕРСКИЙ

Пётр Лещенко с группой советских офицеров.
Рядом с Верой Лещенко – автор романса
«Я тоскую по родине...» Георгий Храпак

«Я ТОСКУЮ ПО РОДИНЕ...»

Слова Г. Храпака,
музыка Ж. Ипсиланти

Я иду не по нашей земле,
Просыпается хмурое утро.
Вспоминаешь ли ты обо мне,
Дорогая моя, златокудрая?
Предо мною чужие поля,
В голубом, как у нас, тумане,
И шумят, и шумят тополя
Этим утром не в меру ранним.

Припев:

Я тоскую по родине,
По родной стороне моей.
Я в далёком походе теперь
Вспоминаю о ней.
Я тоскую по русским полям,
По зелёному шуму листвы
И по серым любимым глазам.
Как мне грустно без них...

Далеко от меня ты теперь,
Разлучили нас грозные годы.
Я пою эту песню тебе
Под осенний оркестр непогоды.
Здесь идут проливные дожди,
Их мелодия с детства знакома.
Дорогая, любимая, жди,
Не отдай наше счастье другому.

Припев.

ИМЕННО ТАК МОЖНО НАЗВАТЬ НОВЫЙ ПРОЕКТ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «МИЧУРИНСК», КОТОРОЕ ВПЛОТНУЮ ПРИСТУПИЛО К ПОДГОТОВКЕ И ИЗДАНИЮ ЛИТЕРАТУРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ТЕМАТИКИ, ОХВАТЫВАЮЩЕЙ ВСЮ ТАМБОВСКУЮ ОБЛАСТЬ – СЕМЬ ЕЁ ГОРОДОВ И 23 РАЙОННЫХ ЦЕНТРА.

Первой ласточкой явилась книга ветеранов региональной журналистики Тамары Асафьевой, Анатолия Гусева, Владимира Краснослободцева и их коллег «Под сенью Минина и Пожарского». Во вступлении к содержащему множество подлинных документов разных лет сборнику очерков, стихов и публицистики глава Петровского района С. А. Ефанов высказал главное: «Жители Петровского района по праву гордятся ярчайшей страницей Великой Отечественной войны, когда труженники сельхозартели «Красный доброволец», поддержанные колхозниками всей Тамбовщины, стали инициаторами начала по сбору средств на строительство боевой техники для Красной армии, получившего распространение по всем республикам Советского Союза, и достойно продолжили великие традиции народов нашей страны. Сегодня, когда мощь и поступательное развитие России вновь вызывает кое у кого неприкрытое раздражение, хочется предостеречь: «Не выйдет!» Поручкой тому вся наша великая история! Сегодня, как

и во все времена, во имя Отчизны мы готовы и на ратный бой, и на созидательный труд».

О молодёжи, нашем подрастающем поколении, очень точно сказал замечательный поэт и драматург Сергей Михалков: «Сегодня – дети, завтра – народ». Именно им в первую очередь и адресованы такие книги яркой патриотической направленности. В публикациях ветераны рассказывают о формировании на территории Тамбовщины двух воздушных армий, двух танковых бригад, стрелковых дивизий и других воинских соединений, которые потом прославились в боях, получили звание гвардейских, ими командовали прославленные полководцы.

160 выпускников тамбовских военных училищ стали Героями Советского Союза. А всего за годы Великой Отечественной войны наша Тамбовская область отправила на фронт около 450 тысяч своих лучших сыновей и дочерей. О многих героях Бессмертного полка, доблестных воинах-земляках, таких как танкист Александр Кузьменко, узнают

читатели сборника «Под сенью Минина и Пожарского». Квинтэссенцией подвига фронта и тыла можно назвать стихи известного тамбовского поэта Ивана Кучина, посвящённые патриотическому почину петровцев, подвигу на чужбине тогда всей страной:

*Не в буре огня и стали,
Не в грохоте дымных атак –
На мирном застыл пьедестале
Своё отработавший танк.
Крушил он преступные козни
И врага гнал в темноту.
Названье «Тамбовский колхозник»
Горит на его борту.
Он шёл сквозь смертельную вьюгу
В ожогах и вмятинах ран.
Пред ним, как пред памятью друга,
Стоит седой ветеран.*

Уважение к российской государственности, проявление активной гражданской позиции, готовность отстаивать государственные интересы России заметны во всех волнующих главах книги. Впечатляет раздел «Всё для фронта, всё для Победы!», где, в частности, приводятся благодарственные письма фронтовых командиров – гвардии капитана Трубникова, капитана Лютенко, сержанта Белова, дающих боевую клятву своим землякам – беспощадно бить врага на вверенных им танках и самолётах, построенных на народные деньги, отстаивая победу и независимость любимой Родины.

* * *

Невелик Бондарский район. Но какой же любовью к Отечеству, родной земле, горячим призывом ценить, уважать и беречь национальное, культурное и историческое наследие пронизана книга «Край родной, навек любимый», выход которой оказался приурочен к 90-летию Бондарского района, возглавляемого ревнителем культуры А. А. Воробьёвым.

Директор местной библиотеки Галина Ступникова, главный редактор районной газеты «Народная трибуна» Ольга Ладыженская,

журналисты, сотрудники музея постарались всё сделать для того, чтобы бондарцы от мала до велика – и не только они – узнали как можно больше интересного, ценного, полезного о том, чем славен их край. Это трогательные рассказы о маленьких и больших сёлах – Усово, Земятчино, Пахотный Угол, Митрополье, – без которых не представить ни наш аграрный регион, ни всю Россию. Это главное, как, впрочем, и везде, богатство региона – люди, в том числе именитые земляки, прославившие свой край. Назовём знаменитого учёного-экономиста, возглавлявшего институт экономики Академии наук СССР, – Константина Васильевича Островитянова, чей труд был отмечен высшими государственными наградами – тремя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды.

Стал адмиралом, руководителем Военно-морской академии в Санкт-Петербурге выпускник местной Нащёкинской школы Василий Петрович Ерёмин. Ещё один земляк – Виктор Сергеевич Савельев – известный хирург, Герой Социалистического Труда, автор более чем трёхсот научных работ. А простой рабочий парень из села Пахотный Угол Владимир Михайлович Ярыгин, получив профессию токаря на заводе тяжёлого машиностроения в подмосковном городе Электросталь, прославил родные Бондари тем, что дважды удостоивался за свой самоотверженный труд самого высокого и почётного звания «Герой Социалистического Труда».

Чем сегодня живут Бондари? На крупном сыродельном заводе производят отличную продукцию, быстро завоевавшую популярность в нашей области и в соседних – Рязанской, Воронежской, Пензенской, Липецкой, – удостоенную высоких наград на престижных продовольственных выставках, российских и международных. В настоящее время под маркой с пикантным названием «Бондари» выпускается треть объёма молочной продукции Тамбовщины. И производство не останавливается на достигнутом.

Авторы книги «Край родной, навек любимый» прививают любовь к истокам, призывают к сохранению природы: иллюстрации – ак-

варельные зарисовки – изображают чудные малые речки, голубыми лентами опоясывающие весь Бондарский район. Это животворные «жилки» Кёрша, Большой и Малый Ломовис, Кашма с их крутыми берегами, хорошо выраженной поймой, где много болот, озёр и стариц, вода из которых после очистки и фильтрации поступает к населению, а также служит для создания искусственных прудов, поддержания рыбного баланса, для водопоя животных и многочисленных сельскохозяйственных нужд.

Если умело подобрать материал, продуманно структурировать книгу (в чём всем редакторам и авторам произведений большую консультационную и творческую помощь оказывает опытный журналист-краевед, член Союза писателей России Михаил Белых, работающий заместителем главного редактора газеты «Мичуринская правда»), то и результат получится на славу. Вот и в сборнике бондарцев не пройдёшь, как говорится, мимо очерка «Маэстро кисти» о заслуженном художнике России, участнике всемирных, республиканских, региональных выставок Михаиле Корнеевиче Аникееве, в чьём творчестве – лучшие проявления гуманизма, нравственности, духовности, этических ценностей. А как было не вспомнить лауреата Государственной премии поэта Владимира Замятина с его проникновенными строками о родной земле:

*Вот он, вот он, дом заветный!
Снова я в родном краю,
Снова вижу в час рассветный
Землю милую мою...*

Неразрывная связь с земляками остаётся в творчестве ныне живущего в Воронеже поэта и прозаика Аркадия Макарова, в деятельности местных служителей Русской православной церкви, в искусстве народных умельцев, способных и к гончарному ремеслу, и к столярному делу, и к диковинным вышивкам – уникальным, тёплым, земным... Такой же теплотой веет и от всей книги «Край родной, навек любимый».

* * *

Логическим продолжением проекта издательского дома «Мичуринск» стал выход новых книг и в Пичаевском районе, отметившем своё 90-летие, а также в Никифоровском районе. Пичаевцы недаром эпитафией к своему сборнику выбрали стих поэта – пусть не своего земляка, а староюрьевца – Нины Цуриковой, точно отражающий их чувства:

*А для меня на всём великом свете
Есть уголок, клочок родной земли,
Прекраснее которого не встретишь,
Любимее навеки не найти.*

Глава района Алексей Перов в предисловии с гордостью называет славные, родные имена фронтовиков, двенадцати Героев Советского Союза, а также известных, талантливых уроженцев своего края: хирурга И. С. Долгушина, членов Союза писателей России И. Г. Лазутина и А. А. Рогачёва, члена Союза художников В. Г. Янкина, девятерых почётных граждан Пичаевского района.

Знакомясь с книгой пичаевских авторов – главного редактора газеты «Пичаевский вестник» И. Карцева, журналистов М. Киселёвой, Е. Еремеевой, Е. Ильиной, – как не сказать, перефразируя известные слова Михайлы Ломоносова о том, что богатства России прирастать будут Сибирью: «Какими же богатствами славна провинция, периферия, малая родина!» Здесь достаточно назвать хотя бы одно имя – великого русского учёно-естествоиспытателя Владимира Ивановича Вернадского, открывшего для всей планеты ноосферу. На базе местного Дома-музея В. И. Вернадского успешно работает научный культурный центр, новости из которого достигают обеих столиц России и расходятся дальше и дальше, во все стороны света.

Конечно, район живёт обычными заботами всех сельских, да и городских территорий: люди строят дома, дороги, лечат больных, учат детей. Подрастают новые поколения. И они с благодарностью почерпнут со страниц и этой книги, которая займёт достойное

место в библиотеках, на стеллажах читальных залов, сведения о родной земле и людях, на ней живущих.

Начиная, как гласит древняя летопись, в XVIII веке с 16 крестьянских дворов и двора вотчинника – помещика в селе Байловке, Пичаевский район вырос во вполне современный центр, где в 60 населённых пунктах и 10 сельсоветах действуют 128 предприятий и организаций. Здесь же инвесторскую деятельность – преимущественно вкладывая средства в аграрно-промышленный комплекс – осуществляют структурные подразделения компаний из Москвы, Татарстана, Якутии... И получает родная страна для продовольственных нужд отборный пичаевский ячмень, подсолнечник, сою, рапс, кукурузу, горох, пшеницу, сахар. В районе работают 10 сельскохозяйственных предприятий и 14 крестьянских фермерских хозяйств. Пристально наблюдают авторы книги и за развитием экономики района, его культурно-просветительской, социальной деятельностью, где надо – поощряя, где надо – критикуя и подсказывая с опорой на авторитет сведущих людей пути развития инфраструктуры. Ведь Пичаевский район находится в исключительно живописной по природным условиям местности, где могут отдохнуть и получить множество впечатлений имеющие лицензии охотники, а также рыбаки, грибники, просто любители здорового образа жизни – туристы, путешественники. Сборник «Пичаевскому району – 90» – отличный для них в этом отношении друг и путеводитель.

* * *

Перекликается с предыдущей книгой и сборник никифоровских журналистов (авторского коллектива во главе с главным редактором районной газеты «Знамя» Еленой Шамаевой) «Край любимый, родная земля». Разнообразие тем книги-новинки просто неизмеримо. И все они – точны, прицельны, наполнены богатым содержанием. От революции 1917 года и до наших дней прослеживают путь развития и райцентра

Дмитриевки, и всего Никифоровского района усердные следопыты родной земли. Их интересует всё: какими полезными ископаемыми и минералами богат отчий край, как развивается промышленность, торговля, сфера услуг во всех уголках района, каковы уровень народного образования и качество медицинских услуг? А разве не заинтригуют читателя главы с такими заголовками, как «Под крылом «Хрустального Пеликана»», «Аплодисменты для мастерицы», «В оркестре лёгких партий нет»? О чём повествуется в них? Прочитав – узнаем!

53 (!) раздела включил в себя сборник никифоровцев «Край любимый, родная земля». Поучительный пример трудолюбия и похвального творческого азарта авторов и редакторов-составителей книги, что отмечает и глава района А. Р. Щербаков.

Все четыре рецензируемые книги-новинки отличаются продуманным дизайном, оригинальное художественное оформление, качественная – не газетная, а именно книжная – бумага, чёткая корректорская вычитка материалов, без пропусков досадных «ляпов», чем грешат иные издания.

* * *

В заключение – без ложного пафоса и преувеличения – можно сказать, что получивший широкий размах и распространение проект АО «Издательский дом «Мичуринск» по выпуску местной литературы есть поистине проявление высокого национального самосознания, самоидентификации, он утверждает всё доброе и вечное на родной нашей земле, а потому и является настоящей Пророческой лирой, потенциал которой неисчерпаем, а сама идея будет находить всё новые и новые отряды приверженцев, поклонников, последователей, наконец, просто любителей живого русского слова!

Валерий СЕМЁНОВ

«МЕТРО ГОЛДВИН МАЙЕР»

РАССКАЗ

*Лингвистика – наука
о языке, языкознание.
Словарь*

«По раскисшей дороге полз, как жук одноногий, мой любимец – раздолбанный "форд", – подбадривал я сам себя залихватской песенкой, покинув шоссе-бетонку и преодолевая ничуть не изменившуюся с бу-нинских времён липкую колею почтового тракта, нацеленного на славный город Б-д. А дождь-дождище, то ли взбешённый моим ослиным упрямством пробиваться на газовую трассу даже по сельской грунтовке, то ли просто подчиняясь грустной метеорологической сводке профессора кислых щей Вильфанда, никогда не дающего точный прогноз погоды, полосовал леса, поля и перелески ровно так, как полосует артиллерийская шрапнель

Валерий АРШАНСКИЙ

учебный полигон – без жалости, кучно и без остановки.

Но моей душе и такая осень хороша. Не вру! Даже в эту стылую, унылую пору, когда случайного прохожего по-шмелиному жалят попадающие за воротник косые струи дождя, когда за городом, на большаках по-волчьи завывает ветер и бесстыдно оголяются придорожные лесополосы, когда отчётливее становятся видны вдоль обочин похилившиеся деревянные и металлические кресты (а то и оградки с выцветшими бумажными венками на прутьях), когда дождина беснуется, как скаженный, ехидно заливая и ветровое, и лобовое стекло, я всё равно пою свои бодрые песни. Про Северный флот, который не подведёт, про пингвинов, которые и в арктическую пургу выживают себе, как ни в чём не бывало, про странного чувака, который «швыряет камешки с крутого бережка далёкого пролива Лаперуза»... И чихать я хотел на разверзшиеся небеса, на грозный рык стихии и шалыпинский бас из поднебесья: «Я вот тебе задам, Олег Петрович, производственную необходимость! Ты у меня надолго запомнишь прогулки в октябре...»

Посмотрим. Нас ещё салагами учили в морской пехоте никогда не сдаваться: «Там, где мы, там – победа!» Так что, водоструй мой милый, посмотрим, кто кого – я ли пробьюсь к себе на трассу, ты ли мой «форд» утопишь в колдобинах. Буераки, ухабы, овраги – всё это для колёс ерунда. Скользота по краю, парпланирование на залитых водой ямах тоже не страшны, этот ватерпол мы в юные годы на мотоциклах проходили. А вот впереди – это да. Впереди самый неприятный «тягун» маячит; не гора, а настоящий змеиный язык, вихляющий из стороны в сторону, как после прохода пьяного быка по загону...

Третью нитку газопровода из пункта А в пункт Б мы начали тянуть в мае. Стало быть, уже прошло полгода. И каждый раз во время преодоления тягуна, неминуемого на пути желающего попасть за перевал, мне рисовалась странная, немножко фантасмагорическая картина. Вот приехали, допустим, сюда на предстоящие съёмки невиданного по накалу страстей остросюжетного художественного

фильма под рабочим названием «Американцы вовне» продюсеры знаменитой голливудской кинокомпании Metro Goldwin Mayer во главе с вице-президентом фирмы господином... не важно. Вместе с ними осматривает и оценивает лунный пейзаж загадочной страны России звёздная пара, осыпанная бриллиантовыми наградами и алмазной крошкой, Ричард Гир и Джулия Робертс. Оба красивые, как боги! Им, героям фильма, предстоят бешеные автогонки, пистолетная стрельба, автоматная пальба, прыжки с вертолёта «Робинзон», выживание после жутких аварий – и вновь ралли по пустыне на перевёрнутых брюхом вверх автомобилях... Звуковое оформление – медвежий стон, рёв леопардов, хохот гиен, визг шакалов (сценарий ведёт зрителя из древней эры мезозоя в наши дни).

И хладнокровный, как всегда, малоразговорчивый мистер Ричард Гир, тщательно изучив рельеф поднебесной горы, хорошо сохранившейся на чернозёмных просторах России, смотрит грустным взглядом Ноя на притихшую спутницу. Шепчет что-то себе под нос. А Джулия в ответ ослепительно улыбается Ричарду и на чистом английском спрашивает бывшего мужа: что скажешь, милый? Гир простецки, ладошкой вытирает пот со лба себе и батистовым носовым платочком в клеточку – господину вице-президенту. А потом кротко роняет: «Поехали, радость моя... в Пиренеи. Оттуда хотя бы живыми вернёмся...»

Странные люди. Какой им смысл мчаться во французские Пиренеи, преодолевать границы Испании и Андорры, взбираться на высоту больше трёх тысяч метров над уровнем моря, когда с таким же успехом могли бы посетить наше Забайкалье, где багульник на сопках цветёт и кедры врезаются в небо... Ну да Бог им судья!

Развлекая таким образом самого себя в одиночном катании, я начал притормаживать задолго до тягуна, увидев у его подножия неестественно накренившийся автобус марки «ПАЗ», понурого водителя с монтировкой в руках, а рядом – две женские фигурки, отчаянно голосующие мокрыми зонтиками всем подряд проходящим машинам. И как же

им было поверить своему счастью, когда мой фордик, чуток вильнув, причалил к их ногам?

«Правда? Вы правда нас возьмёте?» – чуть ли не в один голос вскричали обе барышни, торопливо, боком-боком втискиваясь в узковатые дверцы фордика (жаль, не в той последовательности, как мне хотелось: худышечку бы туда, на заднее, а толстущечку, с такими-то наливными коленками, сюда, на переднее сиденье, ко мне поближе! Но теперь уж что, пересаживать пассажиров, что ли?). Дождь полосует, народ на остановке психует, автобус на лысой резине буксует, даже забрызганная грязью до потолка «Нива» воң, мигая подфарниками, стоит в нерешительности, раздумывая, сумеет ли взять альпийский перевал на своих мостах? А мой кроссовер на ходу! Пристёгивайтесь, девочки. Поехали...

***

Лил зефир эфир московский с голосом и без. Салон быстро наполнялся ароматом хорошего парфюма, женского тепла, чуть ли не домашнего уюта. Но гости, может, и желая о чём-то меня спросить и даже разговорить, пока лишь только представились. И всё поглядывали со смущением по сторонам, то и дело поправляя манжеты да воротнички на изрядно намокших плащиках. Пришлось брать инициативу на себя.

– Повезло вам, барышни, ко мне попасть, – обращаясь к обеим, адресовал я всё же свои слова одной – заинтересованно поглядывавшей на меня в водительское зеркальце Маше (так звали «наливную», а худышечку – Кристиной). – Обычно я попутчиков не беру...

– Ой, да мы понимаем, мы вам так благодарны! – даже погладила меня по рукаву свитера соседка справа.

– Вы не думайте, мы вам заплатим! – с готовностью распахнула дамскую сумочку Маша.

– Ещё чего! Вы за кого меня принимаете? – Настала очередь уже мне хмурить брови. – Я вовсе без намёков, просто хотел вам кое-что рассказать.

– Да? Ну тогда простите! А о чём вы хотели рассказать? Надеемся, нечто приличное? Ах, как я люблю пикантные истории, – лукаво шурилась в предвкушении интриги сероглазая Машенька, мало обращая внимания на раздавшийся писк Кристины: «И я, я тоже люблю!»

– Ну как? Особой интриги не будет, а история правда поучительная. Короче, разве ли меня в прошлом году на деньги именно у того вон лесочка опытные мошенники.

– Да вы что? – неприятно охнула милая моя сероглазка. – Вас? Такого солидного, такого серьёзного мужчину? На деньги?

– При вашей брутальности? – не могла не подпетть Маше сладко улыбающаяся Кристина...

– Ну а что, брутальные тоже плачут, – вызвал я понимающую улыбку спутниц. – Можно продолжать? Спасибо, продолжу. В том, что на самом деле тогда произошло, виноват я сам и только сам. Лопухнулся. («Кристина Андреевна, запомни, какое выразительное слово «лопухнулся», студентам дадим проанализировать!») Во-он там, как раз где ольховый да берёзовый лесочек, видите, место какое безлюдное, вдруг, как лось сохатый, выскочил перед машиной и стал на колени здоровенный такой мужичище, стриженный наголо. Я сперва даже подумал, что кого-то убивают, а он примчался из леса помощи просить. Нет. Не то. Приоткрыл я окошко, кричу ему: ты чё, мол, кенарь, рыбу ел или так... одурел?

Эта лысая башка – дай пирожка – тут же встрепенулась, в глаза смотрит по-собачьи и, чуток привстав, мне навстречу движется. Глаза у незнакомца какие-то монгольские, лицо смуглое, нос маленький и приплюснутый, будто его совковой лопатой отделили. Чем-то на отца Фёдора из «Двенадцати стульев» смахивает. Ну да, в исполнении Ролана Быкова.

«Братка, убей! – были первые слова «монгола». – Братуха, крест святой, помогать надо!»

«А что, что случилось?» – печёночкой чувствую подвох, но всё же пытаюсь понять заклинания пришельца.

«Братка, спасай, ты добрый! Вот кольцо, чистый золотой, клянусь, на, возьми», – стаскивает он со своего пальца и протягивает мне в окошко презент. Смотрю, «кольцо» его – самодельный латунный перстень из числа тех жлобских поделок, выточенных в гаражах или сараях, которыми щеголяли когда-то деревенские пацаны из ремеслухи, попадая на городские дискотеки.

«Не нужен мне твой золотой, говори, что случилось, я ждать не могу».

«Братка, выручай! – пытался ухватить меня за ладонь, не считаясь с тем, что ему на руку сыпался горячий пепел моей сигареты, «монгол». – Крест даю, доехать не можем. Бензин ноль...»

Я внимательнее посмотрел на ту лесную поляну, куда кивал «золотоносец», и увидел метрах в ста от нас цвета «белая ночь» жигулёнок с задранными капотом, подле которого с озабоченным видом, позвякивая разводными ключами, сновали туда-сюда двое таких же стриженных орлов, время от времени поглядывая в нашу сторону. Успокоились явно нервничающие ребята лишь тогда, когда «монгол», благодарно выкрикивая мне слова благодарности, вприпрыжку помчался к своим «братухам», победно размахивая над головой выторгованной купюрой. А я утешал себя тем, что, во-первых, редко нищим подаю и пусть этот дар будет искуплением греха, во-вторых, доброе дело сделал, даже если «монгол» меня обманул, в-третьих, малость – пусть и с некоторым риском, на драйве – развлёкся, наконец, в-четвёртых, житейского опыта поднабрался...

– Ой, ну вы даёте! – осуждающе покачала головой Кристина. – Разве можно так? А вдруг это были грабители?

Ха! Не рассказывать же девочке, что и я не простака, коль всегда вожу с собой электрошокер и травматический пистолет...

– Нет, Кристик, ну какой герой наш Олег Петрович! – азартно раздувала ноздри разругавшаяся Маша. – Настоящий Робин Гуд! Я же говорила, будет нам с тобой пикантная история!!!

* * *

Не думаю, что мои пассажирки чисто из вежливости слушали пусть и правдивую, но всё же очередную шофёрскую байку из числа тех, которые любой разговорчивый водила, посадив в салон симпатичных ему людей, готов рассказывать всю дорогу, отвлекая себя от дремоты и насыщаясь удовольствием от удачно складывающегося общения.

Но моих юных дам, как оказалось, аспиранток-филологов из А-го университета, через считанные часы ждала большая научно-практическая конференция. И потому им гораздо важнее, чем мои байки, было ещё разок пообщаться по лексике или лингвистике, в которых я – честно скажу – не сёк никогда ни уха, ни рыла. Точно так, наверное, как если бы я стал рассказывать моим попутчицам про никогда не слышанную ими технологию укладки в траншею стальной трубы диаметром почти полтора метра на протяжении полста километров, про катодную защиту и блуждающие токи Фуко. Каждому своё...

– Олег Петрович, вы не против, если мы с Кристиком немножко пошептчемся по своим докладам, а то потом поздно будет, – уже распахивая какой-то научный талмуд и размещая его на коленях, смотрела в книгу, не на меня, будущая учёная дама.

Я благосклонно кивнул, спросив, в свою очередь, у попутчиц разрешения поднять в приоткрытую форточку. И вскоре под шелест переворачиваемых страниц начался для меня, неуча в лексикологии, очень поучительный, очень познавательный урок. Крайне, вообще-то, необходимый забубённому прорабу – строителю нефтяных и газовых магистралей. Руководителю, разговаривающему с недисциплинированными подчинёнными и на степных просторах Волгоградской области, где тянули мы газовую трубу по проекту «Средняя Азия – Центр», и на берегу реки Суры, под Пензой, и в Чувашии, прокладывая нефтяной лупинг Альметьевск – Нижний Новгород, и под тем же Б-ом, строя заграждения газовых задвижек и стеллажи аварийного

запаса труб, – разговаривающему утром, днём и вечером на «великом и могучем». Особенно когда что-то не ладилось, ехало вкривь и вкось, не удавалось... И эти гортанные слова на сто километров окрест тут же разносили сплетницы сороки да вороны...

Совсем иное дело – лабораторные занятия Машеньки да Кристиночки. Слушать милый говорок юных прелестниц ой как любо-дорого!

– Манюнь, но ведь кого из нашей профессуры ни возьми – все единоголасны...

– В чём, Кристик?

– В главном. В том, что как только лексические комбинации падёжных фреймов сформированы, анализатор переходит к заполнению разрывов между словами соответствующей частичной фразы. Рассматривается каждая комбинация по порядку, начиная с той, которая имеет максимальную величину правдоподобия.

– Да. Так в чём проблема?

– А если анализатор попытается версифицировать разрывы между message и Smith под копирку? Словесная решётка ведь тогда сразу рухнет...

– О господи, Кристик! Мы берём коартикульированные фразы-кандидаты, исследуем их альтернативные компоненты и получаем идеальный коэффициент семантической и синтаксической правильности...

Я шмыгал носом и обалдевал от научных терминов двух обычных с виду юных дам. Это же офонареть, сколько они знают, сколько помнят! И какие мудрёные словечки у них от зубов отскакивают! Предетерминант. Детерминант. Порядковые числительные... Императивные и декларативные предложения...

А то у меня: сварной стык, поворотка, трубаши (трубоукладчики), котлы, битум, стеклохолст, крафт-бумага... Кстати! Надо будет сегодня этих субчиков катодников раз... кхм... распетрушить на чём свет стоит за потерянные акты. Какое моё дело? Пусть ищут там, где потеряли. А мне через три дня «трубу» контролёру сдавать, я ему что, детерминант предъявлю вместо актов?

* * *

Под музыку Вивальди по авторadio и всхлипы глубоких луж, салютующих грязными брызгами из-под каждого колеса, под всё тот же барабанный бой по крыше неутихающего дождя мой труженик фордик уже преодолел половину тягуна, готовясь брать самый противный – заключительный подъём, за которым простирался пологий спуск, вполне пригодный для нормальной езды.

«Партер взяли, товарищ маршал, амфитеатр взяли, балкон взяли, – играл я сам с собой во "Взятие Берлина", мысленно докладывая о боевых успехах после преодоления каждого яруса маршалу Жукову, – остаётся только взять галёрку – и мы в логове!»

– Эй, на шхуне! – заорал я в этот же самый миг, увидев очень опасную для себя картину. Но ори не ори – разве сидящий во встречном «запорожце» идиот меня услышит?

Дамы, побледнев, с перепуга вцепились в ремни... И не только замолчали, а и, кажется, дышать перестали, устремив оцепеневший взгляд на встречу...

А там... Летящий нам с горы навстречу шумахер на жёлтом «запорожце» – весёлый такой дедок в картузе-жириновке, сбив головной убор на затылок и поочерёдно размахивая руками, рассказывал двум своим собеседницам, круглолицым упитанным женщинам – свинаркам ли, свекловичницам, кто их знает, – нечто такое интересное и смешное, что те аж закатывались в хохоте, показывая «золотые» зубы и колыхающиеся животы...

Я замигал фарами. Бесплезно. Я нажимал, хотя где там «нажимал» – выжимал что есть силы клаксон, голосил вовсю, пытаясь трубными звуками сигнала обратить внимание этого Рудого Панька – кто он там есть, пасечник или бывший председатель колхоза – на созданную им аварийную ситуацию... Такая же реакция. В смысле никакая. Я приготовился к худшему. И, крикнув обоим своим девчонкам: «Прячьте головы, ложитесь!» – стал выворачивать верный мой «форд» беде навстречу: уж пусть «запорожец» бьёт в лоб, чем в крыло, так больше надежды уцелеть.

Но любимый мой фордик, мой верный дружок и товарищ, всегда плативший мне добром за человеческое к нему отношение, оказался ещё умнее хозяина. И всем напряженным телом своим подсказал: выверни, выверни ещё малёк рулевое колесо, там есть ещё у тебя люфт, проскочим! Чудовищным образом, всего лишь на оставшуюся четверть мизинца провернув руль вправо, я обошёл этот смертельно наползавший на нас «Титаник». И уткнулся мордой в обочину. Не в силах больше двигаться ни взад ни вперёд.

Самое интересное, что тот самый Рудый Панько как сидел гоголем за штурвалом, так и продолжал сидеть, едва удостоив мой «форд» взглядом. Проскочил, мол, ё-моё, разминулись, ну и шуруй себе дальше, а у меня с моими бабами-землячками свои дела... Мы ещё побазарим.

Первой от страшного сна очнулась аспирант-лингвист Кристина. Выйдя на подламывающихся ногах из машины, она, грозя худеньким кулаком вслед яичному желтку, утекающему с горной сковороды, ни в склад ни в лад прокричала нечто такое, с петровским загибом, чего я, вот уже двенадцать лет строящий трассы в полевых условиях не с кандидатами и докторами наук, а с бывшими зэками, хулиганистыми, скорыми на кулачный бой, а то и поножовщину шоферюгами, малограмотными в русском языке, но академиком в матерном машинистами очистных и всяких прочих машин, никогда не слышал. Подумал, чудится мне та лагерная «феня» с перепугу...

Но тут, выйдя на ветер вольный следом за Кристиком, взяла слово наперсница её – аспирант Машенька... Что сказать?

Товарищи учёные! Будете рассматривать наскальную живопись нашего века – занесите, пожалуйста, на скрижали все те гласные и согласные, которые прозвучали из нежных уст интеллигентной сероглазой девушки, совсем недавно пленившей моё сердце... Традиционные послания «козёл ё...й» и «гусяная морда» в её исполнении прозвучали лёгкой увертюрой. Дальше по-

шло самое сложное... Подлинное обозначение сакральных мужских и женских органов я привести не могу, не имею права: запрещено законом! Но это было. Было. Было!

Досталось и дедку, и тем тёткам – птичницам или свекловичницам... Всей заповорожской троице должно было икнуться, коль пошла такая драка, в которой каждое слово девочек – крепкий боксёрский хук, джеб, апперкот, нокаут!

Ах, думал я, какая же она, огненная, испепеляющая сила отечественной лингвистики, осенённая именами великих профессоров-славистов Потетни и Фортунатова! Ах, какой он, неисчерпаемый кладёз «живаго великорусского языка», по крупницам собранный в городах и весях России и «упакованный» в четыре увесистых тома неутомимым ревнителем фольклора доктором Владимиром Ивановичем Далем. И какой совершенно щедринский случай позволил выступить с блестящим сольным номером – жаль, без зрителей – красоткам-аспиранткам Кристиночке и Машеньке.

Нет, недаром по пять лет проучились они студентками в лучшем университете нашего федерального округа на филологическом факультете и продолжают успешно учиться в аспирантуре, эти гордые, независимые, неприступные в учёных аудиториях барышни-пуританки. Боевые соратницы, так тяжело дышавшие после взятия моим фордиком вершины тягуна и больше не проронившие ни единого слова до самой засечной черты губернского города Б-а. Где наутро им предстояло выступить в кругу коллег на международной конференции языковедов с докладами по овермейным сегментам и тактическим компонентам современной лингвистики и лексикографии. И где мы, пожелав друг другу удачи, тепло улыбаясь, расстались – наверное, без надежды на новую встречу. Хотя... Кто его знает... А вдруг? Не всегда же хвост виляет собакой, верно, Рудый Панько? **А**

Деревенский

ТРИ РАССКАЗА

ОТЕЦЮ

Виктор ФОМЕНКОВ

За семь лет совместной жизни тридцатипятилетний Сергей Козявкин к кому только не ревновал свою жену Ларису. Не ревновал, может быть, только к телеграфному столбу (и то вряд ли)...

Женился он довольно поздно из-за ревнивого характера. И ростом, и телосложением Сергей походил на деда Кузьму. Так говорили в деревне. За годы совместной жизни с Ларисой у Козявкиных родилось двое детей – дочь и сын. Но даже появление детей не изменило Сергея. Что только не предпринимала жена: сажала на пятнадцать суток, уходила к своим родителям в другую деревню, но всякий раз он умолял Ларису вернуться, обещая перестать ревновать. Односельчане боялись лишней раз сказать что-нибудь Ларисе, зная, что в доме Козявкиных вспыхнет новый скандал, а то и ещё хуже...

Но в последнее время, после очередного возвращения домой уговорённой им Ларисы, в семье было вроде бы всё нормально. Даже жуткий ревнивец воспринимал кое-какие шутки в его адрес мирно. Но кто-то – со зла или шутки ради – пустил слухок, будто Лариса «с Пашкой Кузьминым снова крутит старую любовь, какая была у них до замужества. Лариске-то не привыкать. Уже полгода у неё с Пашкой эти шуры-муры». Дошёл слухок и до Козявкина. Вечером следующего дня он вернулся с работы чернее тучи. Усевшись за кухонный стол, со звериным выражением лица, куря одну сигарету за другой, понёсся:

– Ну, Лариска, и?.. – спросил многозначительно. – Рассказывай, с кем ты теперь крутишься-любуеться.

Жена, удивлённая и слегка напуганная неожиданным вопросом обозлённого мужа, хорошо зная своего ревнивца, растерялась:

– Ты про какую такую любовь намекаешь?

– Я не намекаю, а спрашиваю! – заскрипел муж зубами. На скулах забегали желваки. – Люди говорят, ты с Пашкой опять! Им зачем брехать мне?!

– О, теперь ты мне Павла приписываешь? – удивилась она.

Муж выскочил из-за стола, заорал благим матом:

– Не прикидывайся! Убью!

– Ты что, совсем рехнулся от своей ревности?

– Молчи! Убью, зараза! – Сергей заметался по кухне.

– Убей! А ты о детях подумал?! Сиротами хочешь оставить?

Последняя фраза немного сбавила пыл разошедшегося мужа. Но он всё-таки несколько раз ударил жену кулаком по животу и по голове. Прибежавшие на шум дети с плачем стали оттаскивать отца от мамы. Козьявкин, размахивая руками, выскочил из дома, угрожая: «Убью обоих!» А когда вернулся, в доме никого не застал. Уже слегка под хмельком, поставил начатую бутылку на стол, плюхнулся на диван и вскоре заснул.

Солнце стояло в зените. День выдался по-летнему солнечным, жарким. По центральной улице бежала раскрасневшаяся, запыхавшаяся, с растрёпанными волосами жена Павла Кузьмина и истерично вопила: «Убили! Убили!» – спрашивая у встречавшихся ей: «За что, люди?!»

– Где? Кого? За что? – недоумённо спрашивали они в свою очередь. – Когда убили?

– Пашу моего. В Зуевском логу лежит весь в кровище! За что, люди? Скажите! Лежит с вилами в груди...

На вопли быстро собирался деревенский люд. Вскоре появился и участковый, старший лейтенант Виктор Фёдорович Жирков – мужчина сорока пяти лет, плотного телосложения, в меру упитанный. Он уже сообщил о происшествии по телефону в РОВД...

Кузьмин лежал на склоне лога, на самом солнцепёке, в большой луже крови. Ноги были раскнуты. Одна рука держалась за черенок вил, торчащих в груди. Другая, с пучком травы в кулаке, была откинута в сторону. Вокруг убитого вился рой мух и оводов. На месте происшествия уже работали прибывшие из РОВД эксперты. Следователь, майор Николай Григорьевич Матвеев, сухощавый брюнет, подошёл разговаривал с участковым Жирковым. Здесь же толпился народ. Кто успокаивал потерпевшую, кто рассуждал.

– Это ревнивец, – предполагали одни.

– Точно, его рук дело, – соглашались другие.

– Ага, он вчера так бушевал! Жену приревновал к Пашке...

Следователь, краем уха прислушивавшийся к судаченью баб, спросил у участкового:

– Виктор Фёдорович, что за тип этот «ревнивец»?

– Есть такой тип, – хмуро ответил Жирков. – Жену к любому приревнует. Хоть к столбу телеграфному. Частенько и руки об бабу чешет, паразит.

– Что, красивая, чертовка, баба-то? – заинтересовался майор.

– Этого не отнять у неё, – подтвердил участковый.

– Дети есть у них?

– Двое детишек, Николай Григорьевич.

– Да, дела... – протянул следователь. – Жалко их. Если ревнивца это работа, останутся сиротами. Но он или не он, выясним. А встретиться с ним, поговорить придётся волей-неволей.

– Это я устрою, – пообещал Жирков, приняв слова следователя за приказ.

Садясь в «уазик», следователь пригласил с собою участкового, остальным работникам милиции приказал погрузить убитого в грузовик и отвезти на вскрытие...

Жирков доставил подозреваемого в свой кабинет, где их ждал следователь. На одном из стульев, рядком стоявших вдоль стенки, сидел милиционер из РОВД. Опухший Козьявкин неуверенными шагами прошёл к ближне-

му от входа стулу и без приглашения плюхнулся на него.

– Знаете, по какому поводу вас пригласили сюда, гражданин Козявкин? – спросил следователь.

– Малость догадываюсь, – ответил он.

– Что за ссора произошла между вами и вашей супругой вчера?

– А вот об этом не надо спрашивать, – отрезал Козявкин. – Это наше семейное дело. Вы, не сомневаюсь, хотите узнать, не я ли убил Кузьмина? Я убил! Так и пишите.

Жирков не удержался, кинулся к Козявкину. Следователь удержал его руку.

– Сволочь! – только и смог выдавить Жирков в адрес убийцы.

– Вон даже как?! – удивился столь быстрому признанию подозреваемого следователь. – Ну что ж... Виктор Фёдорович, будем писать протокол допроса... Рассказывайте, гражданин Козявкин, как всё происходило.

– А чё рассказывать? – перебирая пальцами рук, трясущимися от волнения и страха перед неминуемым наказанием, начал Козявкин. – Узнал я, что этот... с моей Лариской...

– Это известно, – прервал участковый. – Говори по существу.

– Дык я и говорю по существу, – ответил допрашиваемый. – Утром встал, голова трещит после вчерашней ссоры с женой. А надо корову в стадо выгонять. Вышел я на крыльцо и вдруг вижу, Пашка на лошади поехал. У меня внутри аж перевернулось всё, а в гудящую башку ударило: «Убью гада!» Я знал, что

он в Зуевском логу косил. Ну выгнал я корову. Подождал маленько, покуда Пашка до места доедет. Я в уме подсчитал время его пути. Зашёл в дом, взял нож, которым поросят колос, завёл машину и поехал на лог. Доехал, поставил машину в стороне и пошёл прямо к Кузьмину. Там слово за слово – и драка. О ноже, что из дома прихватил, я в пылу драки забыл вовсе. Увидел Пашкины вилы, схватил их и вгорячах ударил ими его несколько раз в живот и в грудь... Вот так всё было. Я признаюсь в убийстве... как вас ныне величать? Товарищ? Или господин следователь?

– Это не важно, – вздохнул майор. – Важно то, что вы о таком страшном преступлении, о лишении человека жизни, говорите так хладнокровно, спокойно и ничуть не раскаиваетесь в совершённом, Козявкин.

– Рассказываю как умею, – пожал плечами Сергей.

...Закончив допрос и оформив протокол, следователь приказал сидевшему в кабинете милиционеру надеть на Козявкина наручники. «Окольцованный» на обе руки, тот с облегчением вздохнул:

– Ну вот и всё...

Что он имел в виду, никто из присутствующих не мог понять. А участковый сказал напоследок: «Теперь у тебя, Козявкин, впереди много времени подумать о жизни».

Поднялся, сгорбился и вышел из кабинета участкового теперь уже под конвоем, этот деревенский Отелло...

ЖЕНЬКА ГВОЗДЬ – ИНОПЛАНЕТИЯНИН

Женька – парень двадцати одного года. Высокий, плечистый и лицом красивый. У него и невеста есть, Ася. Живёт она через пять домов от Женькиного. А Гвоздь – фамилия Женькина, но не его прозвище. Село, где они живут, называется Верхняя Слобода. Почему именно Верхняя, никто по сей день не знает.

Женька с детства увлекался фантастикой. Да не просто фантастикой, а пришельцами с других планет. Об этом перечитал все книги в своей сельской библиотеке, в библиотеках близлежащих деревень, даже до районной добрался. DVD с фильмами на эту тему покупал стопками.

Стояла поздняя весна. К этому времени уже не первый год Женька выселял себя из дома в сад, в хатку. Жил в ней до холодов. Армия для парня – в прошлом. Она не оправдала его надежд. Не попал, куда желал. Бог не обидел

Женьку здоровьем. В военкомате, когда проходил призывную комиссию, просился направить его в космические войска или, в крайнем случае, в ракетные. Зачислили в последние. Отслужил в них, но в космических не довелось. Демобилизовавшись, работает у местного фермера.

Ася – частый и желанный гость в хатке Женьки. У них обоюдная и крепкая любовь, завязавшаяся со школьной скамьи. Ася в городе учится на модельера женской одежды. Увлекалась швейным делом с детства. Отец купил ей швейную машинку, когда девочка училась в девятом классе. Ася мечтала стать не просто модельером, а настоящим мастером этого тонкого дела, участвовать в показах в Москве, а если повезёт, то и за границей. Собиралась послать лучшее из своих работ мэтрам – Юдашкину или Зайцеву. Увы, пока мечты так и остались мечтами...

И вот как-то пришла Женьке в голову мысль: «Надо сшить костюм инопланетянина! В этом мне поможет Ася». Была найдена модель в одном из иностранных глянцевого журналов. Его давно купил Женька в городе. Одно плохо: Женька в школе учил немецкий язык, а в журнале текст на каком-то неизвестном. Вечером, поскольку у Аси были каникулы, влюблённые встретились вновь в хатке. Женька с жаром поведал подруге о своём плане, показал фото в журнале и попросил сшить ему костюм инопланетянина. Ася долго рассматривала фотографию, прикидывая, как воплотить идею в жизнь. В конце концов согласилась.

– Хорошо, Жень. Я займусь этим. – И вдруг поинтересовалась: – А зачем тебе такой костюм?

– Пощеголять хочу, – скрыл выдумщик истинную причину.

– Где?

Женька не мог дальше обманывать любимую девушку, раскрыл секрет. После его рассказа Ася тоже загорелась этим желанием.

– А где взять материал? – спросила она.

– Это моя проблема, – ответил он, довольный её согласием.

Женька съездил за материей в областной центр. Там, хоть и с большим трудом – исколесил весь город, – но достал нужное. Материя при солнце серая с желтоватым оттенком, а без солнца – светло-серая. Довольный успехом, вернулся домой сияющий.

– Видишь? – спросил Асю, показывая покупку. – Цвет точно как и на фото в журнале. Бери, шей костюм.

Через неделю костюм инопланетянина был готов. Женька примерял его в присутствии Аси, как в настоящей примерочной: перед большим зеркалом.

– Отлично получилось! – обрадовался он и поцеловал мастерицу в губы. Она, счастливая вдвойне, засияла от приятного поцелуя.

– Что теперь? – спросила она.

– Теперь скафандр!..

Его делал Женька сам, с большим трудом, но цели добился.

– Ну как? – уже в полной экипировке спросил он девушку.

– В общем – превосходно, – ответила Ася. – Но кое-что следует подправить немножко.

– Давай, – согласился он.

Устранили неполадки. Инопланетянин был полностью готов к выходу в свет. Точнее, на окраину села, где Женька решил подловить Васюку Белкина, который часто бегал в шинок Маньки за самогоном.

– Действуй, Гвоздь-инопланетянин! – засмеялась Ася, а потом и Женька. Насмеявшись, она серьёзно добавила: – Но не перестарайся.

Когда стемнело, Женька в таком наряде пришёл на окраину села и стал поджидать Васюку. Ждать пришлось довольно долго. И вот объект появился на горизонте. В селе его звали просто Степаныч. Алкаш высшей марки. Забулдыга, как и обычно, спешил в шинок к Маньке. Её дом Степаныч не миновал ни днём, ни ночью. Шинкарка ему не отказывала в самогоне. И поскольку у Белкина деньги водились редко, она вела запись долгов.

...Не дойдя до шинка, у куста, за которым прятался инопланетянин-Женька, Белкин остановился. Расстегнул ширинку, оправился и повернулся спиной, застёгиваясь. В тот момент он почувствовал на плече чью-то тяжёлую руку. Обернулся и... рухнул на колени, бормоча невнятное:

– Ма-ма-моть, тво-ять, ма-ть... Ин-но-пла-не-тя-ниң, бо-ог ты мо-ой! – И вдруг затараторил: – Мать твою!.. Ка-ак? Откедова тебя принёс... – выругался матом и дальше залепетал бессмысленные слова.

Гвоздь, изменив голос, заговорил, как робот:

– Я. Гражданин планеты Икс.

Белкину за сорок лет. Мужик крупный. С испугу трезвый стал как стёклышко. Нашёл силы, спросил:

– С планеты? С какой?

– С планеты Мистер Икс, – заговорил снова роботским голосом Гвоздь. – Мы владеем всеми языками Земли. Английским, французским, немецким. Мы можем делать всё, что вы делаете здесь.

Белкин приятно удивился, что пришлось встретиться с инопланетянином. Старался

держат себя в руках. Осмелев, спросил:

– А с этим как там у вас?

– С чем?

– С водочкой, с самогончиком.

– Строго у нас, не то что у вас, на Земле.

Я знаю всё. Ты землянин. Васька. Отчество – Степанович. Фамилия – Белкин. Любишь спиртное больше всего на свете. Потому зовут тебя Алкаш. И я готов тебя, Степаныч...

Белкин задрожал, выкатил глазища на лоб. Простонал:

– Убить?

– ...забрать на мою планету, – продолжал «пришелец».

– Не надо, товарищ, господин инопланетянин! – взмолился Белкин. – Я теперь никогда и в рот не возьму... Господи! Поверь мне! Слово даю! – На глазах его выступили слёзы. Он забубнил одно и то же: – Слово даю! В рот не возьму! Вот, зуб отдам!

– Зачем мне твой ржавый, нечищенный, запущенный зуб?

В этот момент неподалёку громко залаяла собака и кто-то вскрикнул. Белкин обернулся на эти звуки. Когда повернулся обратно, «инопланетянина» уже не было. Оглядевшись вокруг, неистово стал креститься: «Господи, почудилось, что ли? Да нет. Нет, наяву с мистером Икс с планеты Z разговаривал».

– Разговаривал! – кричал Белкин во всю глотку на бегу...

* * *

Утром вся Верхняя Слобода уже знала о встрече алкаша Степаныча с инопланетянином. И многие оценили эту встречу по-своему. У Белкина «белочка»! Белая горячка то есть. И разговаривал он с ней, а не с каким-то инопланетянином. Даже друг спросил:

– У тебя, друган, та?.. Тебя белка стегнула?

Обиделся Васька. Вечером отправился в шинок за самогоном. Идёт к Манькиному дому, озирается. А ту акацию, возле которой с инопланетянином встретился, стороной обошёл. Шинкарка тоже знала о той встрече. И прямо у порога, встречая постоянного клиента, сказала:

– Ну ты, Василий, горазд на выдумки!

Сели они за стол. Выпили, лясы поточили. А за окном уже темень. Белкин и не собирается уходить. Намекает Маруське, мол, ночевать с ней остаться не против. Поняла тот намёк она или нет, только вдруг встала из-за стола и говорит:

– Пора, Васька, до дома тебе. Вставай, иди.

– А он?! – испуганно спросил Белкин.

– Кто?

– Инопланетянин энтот. Он же сцапает меня и на свою планету отогрёт. Потому как я ему слово дал больше в рот не брать спиртного.

Манька подбоченилась, с ехидцей посмотрела на захмелевшего.

– Косишь? Иди, покуда я сама тебя на ту планету не отправила! Иль, может быть, ты со мною спать ляжешь?

Страшно идти ночью домой Белкину: заберёт ведь инопланетянин. Заранее прощается мысленно: «Прощайте, земля моя, жена. Детишки, мать-старушка, Верхняя Слобода!» И просит Маньку:

– Не с тобой, я лягу у порожка.

– Нет, – категорически отказала хозяйка шинка.

Волей-неволей пришлось идти подвыпившему Белкину домой. Постоял-постоял он у Манькиного дома и как пустился бежать...

* * *

Наступило утро в Верхней Слободе, а с ним и новая история с пришельцем. Его вторым объектом оказался сторож складов КФХ Князева, Яшка Спиридонов. В эту ночь он не досторожил до утра. После встречи на рассвете с Мистером Икс явился домой ни живой ни мёртвый. Фермер Князев с Яшкиной женой сразу заявили о произошедшем участковому. Он пришёл к Яшке, и тот рассказал милиционеру всё. Как он, обходя склады КФХ, неожиданно столкнулся с инопланетянином. Как только пришелец сказал на чисто русском языке, что прилетел с другой планеты, Яшка упал в обморок. А как только пришёл в себя, кинулся бежать с поста и отказался охранять склады.

«Кто-то шутит так», – подумал участковый, покидая дом Спиридоновых, хотя и сам почти поверил в аномальное явление. Теперь всё село уверовало в существование пришельца. Только Манька-шинкарка не верила. Она вообще не верила ни в бога, ни в чёрта. Даже заявила где-то смело и категорично: «Брежня это! Пусть ко мне приходит этот инопланетянин...»

Женьке пришлось прекратить похождения, ибо началась настоящая охота за пришельцем. Съехались телевизионщики, газетчики. Пришелец больше не появлялся в селе,

но продолжала греть надежда поймать существо с другой планеты...

Пришла золотая осень – пора свадеб. Состоялась свадьба и у Женьки с Асей. Изрядно поддавший Белкин оказался в хатке. Там и уснул. А когда проснулся, заметил в углу плохо прикрытый старой курткой наряд пришельца. Удивился, но потом смекнул, что к чему. Надел наряд. «Ну, Гвоздь! – сказал. – А я поверил в пришельца и чуть не бросил выпивать. Манька – молодец. Ни во что не верит. И правильно», – заключил и в наряде инопланетянина вышел из хатки к гулявшим на свадьбе...

Зять, козёл и тёща

ПАМЯТИ В. М. ШУКШИНА ПОСВЯЩАЕТСЯ

Вера Павловна Авдеева невзлюбила во всех отношениях Сергея Звягнцева с тех пор, как он стал подрастать, на дух не переносила, как говорят в таких случаях, ненавидела всем существом. И думать не думала она, и знать не могла, что этот слегка рыжий паренёк станет её зятем. Пока однажды её последышек Люба, а детей у Авдеевых четверо, не обрадовала мать.

Был летний вечер. Отец и мать были дома.

– Мам, – начала она, зная, что мать будет против, – я выхожу замуж. В субботу придут сваты.

И первый вопрос у Веры Павловны к дочери был таков:

- Кто?
- Звягнцев.
- Сергей, что ли?
- Да!

Вера Павловна от такого известия даже присела.

– Отец, это что же такое? Преподнесла дочка, – обратилась к главе семейства мать.

Отец Любы Пётр Петрович не был враждебен к Сергею.

– А что такое, чем он тебе не нравится? Парень как парень.

– Нет, – ответила Вера Павловна. – Только не Звягнцевы, не их непутёвый. Других, что ли, нет?

Пётр Петрович улыбнулся и стал на сторону дочери:

– Для неё хорош.

Вера Павловна не отступила от своего, говорила, что рыжий – это ещё ладно, непутёвый, вечно зубы скалит, ходит как дуралей, да к тому же ещё лентяй, каких поискать. По селу весь день слоняется, собак гоняет, а вечером в клуб идёт дурочек ловить. И поймал.

– Мам, – обиженно ответила Люба, – хватит. Вот всё, что ты сказала, это не о нём.

– А о ком? О нём, за кого замуж собралась. Вылитый весь папаня, яблоко от яблони

недалеко падает. Не хочу их в доме своём видеть, даже на пороге.

Уговаривали всей семьёй.

Была свадьба.

* * *

Прошло с десяток лет. Вера Павловна и Пётр Петрович уже на пенсии. У Сергея с Любой родилось два сына. Старший – парень рослый, и чем-то вроде бы сходство с Авдеевыми имел. Его-то больше любит Вера Павловна, чем второго внука Алексея, копию отца. «Рыжий, и выходки папашины», – рассуждала Вера Павловна, но ни того, ни другого не обижала и принимала одинаково. А неприянь к зятю осталась, все эти годы отношения были напряжённые, холодные.

Пётр Петрович, видя всё это, осаживал жену, не давал ей разойтись до кипения, сам же поддерживал отношения с Сергеем. Люба и Сергей жили дружно, любили друг друга.

..Появления тёщи в доме дочери и зятя были часто такими, чтобы наговорить на Сергея и поссорить их.

– Люба, – сказал однажды недовольный муж, – когда это всё прекратится, за что так не любит меня Вера Павловна, моя тёща, ведь я ей никогда в жизни не делал плохого? Вечно она меня унижить хочет, недовольна мной.

Люба не знает, что ответить.

– Что молчишь? – спросил Сергей. – Я понимаю, что она тебе мать. Сколько мне её терпеть? Иногда мне её просто убить хочется.

Люба вздохнула и ответила:

– Я-то, Сергей, что могу? Человек она таковой, тяжёлый. Давай потерпим!

– Сколько?

– Не знаю!

Муж не стал больше огорчать жену.

– Да, – ответил он, соглашаясь, – если б не Пётр Петрович и не братья твои Алексей и Николай, вряд ли мы были бы вместе. Так?

– Да, – согласилась Люба, – но я бы всё равно за тобой на край света пошла.

Сергей как-то под вечер пришёл с работы пораньше и заметил в окно, как к ним чуть ли не бегом торопится тёща. Заявилась, зная, что Сергей дома (а он спрятался в другой комнате,

чтоб не видеть её), прямо с порога начала дочери нотации читать:

– Где твой бездельник? Видела, домой прошёл. Хлыст бездомный. Молчишь, ни слова ему. Опять ушёл, куда? На рыбалку, бездельник, ни горя, ни забот. Дом-то вон хоть бы подделал. Непутёвый. Говорила тебе, а ты не послушалась. Хлебай теперь от него.

Сергей это слышал, понимал, как нервничает Люба и горит между двух огней.

Люба не выдержала на этот раз пустых упрёков матери.

– Что ты хочешь, мама?

А та будто не слышит её:

– Лентяя! Дом скоро без мужской доглядки завалится.

– Хватит, – закричала Люба. – Живём мы и живём, к тебе пить, есть не ходим. Мама, я больше этого слышать не хочу. Не ходи больше в этот дом.

Обиделась. Ушла. А Сергей подумал: «Змея подколотная, чего добивается? Развести нас хочет, как только её земля носит. Ни дочь, ни внучат не жалко. У людей вон тёщи как тёщи, приедут, погостят, с внуками понячнутся – и будьте здоровы! А мне с тёщей не повезло. Рядом живёт, все соки выжала».

А однажды, давно уже это было, после рождения первенца Саши, в горячую страду зашёл в сумерках с бутылкой Пётр Петрович. Спросил у дочери, которая только что уложила Сашу:

– Зять-то где? А я прямо с поля. Внучок растёт, а зайти некогда. С утра и до вечера в поле. Забежал поглядеть, а он уже спит. Да, заработался дед. Сергей-то где?

– На огород ушёл. А потом должен баньку затопить. Чумазый пришёл, как ты, папа.

– А мать была у вас?

– Была.

– Опять на мозги давила? Не знаю, что с ней делать. Мать её в душу. Стервой уродилась. Что он ей, соли, что ли, на больное место насыпал?

Люба не хотела расстраивать отца, молчала. Пришёл Сергей, позвал тещу мыться в баню. Там Пётр Петрович предложил:

– Давай, зятёк, выпьем, чтоб языки развязать.

Они сидели на мокром полке. Пётр Петрович налил в стаканы по сто граммов водки. Хлопнул зятя по голому плечу:

– А ты говори мне всё, не робей, что тёща твоя выкинет. Я её враз на место поставлю, вот чёртова баба, взяла в голову дурь... Видно, крепко эта дурь у неё в голове сидит. Но главное, у вас с Любой всё хорошо, вон какого пацана родила. Ладите?

– Ладим!

Пётр Петрович выпил, предложил Сергею:

– Пей, не бери в голову, а эту стерву я успокою. Пусть место знает. Наливай, зять, ещё!

С тех пор утекло немало лет, а разговор тот помнит Сергей.

Уже два года нет Петра Петровича, ушёл с этого света.

Люба после смерти отца перестала сносить нападки матери, сказала ей очень грубо:

– Я терпела все твои кляузы, а теперь, после смерти папы, не желаю. Не нравится тебе Сергей, но он мой муж, и не мути воду в чистом роднике.

Эти слова были до того обидны для Веры Павловны, словно ошпарили они её. Она тут же собралась уходить и перед уходом сказала:

– И такое матери родной сказать, как только язык повернулся. Я с тобой сколько ночей бессонных провела, – с досады плюнула на пол, – ноги моей тут больше не будет. При отце б такое не сказала.

Люба продолжила:

– Бессовестная, папа был не такой. Что ты хочешь, чтоб я развелась, детей без отца оставила из-за твоей прихоти?

– Эх! Внучат люблю, что Сашу, что Алёшу, а вот папашу терпеть не могу.

– Любишь?! Да не любишь ты никого!

Вера Павловна ушла и не появлялась в доме зятя.

А через неделю после той ссоры у Веры Павловны похарчилась коза. Коза она завела ещё при покойном Петре Петровиче, когда не стали водить корову, завели козу. Но не сразу, Пётр Петрович долго сопротивлялся появлению коз во дворе. А затем сдался, но в шутку перед покупкой сказал обидные для жены слова:

– Вера, смотрю на тебя, ты сама скачешь словно коза. – А потом взял под ручку и подвёл к зеркалу: – Смотри: коза и есть, с длинной вытянутой бородой. А глаза чем-то вроде как козы напоминают. Только одна загвоздка – рогов нет, да и не будет. У таких, как ты, они не растут...

Обиделась она тогда на мужа, целый месяц с ним не разговаривала, язвой ходила, пока он не заметил:

– У тебя что, Верочка, язык вроде отнялся? Целый месяц слов от тебя не слышу.

– Дурак, – крикнула Вера Павловна, – чтоб у тебя язык отсох. Сколько лет вместе прожили, а под старость лет козу во мне рассматривал.

...А теперь Вера Павловна собиралась купить новую козочку, стала смотреть объявления в районной газете, нашла, поехала и купила.

* * *

20 сентября Сергею пришла повестка – явиться на судебное заседание в районный суд. Повестка пришла на два дня раньше. Истцом в суде была тётка, обвиняющая зятя в убийстве козы. Любе пришлось идти к матери на поклон, а до этого к ней внуки ходили.

– Бабушка, – спросил как-то Алёшка, – а почему ты к нам больше не ходишь?

Вера Павловна не знала, что ответить внуку, в растерянности бухнула:

– Сама на поклон, внучок, не пойду. Стара я стала кланяться, а то голова отвалится.

Засмеялся Алёша и спросил:

– А разве голова может отвалиться?

– Пусть мать поклонится, у неё от этого голова не отвалится!

В дом родительский Люба шла с большой неохотой, боялась переступить порог, как чужая.

– Пришла просить за зятя? Пусть в суде решают, как поступить с ним, – сказала мать.

– В суде так в суде, – с обидой в голосе сказала дочь.

Утром 22 числа Сергей собрался ехать в район на своих стареньких «жигулях», предложил и тётке поехать с ним.

– Купить хочешь? – с ухмылкой отказалась та.

Поехал один. По селу слух пошёл: «Авдеева с зятем судятся».

...Сергей долго сидел в длинном коридоре нарсуда, с болью в сердце, с ненавистью к непутёвой тётке. Сидел один, пока не появилась тётка. Пришла – ноль внимания на зятя. Молча села в стороне и всё время смотрела куда-то в одну точку, ни разу не взглянув на Сергея. А потом вдруг заявила:

– Душегуб! Паразит! Дочь с матерью рассорил, а животное-то при чём?

Сергей промолчал.

– Ты получишь, паразит. Посажу!

Сергей сидел молча, ни слова, словно каменный. Да и что с ней говорить, всё одно, что об стенку горох. По коридору прошла высокая длинноногая девушка в короткой обтягивающей ноги чёрной юбчонке, на высоких каблуках. Она вошла в кабинет, через минуту вышла и подошла к Вере Павловне. Это была судебный секретарь.

– Авдеева – вы? – спросила она. – Истица по делу № 20 «Смерть животного»?

– Да, по козочке! – Умудрилась пустить слезу горячую. – Вон он, изверг, – указала на Сергея.

«Вот тётка даёт, мать её в душу, поискать не найти. Денег предлагал, не берёт. Козу взамен предлагал, тоже не берёт, – думал Сергей. – Только одного хочет – посадить. Сатана в юбке».

От тётки длинноногая подошла к Сергею:

– Звягенцев?

– Да.

– Ждите!

– Ясно.

Когда девушка ушла, Сергей встал, подошёл к тётке:

– Ловко получается у вас, прирождённая артистка. Ну добьётесь вы, посадят меня,

вам-то от этого что? Я на нары, а детей кто кормить будет? Вы?

– Прокормлю, – буркнула злобно Вера Павловна.

Минут через десять пригласили в судебный зал. В зале четыре человека: судья – женщина в чёрной мантии, девушка – секретарь суда и они – зять и тёща. Сергей сел в одной стороне, тёща – в другой.

И тут Веру Павловну впервые осенила мысль: «А вдруг посадят, и надолго, ведь дочь не простит меня до гроба».

В зале тишина: муха пролетит – услышишь.

Судья объявила о начале заседания:

– Заслушивается дело № 20 Звягенцева Сергея Алексеевича, 1979 года рождения, о причинении смерти домашнему животному, в частности козе. Истица – гражданка Авдеева Вера Павловна, 1956 года рождения. Ответчик, встаньте, послушаем вас.

Сергей встал.

– Мы вас слушаем!

– Я, ваша честь, работаю в КФХ шофёром, – начал рассказывать Сергей. – 19 августа мы возили зерно сдавать на хлебоприёмный пункт. А обратно брали кирпич с завода. Загрузился я кирпичом, еду, а на перекрёстке гражданка Авдеева Вера Павловна стоит, тёща моя!

Судья удивилась: тёща с зятем судятся. «Обычно зять идёт к тёще на блины, а к такой, видно, не сходишь».

– Стоит, а на верёвочке козу держит, – говорит Звягенцев, – как проехать мимо, мама второй половинки моей. Остановился, объяснил, что не могу посадить её в кузов, кирпич там. И в кабину козу не посажу, не переносу я их на дух. Пришла в голову мысль – за фаркоп рогатую привязать. Вера Павловна, тёща, согласилась. Я и привязал! Добежит, подумал я, езды-то от райцентра нет ничего. Едем, вроде тёще хорошее дело сделал, а она со мной не разговаривает. Лицо недовольное, будто рядом с ней не зять, а чужой. Не выдержал я, представил, что там за фаркоп привязана не коза, а тёща, и газанул. В зеркало смотрю – бежит. Ну, думаю, мать твою, сдохнешь!

А сам на тёщу зыркаю. Злоба у меня кипит, а она сидит, словно мыльный пузырь, – вот-вот лопнет, недовольная мной всю жизнь. Сорвал я, ваша честь, свою злобу на козе. Погубил козу, жалел потом, а поделать уже нечего. Предлагал денег взамен или козу. Не берёт, посадить желает. Виновен, знаю, сажайте, мне всё равно.

Судья, полная невысокая женщина, после услышанного сторону зятя приняла:

– Я не понимаю вас, гражданка, довести так зятя. Хорошо, что за вас не взялся, – улыбнулась она.

Вера Павловна сконфузилась.

– Всё верно изложил ответчик? – спросила её судья.

– Верно. Всё так, – согласилась Вера Павловна.

– Хотите зятя посадить?

– Хотела.

– А сейчас?

– Не по сердцу он мне всю жизнь. Дочка умудрилась...

– А вы всё время воюете. Воинственная женщина. Пора смириться!

В разговор встрял Сергей:

– Мне жизнь портила, дочке на мозги капала. Совести у вас нет, тещенька.

Девушка-секретарь что-то писала и улыбалась.

– Знаете что? – строго сказала судья. – Моё слово будет таким: за вмешательство в жизнь семьи Звягенцевых, где имеются дети, то есть ваши внучата, я могу вас привлечь к ответу. Сделайте ваших детей и внуков счастливыми. Оставьте всё плохое в прошлом.

Вере Павловне стало нехорошо от осознания дурости, которая всё это время преследовала её, и она сказала:

– Я раскаиваюсь, готова попросить прощения у Сергея, Любы и у внучат.

– Вот видите, – одобрила судья, – я думаю, что дома ещё обсудите. Соберётесь за столик. А сейчас выслушайте приговор: Звягенцева Сергея Алексеевича, 1979 года рождения, признать виновным в смерти животного. Возместить ущерб истице Авдеевой Вере Павловне – сумму, равную стоимости

kozy. А кроме того, назначить Звягенцеву наказание в виде одного года (условно). На этом судебное разбирательство считаю законченным. Вам понятно решение суда, гражданин Звягенцев?

– Да.

– А вам, гражданка Авдеева?

– Понятно.

Вера Павловна из зала суда вышла сгорая от стыда. Подошла к Сергею.

– Сынок, – сказала она, – прости дуру старую.

– Что же, – ответил зять, – лучше позже, чем никогда.

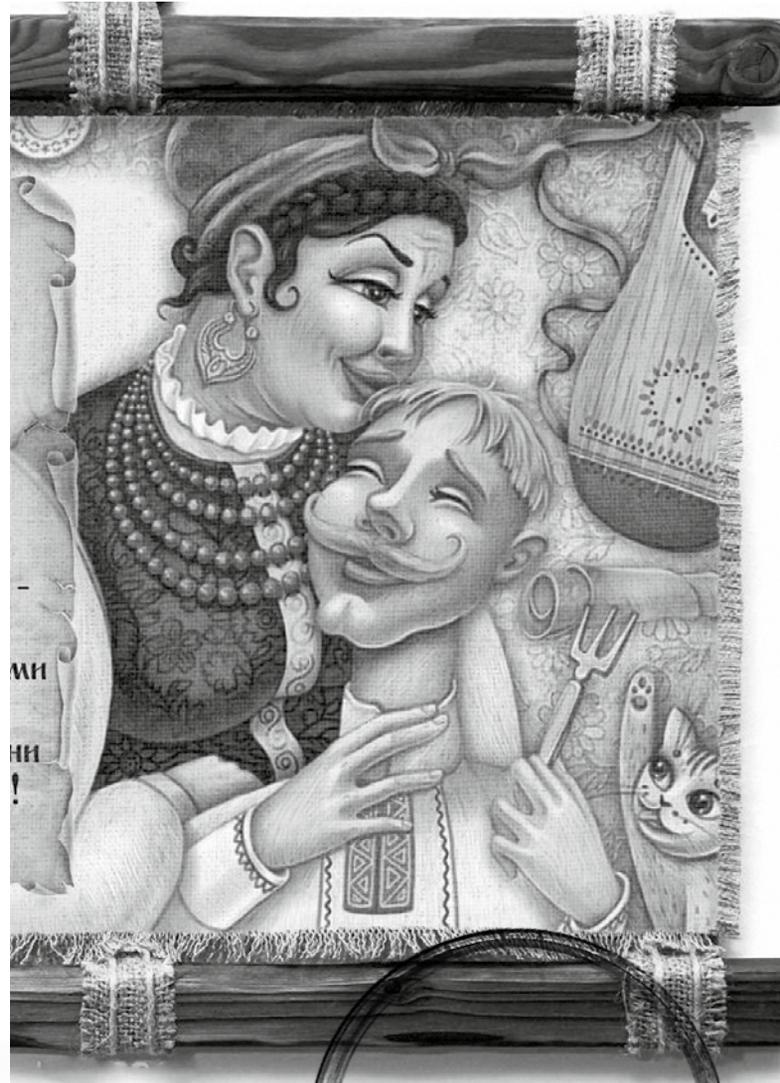
Вере Павловне было интересно узнать, и она спросила:

– Зятёк, а ты б и впрямь меня так же, как козу?

– Давайте забудем, – предложил он, – кто старое помянет, тому глаз вон.

Домой вернулись вместе. «Жигули» подъехали к дому. Выйдя из машины, довольные и улыбающиеся зять с тещей пошли к порогу.

Люба увидела эту картину из окна. Не веря глазам, она выбежала на крыльцо, довольная увиденным. И сердце её трепетало от радости, что всё теперь будет хорошо... **А**

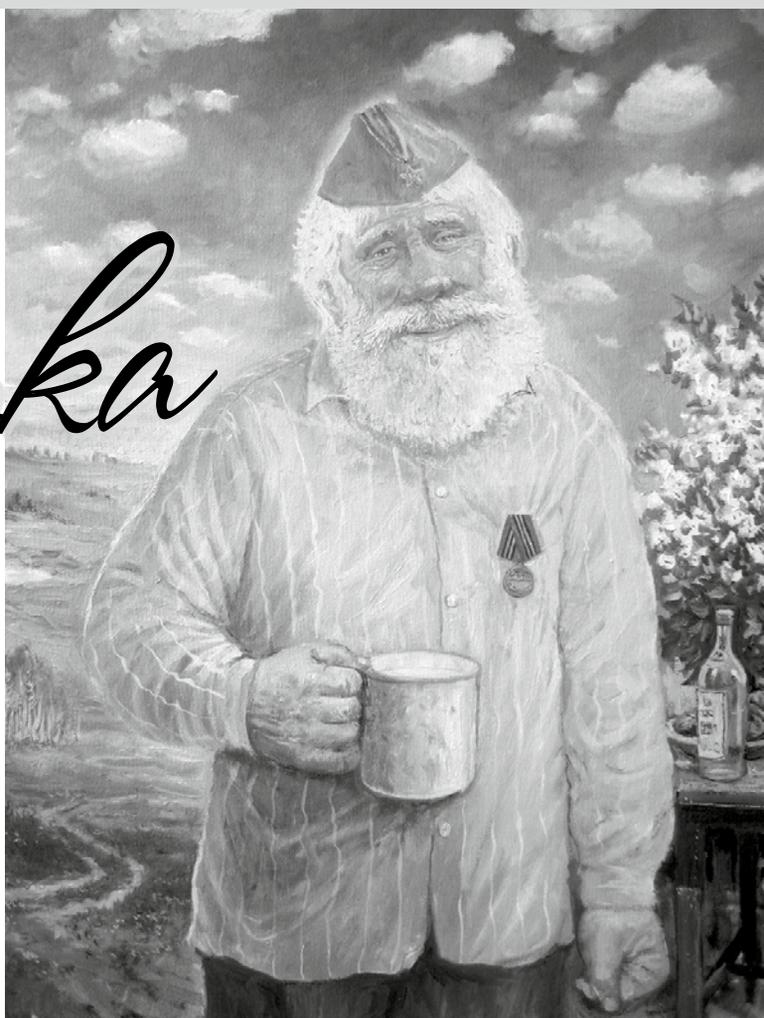
Валерий АНТОНОВ,
п. Кариан-Строганово

ТРИ РАССКАЗА

Колюшка

Дядю Колю Киреева, мужа моей тётки Нюры, я помню с начала 60-х годов. В нашей родне было несколько Николаев, для отличия их называли по-разному. К примеру, мой отец – Колька Самохин, дядя Коля Храмцов – Ариныч, а дядю Колю Киреева за его добродушный нрав все звали ласково Колюшкой. Так вот, Колюшка и мой отец жили в большой дружбе, во всём помогали друг другу. Бывало, поросёнка заколют, опалят, разделают, а потом за печёнкой, как водится, долго сидят и ведут степенные разговоры на разные темы. Только почему-то о войне, со времени окончания которой прошло всего около десяти лет, не вспоминали никогда, хотя обоим довелось пройти её дорогами.

Да, «лихая им досталась доля». Дядя Коля моложе отца на 12 лет, к началу войны ему исполнилось 15, а уже в 1943 году он ушёл на фронт, воевал артиллеристом в звании младшего сержанта. Во время одного из боёв, 20 апреля 1945 года, получил серьёзное осколочное ранение левой голени, поэтому победу встретил в госпитале. За боевые заслуги в феврале и апреле 1945 года награждён орденами Красной Звезды. Домой возвратился только в конце августа 1945 года. Полученная травма давала о себе знать всю оставшуюся жизнь: по весне открывалась и кровоточила, доставляя много мук и беспокойства. В 70-е годы он начал добиваться военной пенсии, писал в архивы Ленинграда и Москвы, в 1976 году сам ездил туда, доказывая, что рану получил в бою, а не в пьяной потасовке. Ему дали инвалидность по

общему заболеванию, но дядя Коля до конца жизни не смирился с тем, что фронтовое ранение приравнивали к обыкновенной бытовой болячке. В конце концов он сумел доказать свою правоту: прислали подтверждение, назначили военную пенсию, но скоропостижная смерть в возрасте шестидесяти с половиной лет не дала воспользоваться её льготами.

Мирная жизнь в первое послевоенное десятилетие для него, как и для всех, была нелёгкой. По возвращении домой вскоре женился, с молодой женой отделились, как тогда говорили, от родителей, поселились в маленькой покосившейся избёнке. От большой любви сразу один за другим посыпались ребяташки – всего семеро. Несмотря на отсутствие даже мало-мальского достатка, дядя Коля построил дом не хуже, чем у других. Казалось бы, живи и радуйся! Да радоваться как-то всё не приходилось: за трудодни ничего не

платили, налогами душили, семью кормить нечем, перспективы никакой. Деревня давно уже начала рушиться. Причин тому много, но главная – отдалённость от райцентра, где и больница, и почта, и школа, и прочие блага цивилизации. Вот поэтому стал народ потихоньку-помаленьку покидать насиженные места в поисках лучшей доли.

Из нашей родни мы первыми переехали в Кариан-Строганово, а вслед за нами потянулась остальная родня, в том числе и дядя Коля со своим многочисленным семейством. К слову сказать, надо было иметь много мужества и оптимизма, чтобы в его-то положении решиться на такое. Купили старенькую избушку, и снова началась стройка: всё с нуля, всё своими руками. Построил вначале полдома, потом осилил и вторую половину. Дом вышел на славу – пятистенок, как тогда называли, с горницей, передней, судной лавкой, – да к тому же такой весёлый получился! А сколько трудов это стоило? Стройка стройкой, но главным и постоянным источником дохода оставалась работа слесарем на элеваторе. К тому же имелось, как и у всех, подсобное хозяйство: корова, свиньи, овцы, куры, гуси, утки. А их надо вовремя обиходить, да к тому же на зиму заготовить корма. Тут уже многое переходило на плечи жены и детей. Дети выросли, определились, слава Богу!

Жизнь наладилась. В доме появился некоторый достаток, который позволял дяде с моим отцом иногда распить бутылочку – уже даже и не в праздник... Тут у обоих развязывался язык, начинались воспоминания. Однажды мне довелось услышать рассказ дяди Коли об одном его свидании с будущей женой. Перед встречей зашёл в сельпо, купил 100 граммов самых дешёвых карамелек – «подушечек». Обёрточной бумаги в магазине не оказалось на тот момент, поэтому высыпал их прямо в картуз и нахлобучил его на голову. Встретив невесту, радостно объявил, что принёс ей гостинец. Сняв картуз, обнаружил, что конфеты изрядно подтаяли и намертво прилипли к волосам. Жених мужественно отодрал слипшийся бесформенный комочек и протянул любимой. Потом они вместе со

смехом вспоминали, как весь вечер обирали прилипшие волосы со сладких растаявших «подушечек».

Помню ещё один, на мой взгляд, интересный эпизод из жизни дяди. Зашёл как-то раз к нему отец. Тот обрадовался и говорит жене:

– Анна Васильевна, у нас гость. Поднесла бы нам по стаканчику.

Тётя Нюра пошла в закуток, налила по стакану и вынесла им. Выпили, покурили, а душа просит ещё.

– Нюр, а налей-ка нам по второй, чтоб не хромать.

Тётя Нюра по второму стакану принесла из «тайника». Тут дядю Колю, как говорится, «забрало», он и заявил с резонном:

– Анна Васильевна, и чего ты мечешься туды-сюды со стаканами? Поставь трёхлитровую банку на стол, и пусть она всегда тут стоит. Мы к ней не притронемся даже!

И сказал это так убедительно, так искренне, что великий Станиславский воскликнул бы: «Верю! Верю!» Но тётушка, зная о повадках этой «сладкой парочки», в отличие от Станиславского, не поверила. До сих пор, собираясь на семейные праздники, мы на все лады обыгрываем этот эпизод.

Я уже говорил, что по натуре дядя Коля был очень добрым человеком, любил жену, детей и никогда ни за что не ругал их, к тому же они сами повода не давали для этого. А уж как любил внучат! Кстати, они его тоже. В карманах у деда всегда про запас были конфеты, и они, отлично зная об этом, при встрече сами доставали оттуда «петушки», обильно притрушенные табачной крошкой, и с удовольствием лакомились ими.

В народе говорят, что настоящий мужчина должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына, а дядя Коля по всем пунктам в семь раз перевыполнил «план»! Вот вкратце и вся незатейливая история о моём дяде – воине, крестьянине, рабочем: и войну повидал, и в мирной жизни изрядно потрудился. Обидно только, что до бесплатного льготного памятника он не дождал всего пять лет.

Ариныч

Накануне какого-либо большого праздника, советского или религиозного (тогда и те и другие отмечались по-русски широко), отец частенько очень значительно сообщал:

– Ариныч должен приехать...

Говорить старался степенно, но в голосе сквозила такая радость, будто ему премию обещали выдать. Ариныч – это муж его сестры. Однако он не говорил, что Зина с мужем должны приехать, а с нетерпением ждал приезда именно Ариныча, на самом деле Храмцова Николая Анатольевича. (В одном из своих рассказов я упоминал о нём и о происхождении этого прозвища.)

Красивый, нарядный, весёлый, он заходил в дом – и сразу же всем становилось светло и радостно! В этот день устраивалось большое застолье, собирались все родственники. Ариныч – неизменный тамада! Казалось, он выпивал за каждый тост наравне со всеми мужчинами, но ни разу я не видел его пьяным. Бывало, в конце гулянки отец и дядя уже «отдыхают» кто в винегрете, кто под столом, а этот так и рассыпает вокруг себя анекдоты, шутки-прибаутки.

Мы, ребяташки, тоже радовались приезду дяди Коли: во-первых, он всегда привозил гостинцы, во-вторых, с ним приезжали дети – Валя и Слава, с которыми нам интересно было встретиться и поиграть. Кроме того (для меня немаловажная деталь), при нём всегда был фотоаппарат, и в каждый последующий приезд он привозил уже готовые фотоснимки, которые мы с огромным интересом рассматрива-

ли. Для нас это была такая диковина! Сейчас, конечно, фотоаппаратом никого не удивишь, почти в каждом доме и чуть ли не у каждого члена семьи имеются новейшие модели этого, как мне тогда казалось, чуда техники.

В то время я уже решил: когда вырасту, обязательно займусь фотографией. Будучи старшеклассником, мечту свою осуществил – приобрёл фотоаппарат «Смена» и всё оснащение к нему, самостоятельно освоил искусство фотографии, которое мне впоследствии пригодились в жизни.

Когда мы с братом повзрослели, дядя Коля открылся нам с новой стороны – как необычайно интересный, всесторонне развитый человек (кстати, до войны успел закончить всего лишь пять классов), романтик по жизни, притягивающий к себе всех окружающих людей. Это был человек-праздник! Своим оптимизмом, неуёмной энергией, неистощимым юмором он заражал всех, поэтому каждый его приезд был значительным событием для всей родни.

Надо сказать, что в своё время ему пришлось пожить в разных городах, но о родственниках он не забывал никогда, отовсюду стремился к нам, находил возможность приехать. Это сейчас бери отпуск без содержания на любой срок, а тогда на день невозможно было отпроситься без особо уважительной причины. Вот как нуждались в работниках! Но дядя Коля любил знаменательные праздники и события встречать в кругу родных, поэтому ухитрялся заработать отгулы и приехать.

Как-то я был у него в гостях на проводах Славы в армию. Меня очень заинтересовала его библиотека: здесь были собрания сочинений многих поэтов и писателей-классиков, различные энциклопедии и справочники (вплоть до «Справочника акушера»). Встречались также и такие книги, как «Кролиководство», «Пчеловодство» и тому подобные «водства». «А это ещё зачем?» – подумал я. Оказывается, занимаясь, к примеру, разведением кроликов, он, прежде всего, руководствовался советами специалистов. (Замечу: вот так основательно дядя Коля подходил к любому делу.) Я намотал всё это себе на ус и стал собирать свою библиотеку.

В начале 70-х годов Ариныч опять убил всех наповал – заявился с кинокамерой и кассетным магнитофоном! Тут как раз мой брат Виктор переезжал в новую квартиру, и почти вся родня помогала переносить домашний скарб. Это событие было отснято на камеру и записано на магнитофон. Потом дядя Коля, совместив изображение со звуком, смонтиро-

вал фильм и в следующий свой приезд продемонстрировал его всем собравшимся родственникам. Как интересно было каждому увидеть себя со стороны! Я тут же решил, что когда-нибудь обязательно куплю себе кинокамеру. И купил. Но уже видеокамеру.

Я очень много мог бы рассказать об этом человеке, но боюсь, места не хватит. Поэтому скажу главное: дядя Коля, сам того не ведая, являлся моим наставником, на своём примере учил, как надо уважать, любить родных и близких, как можно правильно и интересно для себя и окружающих построить жизнь и надолго оставить добрую память в сердцах людей.

Я-то уж точно никогда не забуду о нём: возвращаясь с его похорон, заехал к жене в больницу, а там меня поджидала радостная весть – родился сын! Такие совпадения не редко случаются в жизни: кого-то теряем, кого-то обретаем. Уж так устроен свет... Поэтому каждый год 8 августа я испытываю двоякое чувство: радость по поводу рождения сына и горечь утраты дорогого мне человека.

Забытые ремёсла

В последние годы многие умения, навыки, ремёсла ушли в прошлое. К примеру, мой дед Василий Моисеевич умел катать валенки, делать бочки, сани, телеги, крыть соломой крыши и многое другое, а теперь во всём районе вряд ли сыщешь специалиста, который смог бы сделать хоть что-нибудь из перечисленного. Я не хочу сказать, что дедушка был каким-то особенным умельцем, нет. Такими навыками владел почти каждый работающий мужик в деревне, потому что всё это требовалось в домашнем хозяйстве, а нанимать кого-либо со стороны не позволяло финансовое положение. Хотя, к слову сказать, иногда всё-таки приходилось пользоваться услугами

заезжих мастеров. Их приезд был большим событием для всех.

Отчётливо помню каждое появление фотографа. Слух об этом в один миг разносился по селу: «Фотограф приехал! Приехал фотограф! Кто хочет сниматься?»

Взрослые, оставив все дела, спешили быстренько умыться, причесаться, привести в порядок ребятишек. Доставали по такому случаю из сундуков всё лучшее, наряжались, как на праздник. Затем, соорудив из простыни экран, чинно усаживались перед ним всей семьёй: место на лавочке занимали старшие, за ними стоя размещались сыновья, дочери, снохи, зятья, а младшему поколению доста-

валась позиция в ногах у старших. Полученные фотографии отправляли родственникам на память и в обязательном порядке, поместив в рамочку под стекло, вывешивали на видном месте на стене.

Вскоре появилась мода на портреты. Делали снимок отдельного лица из общей фотографии и, по желанию заказчика, увеличивали его до нужных размеров. Фотографы изощрялись, как могли: поддурманивали лица, подрисовывали причёски и детали одежды. Например, моему отцу дорисовали галстук и шляпу, хотя этих вещей он отродясь не носил. Портрет, на мой взгляд, выглядел комично. Отцу, видимо, тоже не понравился, поэтому он убрал его куда-то с глаз подальше.

Наведывались в село и художники, которые изготавливали «персидские» ковры, то есть на старых простынях и одеялах рисовали «чудные» пейзажи. По скудности фантазии или по какой-то другой причине на коврах изображались всего две картины: олень на лужайке и русалка у реки. Не обошли художники и наш дом. Мать ради такого дела не пожалела «каньёвого», как у нас называли, одеяла. Оно толще простыни, и мастера обещали, что в таком случае ковёр получится солидным. Мы с братом, свесив головы с печки, с восторгом наблюдали за изготовлением «чуда». Растянув на полу одеяло, мастера накладывали на него какие-то картонки с прорезями, брызгали на них краски в определённой очерёдности: жёлтая, зелёная, красная, чёрная – и вот появился на зелёной лужайке красавец-олень с непомерно развесистыми рогами. Долго, помнится, украшал этот ковёр интерьер нашей избы. И в какой дом, бывало, ни войдёшь, везде встретишь «шедевры ковроткачества». Как потом выяснилось, особого мастерства здесь не требовалось: просто накладывай трафарет и заливай краски.

Нередко в село наведывался ещё один умелец, который, идя по улице, громко зазывал: «Сита, решёта обшивать, новые изготавливать!» За спиной у него были мотки сеток и рулоны тонких фанерных полос. Мать пригласила его обшить старое решето. На моих глазах он снял с него обод, вставил новую сетку, ста-

рым ободком прижал и аккуратно обрезал её края. Так же быстро он изготовил и новое сито. Фанерную полоску, так называемую обечайку, согнул в кольцо, наложил сетку, притянул её ободком, обрезал края – сито готово! И мастер отправился искать новых клиентов.

Частенько, особенно перед весенними праздниками, появлялась в наших краях, как у нас её называли, Валя-цветочница. Все домохозяйки спешили купить у неё цветы, изготовленные из простенькой, неяркой расцветки бумаги, чтобы потом, на Пасху, возложить на могилки близких.

Это всё были пришлые мастера. Но жил в селе и свой умелец – большой мастер по украшению образов – Семён-бобыль. Из фольги он делал диковинные цветы и удивительные орнаменты. Заказчики приходили к нему и из других сёл. Кроме того, Семён прославился умением стегать ватные одеяла. Делал это с большой фантазией, поэтому узоры выходили просто необыкновенные, не как сейчас продают – в клеточку да в полосочку. А ещё он мог предсказывать погоду, потому что следил за атмосферными явлениями и делал для себя какие-то особые пометки.

Однажды, в один из летних погожих деньков, он проходил мимо бабушкиного дома, она в это время ворошила сено. Семён заметил:

– Зря ты, Машуха, сено раскидываешь, сейчас дождик начнётся.

– Чего ты городишь, Семён? Откель ему взяться среди ясного неба?

«Синоптик», с сожалением пожав плечами, пошёл дальше своей дорогой, а вскоре действительно начался ливень. Вот такими умельцами-самородками и славилась русская старина.

А в настоящее время многие умения и навыки отпали сами собой за ненадобностью. Это раньше и мужчинам, и женщинам приходилось многое делать своими руками, чтобы содержать семью хотя бы в относительном достатке. Сейчас же от каждого из нас требуется всего лишь хорошо овладеть хотя бы одной специальностью и добросовестно выполнять порученное дело, время от времени повышая свой профессиональный уровень. **A**

Эдуард ГАЛЕЕВ

ТРИ РАССКАЗА

ТЕЛЕМАСТЕР

Как-то морозным февральским вечером девяносто третьего года в окошко раздался стук. Хозяин дома Леонид, тридцатилетний механизатор, вышел в сенцы и отворил входную дверь. На пороге стояла соседка баба Глаша.

– Лёня, выручай! – с ходу попросила соседка.

– Что такое, баб Глаша?

– Телевизор отказал. А без него никак. Что ещё зимой делать?

– Так я не телемастер!

– Мой Васька говорит, что ты в этом понимаешь!

– Ну если только лампа отошла, это я ещё смогу. Но не более.

– Пойдём, родной! Дед наказал без тебя не возвращаться!

– Ладно, ступай к себе, сейчас приду.

Дома Леонид извлёк из кладовки ящик с инструментом. Выбрав оттуда пассатижи и набор отвёрток, рассовал по карманам. Накинув фуфайку, нахлобучив шапку и сунув ноги в старые козьи валенки, двинулся к соседям.

Дед Вася ждал его уже у дверей. Подав в приветствии пятерню, он сунул в Лёнькину ладонь два предохранителя и заговорщически подмигнул. Парень сразу понял «военную хитрость» старика и укоряюще покачал головой. Седовласый сосед виновато улыбнулся и развёл руками в стороны.

«Рекорд-312» уже стоял на столе посередине зала. Хозяин разложил рядом свой инструмент и присел на табуретку. Подошла баба Глаша. Тяжело вздохнула и сказала:

– Включаю я его, значит, а он не кажет. Совсем! Экран чёрный, и ни звука. Послала деда антенну покрутить, не идёт! Говорит, что-то с ним внутри. Сходи, говорит, за Лёнькой, он парень мастеровитый, за пять минут сделает!

Леонид бросил взгляд на деда Васю и снова покачал головой. Тот лишь улыбнулся, но всё-таки виновато потупился. Парень принялся изображать ремонт: снял с телевизора заднюю крышку и вынул из гнезд на плате три лампы. Поскрёб услужливо протянутым стариком перочинным ножиком лапки-контакты. Вставил лампы на место. Разобрал штепсель, подтянул контакты. Вернул предохранители на место.

Завернув шурупы в крепления задней крышки и воткнув предохранительную коробку, Леонид приподнял тяжёлый «Рекорд» и водрузил его на родную тумбочку. Вставил вилку, антенный штекер и включил телевизор. Через несколько секунд экран засветился. Баба Глаша восхищённо всплеснула руками:

– Ой! Да он стал ещё лучше показывать! Лёнька, большое тебе спасибо! Сколько я должна?

Парень бросил взгляд на напрягшегося деда Васю и сказал:

– Нисколько. Дело соседское.

– Говори-говори! – потребовала баба Глаша. – Вам-то на работе зарплату задерживают.

– Не возьму я от вас деньги. Внучатам оставьте.

– Ладно, упрямец. Ступай на кухню, я там стол собрала.

– Ну зачем?

– Не спорь!

Леонид тяжело вздохнул и, покосившись на повеселевшего старика, вышел из зала. Помыл на кухне руки с мылом в «мойдодыре» и присел за обеденный стол, на котором стояла тарелка с куриной лапшой, чашка с крупными картофелинами, испечёнными в духовке, блюда с салом и солёными огурцами. В центре стола красовалась бутылка советской водки «Экстра».

– Бабка моя какая, – впервые за вечер заговорил дед Вася, подхватывая табуретку, – специально для тебя из старых запасов достала!

– Ты-то, старый, куда лезешь?! – возмутилась баба Глаша. – Не заслужил!

– Так я это, помогал, – растерянно проговорил старик и посмотрел на Леонида.

– Помогал, в розетку ширял! – кипятилась хозяйка.

– Баба Глаша, – вмешался Лёнька, – пусть присаживается! Мне одному много, да и компанию дед составит.

– Ладно, пускай.

Старик мигом очутился за столом и, возбуждённо потирая кулаком уголки рта, извлёк из ящика стола вторую «стопку».

Затем, содрав с бутылки золотистую фольгу с «язычком», радостно провозгласил:

– Бабка! Ну-ка, и мне налей лапшички!

После застолья и разговоров по душам дед Вася пошёл проводить соседа до дверей. Пожав на прощание мозолистую ладонь старика, Леонид сказал:

– Чтобы больше такого не было! Неудобно мне перед баб Глашей!

– Так это, больно выпить захотелось.

– Телевизор больше не трожь. В следующий раз не приду.

– Так это, что, у меня, кроме телевизора, ничего нету, что ли?

О ПОЛЬЗЕ БРАКОНЬЕРСТВА

Будильник зазвенел ровно в пять утра. Иван Матвеевич откинул одеяло и переполз через жену.

– Ванька, дурачок, – зевнула супруга, – спал бы и спал. Так нет – вскочил спозаранку.

– Не по пустякам иду, – возразил ей Иван Матвеевич.

– Ой! Поймают как-нибудь тебя с твоей тряхомудией! Будешь платить до подоху.

– Типун тебе на язык! – рявкнул муж. – Спи давай!

Одевшись и прихватив в сенцах приготовленную с вечера брезентовую сумку, Иван Матвеевич вышел на крыльцо. Погладил пса-дворнягу Шарика и, погрозив пальцем

сидящему на крыше сарая соседскому коту Маркизу, мужчина направился по огородной тропинке к реке.

Сшибая резиновыми сапогами утреннюю росу с травинки, Иван Матвеевич окинул взглядом растущие слева тополя. Помнится, дед рассказывал, что, будучи маленьким, видел возле них русалок. Дескать, лежат они у деревьев, одна краше другой, а вместо ног – рыбы хвосты!

Любил дед байки рассказывать... А вот сейчас не до баек. Жизнь пошла несладкая. Зря, что ли, Иван Матвеевич встал в пять утра?

Подойдя к деревянному мостику через речку, мужчина бросил сумку на траву и

нагнулся расстегнуть замок-«молнию». Неожиданно раздался всплеск. Да не слабый, а как будто кто ладошкой по воде хлопнул. Затем послышался тихий смех. Иван Матвеевич оглянулся:

- Чур меня!
- Вы что кричите?

Возле первой сваи в воде сидела девушка. Её нижняя половина тела находилась под водой, а верхняя...

Мужчина почувствовал, как в груди образовался огненный шар. Плаваясь, он заливал жаром всё туловище, отдавая большую часть энергии в тазовые органы...

- Ты это...

Моржуешь, что ли? - запинаясь, спросил у купальщицы Иван Матвеевич.

- Может, и так, - улыбнулась девица. - Иди ко мне!

Мужчина робко шагнул на доски моста и двинулся к незнакомке. Чем ближе он подходил, тем тяжелее ему становилось дышать. И было от чего! Купальник телесного цвета совсем не скрывал соблазнительных форм девушки.

«Четвёртый? Или третий? Нет, точно четвёртый!» Иван Матвеевич приблизился к девушке и замер. Светлые длинные волосы рассыпью лежали на её белых плечах. Ярко-голубые глаза, словно утреннее небо, прошибали насквозь. Казалось, они трогают душу за струны, которые звенят лишь от лёгкого дуновения ветра. Ну и от взгляда незнакомки...

- Студентка, что ль? - выдавил Иван Матвеевич.

- Похожа? - девушка рассмеялась серебристым смехом.

Мужчина уселся на доски мосточка. Купальщица подняла голову кверху:

- Может, ко мне?
- Сейчас... Я это...

Приду. - Мужчина вспомнил про свои безразмерные синие семейные трусы, и ему стало немного стыдно.

- Я ждала тебя...
- Э-э... Давно?

- Всю жизнь!

Иван Матвеевич пригласил

свою рдеющую шевелюру и нервно прокашлялся:

- Дык... Это... У меня баба есть!
- А я хуже неё?

Мужчина ещё раз бросил взгляд на симпатичную незнакомку. Дикое желание пробудилось в нём, и Иван Матвеевич прыгнул в воду прямо к девушке. Протянув руки, он схватил её за плечи и привлёк к себе. Очаровательная блондинка поддавалась крепким мужским рукам, и её лицо оказалось прямо перед глазами Ивана Матвеевича. Алые соблазнительные губы девушки призывно открылись, и сердце мужчины застучало, как пулемёт Калашникова...

Внезапно отпустив незнакомку, Иван Матвеевич забрался на доски.

- Ты куда? - обескураженно воскликнула девушка.

- Да там, на берегу, сумка! Убрать бы.
- Что в ней?
- Электроудочка.
- Дебил! Недоумок!

Незнакомка нырнула, а по тому месту, где она только что была, хлопнул огромный чешуйчатый хвост!

- Твою дивизию!

Двухсотметровку до дома Иван Матвеевич преодолел за рекордное время. Жаль, секундомера не было...

ПРОВОДНИЦЫ ИЗ НИКОЛАЕВА

Заскрежетали тормозные колодки. Состав остановился. Чайник слетел с «буржуйки» и, качнувшись несколько раз на проволоке, привязанной к ручке и потолку, встал на своё прежнее место. Начальник караула раздвинул двери-ставни вагона и выглянул в ночную темноту, мерцающую огоньками разноцветных фонарей.

– Николаев. Вокзал, – сообщил он. – Третья смена – на выход!

Откинув брезентовый полог с краешка деревянных нар, я взял свой АК-74, ножны со штык-ножом и подсумок с запасным магазином. Напарник, Вова Шабалин, тоже достал своё оружие. Затем мы выпрыгнули из вагона: я на одну сторону, Вова, открыв двери-ставни с другой стороны, – на противоположную.

Я надел штык-нож на ствол и закинул автомат на правое плечо. Затем снял поясной ремень и продел его в лямки подсумка. Снарядившись как положено, двинулся вдоль платформ с закреплёнными на них аэродромными спецмашинами. Шаг – взгляд налево, на груз. Второй – взгляд направо. Третий – взгляд за левое плечо. Четвёртый – за правое.

С чернильного неба едва заморосил летний тёплый дождь. Но я подумал, что он не стоит того, чтобы возвращаться в «теплушку»

за неудобной солдатской плащ-палаткой, а просто перевесил автомат стволом вниз.

На соседнем пути стоял грузовой состав из полувагонов с углём и цистернами. Фонари на столбах горели не везде. Тёмные места я проходил с опаской. Заглядывал под «свой» состав, а также под соседний. Никто там не прячется?

Полувагоны справа закончились. Чуть далее, на этом же пути, показался пассажирский состав. Я дошёл до своей крайней платформы, развернулся и потопал в обратную сторону. Тут в темноте зацокали каблучки, и передо мной появились две девушки в железнодорожной форме.

– Стоять! – крикнул я. – Тут проход заперщён!

– С чего это? – удивилась высокая рыжеволосая девушка лет примерно тридцати.

– Так тут это... Воинский эшелон! – привёл я аргумент.

– Мы всегда тут ходим, – заявила мне невысокая шатенка лет двадцати. – И сейчас пройдем!

– Буду вынужден открыть огонь, – специально вздохнул я и поправил автоматный ремень.

– Ты хочешь нас застрелить?! – испуганно воскликнула шатенка.

– Не хочу, но придётся...

– Слушай, солдатик, – улыбнулась высокая девушка и вплотную приблизилась ко мне, – мы проводницы. У нашего поезда скоро стоянка заканчивается. А нам нужно до вокзала добежать.

– Чуть подальше есть проход между составами, – показал я рукой на товарняк. – Там можете перейти на другую сторону.

– Хорошо, – кивнула проводница и повернулась к подруге: – Маринка, глянь, какой солдатик молоденький!

Шатенка подошла ко мне:

– А какой худенький и мокрый весь!

– Может, ты есть хочешь? – сердобольно спросила меня высокая девушка.

– Не хочу! – отрезал я. – На посту не положено!

– Даша, ну что ты спрашиваешь, давай сходим за котлетами! – тронула Марина подругу за руку.

– Подожди нас две минуточки, мы мигом! – Две пары каблучков дробно застучали по асфальту.

Обойдя крайнюю платформу, я посмотрел на охраняемую территорию напарника. Вовы не видно. Значит, ходит в начале состава. Вернувшись на свою сторону, я медленно пошёл обратно. Через несколько минут сзади раздался знакомый цокот каблучков.

– Солдатик, ты почему ушёл? – Проводницы меня догнали.

– Так я... караулю, – ответил я.

– Никуда твои машины не денутся, – заявила Даша. – На, держи. Тут котлеты, пирожки, колбаса.

– Зачем вы? Не надо! – попробовал я отказать.

– Бери-бери! – поддержала подругу Марина. – Здесь пирожные, конфеты шоколадные. Сам не хочешь – товарищей угостишь!

Девушки начали загружать мне в руки пакетики и кульки. Что не помещалось, не церемонясь, совали в карманы моей «хэбэшки» и галифе. Вдруг шатенка спросила:

– А можно его потрогать?

– Кого? – внезапно охрип я.

– Автомат.

– А-а... Только приклад – иначе выстрелит.

– Ой! – вскрикнула Марина, но по прикладу ладошкой провела.

– Девушка-то у тебя есть? – спросила у меня Даша.

– Нет.

– А была?

– Э-э... Не было...

– Эх, я бы тебе сейчас её заменила. Да дни не те. Маринка, может, ты? А я вас поохраняю!

– Ты что! – воскликнула шатенка. – У меня же свадьба на следующей неделе! Да и времени нет.

– Ну ладно, побежали на вокзал, – заключила Даша. – Дай-ка, солдатик, я тебя на прощание потискаю!

Девушка принялась обнимать меня и целовать. Я засмутился и сделал попытку вырваться. Но крепкая проводница не оставила мне никакого шанса. Затем меня в щёку чмокнула Марина.

– Удачи тебе, солдатик! – попрощалась со мной Даша. – Марина, побежали!

– Счастливого пути, – пожелала шатенка. – Смотри, в проводниц не стреляй!

– И вам всего хорошего! Спасибо за всё! – не остался я в долгу.

Девушки свернули за товарняк, и их каблучки зацокали в ночи. Топая по своему маршруту, я дошёл до «теплушки», располагавшейся в центре нашего состава. И как раз вовремя. Лязгнули сцепки, и платформы с техникой двинулись с места. Я подбежал к открытой двери вагона. Стоящий там таджик Шайтан, наш весельчак и балагур, по инструкции принял у меня из рук автомат, затем хотел помочь мне забраться. Вместо этого он был вынужден брать у меня из рук деликатесы.

После того как я оказался в «теплушке», начальник караула и пятеро моих товарищей молча уставились на меня. Наблюдая за моим испуганным лицом, Шайтан подал мне маленькое зеркало. Кроме того, что я был весь расхристан, всё моё лицо украшали ярко-красные следы от помады проводниц.

– Гоша! – завистливо простонал Шайтан. – На твоём месте должен быть я! ■

Виктор УСОВ

Май текущего года баловал жителей крепости тёплыми, по-весеннему ласковыми лучами солнца, сухим пьянящим духом ещё не сошедшей с пыльных сопок жухлой прошлогодней травы, лазоревым небом и фантомным ощущением бесконечности бренной жизни.

«Возвратился хозяин востока – Весна, и все на свете возликовали. Травы, деревья и насекомые каждый год оживают снова. Так почему же человек умирает и не возвращается?» – в местах, не столь далёких от Владивостока, вопрошал в своих сиджо буддийский монах Хамгёнсон. Совсем как исстари приговаривалось на Руси: «Кто не помер зимой, весной не пропадёт!» Семнадцатый день достойного похвал пятого месяца текущего тысячелетия восьмьсот девяносто первого года не был исключением. В нём чувствовалось звенящее медью торжество жизни. В связи с этим с самого утра у жителей улицы Шефнеровской, появившейся на карте Владивостока примерно в 85-м году девятнадцатого столетия, было приподнятое настроение. Спрашивается, отчего не устроить себе праздник, если на душе светло и радостно от окружающей действительности, да ещё откуда-то доно-

сится бравурная музыка духового оркестра? Обитатели дома № 30 на этом празднике жизни не были исключением. Полтора десятка худющих маньцзы, сноровисто треплющих шкурки «мягкого сибирского золота» в задних комнатах мастерской Цзи Фэнтая, свои движения нынче приноровили к ритму медногласой тубы, басящей до самых небес. Испортить настроение всегда голодным маньцзы в это утро не смог даже обычный нагоняй от хозяина, человека в общем-то неплохого, хотя никто из окружающих не припомнил за ним чудачеств вроде сострадания, милосердия или на худой конец щедрости. Хозяин и в этой части света всегда оставался хозяином: рачительным, бережливым до скарденности и вечно всем недовольным. Если применить эти качества к выходцу из Дайцинской империи, хитрому и изворотливому от рождения (иначе в условиях востока просто не выжить), получалось существо, в процессе жизненной эволюции выкристаллизовавшее в себе качества торговца, физиономиста и политикана. Слащавая улыбка просто не оставляла широкое жёлтое лицо Цзи Фэнтая ни на минуту, превращая его и без того узкие раскосые глаза в тончайшие щёлочки, скрывающие его истинное отношение к окружающим.

В торговом зале звякнул колокольчик.

– Мин, бездельник, ты сегодня отдыхаешь? – Хозяин мастерской оторвался от чтения русской газеты. – Я могу со спокойной душой вычесть плату за сегодняшний день из твоего жалованья?

Несчастный Чжоу Мин, испуганный такой перспективой, встрепенулся. С самого утра в их мастерскую поминутно заглядывали странные личности, по большей части усадые господа с тросточками и в чёрных котелках, отчего дверной звонок, на который так болезненно реагировал Цзи Фэнтай, надолго не умолкал.

– Хозяин, это уже десятый посетитель! Но они, господин, попав в лавку, торопливо осматривают нашу обстановку, невесть чего ожидая углядеть в скорняжной мастерской. И всё! Поглазеют и с постными лицами исчезают за дверьми. – Местный владыка, пропуская мимо ушей отговорки нерадивого работника, укоризненно наклонил голову. – Уже бегу, хозяин!

Владелец мастерской отложил чтение газеты и, встав, подошёл к фальшивой стене, отгораживающей прилавок от внутренних помещений. Описание основной массы жителей Владивостока азиатских кровей (неказистый рост и субтильное телосложение) этому маньчзы не подходило. Он выглядел солидно. Благодаря дородному телу, укутанному по самые задники лёгких туфель в маньчжурский халат расцветки цин-бай, символизирующей внутреннее совершенство человека, его, так сказать, самодостаточность, хозяин в полной мере отвечал своему званию. Походя сложив газету, уважаемый запихнул её за чёрный край мешковатой атласной кофты без рукавов, что, подхваченная четырьмя вязками, гармонично подчёркивала его округлый весомый живот. Прильнув глазом к специальному смотровому глазку, Цзи Фэнтай стал свидетелем небывалого наплыва посетителей в свою скромную мастерскую. Перед прилавком толклось трое или четверо будто вышедших, как в побывальщине, из одного ларца молодцов крепкого телосложения, чьи лица в точности передавали одно и то же душевное состояние озабоченности и тревоги. Дверной колокольчик тренькнул, и

к ним присоединился сударь явно из другой сказки. Вновь вошедший внешним равнодушием не мог скрыть свою породистость. Его выдавали ухоженные рыжеватые усы на вытянутом благородно-бледном лице, наделённом Создателем парой серо-зелёных глаз, затуманенных то ли лёгкой грустинкой, то ли ранним проявлением жизненной мудрости. Гость не спеша огляделся. Его рука, затянутая в кремовую перчатку и стискивающая тонкую трость, в раздумье сдвинула набалдашником фетровый котелок на затылок. «Лимерик, – хозяин определил на глаз качество перчаток незнакомца. – Куриная кожа. Субъект явно будет из приличных». Господин в дорогих перчатках по всем статьям подходил к разряду «богатых и успешных». Его укороченный чёрный redington, однотонная жилетка, под ней сорочка со стоячим воротничком, который любовно облегал halstuch – яркий жёлтый шёлковый шейный платок с заколкой, и полосатые визитные брюки вышли из-под рук мастеров «Шарль Синдикат де ля кутюр франсэз». «Заколка с бриллиантом, два карата, не менее!» – скорняк разбирался не только в кожаных изделиях, оценить внешний вид визитёра в вещах от венского кутюрье Мориса Штайнера он мог лишь по незначительной детали – драгоценному камню, украшавшему галстук-пластрон.

– Милейший! – господин в кремовых перчатках обратился к Чжоу Мину.

– Чем могу служить вашей милости? – отвесив поклон, ответил тот.

Ладная фигура посетителя при этих простых словах вздрогнула, непроизвольно передёрнув плечами. «Э, а господин, пожалуй, не знает, зачем и зашёл к нам». Этот вывод, молниеносно пришедший на ум торговцу, заставил его поспешить к прилавку. «Негоже упускать покупателя при деньгах». В тот миг, когда Цзи Фэнтай выскользнул из-за занавески за спиной незадачливого продавца, не знавшего, чем завлечь покупателя, сударь в котелке покашливал в кулак, собираясь оставить скучную мастерскую, удалившись восвояси.

– Желаю господину личного счастья и удачи во всех его делах и начинаниях! –

Звонкая здравица заставила щеголеватого клиента обратить внимание на её источник. Нерасторопному Чжоу Мину достался чувствительный тычок в бок, он поспешно уступил место бойкому торговцу, чья широкая улыбка сию секунду одарила радушием холёного барина. – Сударь, видимо, гость этого благословенного города? – Ответ не интересовал маньцзы. – Можете не отвечать, я и так вижу. Среди здешних благородных господ редко встретишь таких... как это будет по-русски... *présentable*?.. – Искусственная заминка, и китаец, вполне по-европейски всплеснув пухлыми руками, защёлкал короткими пальцами с длинными ногтями, вымучивая мудрёную фразу: – Представительных особ! – Польщённый посетитель не без интереса оглядел говорливого восточного лавочника. Оценивая его, визитёр с задумчивым видом разглаживал и без того находящиеся в порядке усы тонкими, почти прозрачными пальцами. – Ваша милость не желает привезти домой достойный гостинец из самого сердца Уссурийского края?

Теперь владелец полосатых брюк, сунув трость под мышку, принялся потирать ладонью о ладонь:

– Знаете, милейший, а может быть, вы правы и мне действительно стоит задуматься о подарках родным?! Отцу я везу шкуры тигров. Братьям, Джорджи и Флоппи, японские платья и мечи, а матушке с сёстрами, увы, пока ничего подходящего не приобрёл... – Неожиданно распахнувшиеся глаза посетителя утратили зеленоватые краски обыденной сонной скуки, превращаясь в серые и лучащиеся лукавством зеркала. Наверное, он на мгновение представил Джорджи, разгуливающего в своём саду в Аббас-Тумане в тэту, одежде гольда, из рыбьей кожи, которую прислали верноподданные жители Хабаровки. Маньцзы оживился, по восточной традиции продекламировав стихотворение:

– Небо так неразумно решило женщину создать.

Сколько ни досадуй, разве что-либо изменишь?

Посетитель, видимо, не зная, как отнестись к столь спорным утверждениям, растерялся, отчего выражение его глаз вновь переменялось, обретая особую непроницаемость. Гость с опаской посмотрел на китайца, словно тот был чумным. Декламатор поспешил пояснить восточную мысль европейцу:

– Мой господин, стихи принадлежат кисти госпожи Квон и, следовательно, роли женщин не умаляют. – И далее, желая загладить конфуз, перешёл на понятия, доступные «западным варварам»: – Сударь, удача сама привела вас ко мне в мастерскую. Лучшие меха для любимых и почитаемых дам! Какова идея?

– Недурственно, – согласился обладатель бриллиантовой заколки. – Вот только у меня с собой, мой добрый торговец, нет денег. Как быть в этом случае?

Цзи Фэнтай, будто фарфоровое божество достатка и благополучия, закачал большой щекастой головой, покрытой чёрной круглой шапочкой с матерчатой пуговицей на макушке:

– Господин, эта беда поправима! Сегодня выберем меха, а ваша милость пришлёт деньги с посыльным. У меня в мастерской нет выделанных шкурок, и, если вы не против, прошу господина проследовать к моему партнёру, который занимается мелочной торговлей.

Возражений не последовало, и посетитель с хозяином вышли на улицу. Шефнеровскую сегодня было просто не узнать. Её бельма зольных луж, казавшиеся ещё вчера вечными, добрые руки ныне притрусили свежей землёй. Синие мундиры полицейских чинов, со скучающим видом подпирающих почерневшие от туманов дощатые заборы, превращали заштатную улочку в значимый для города проспект. Дефилирующие господа в выходных визитках и сюртуках, морские и сухопутные военные в парадных мундирах, сверкающих бриллиантовыми звёздами, украсили своим присутствием Шефнеровскую, как новогодние гирлянды простенькую лесную ёлку. И главное – полное отсутствие на проезжей части копошащихся под ногами сопливых детей и спешащих по нескончаемым домашним делам их шумных и крикливых мамаш.

– Прошу сюда. – Маньцзы, ведя окольными путями клиента, нырнул в грязный проулок. – В эту дверь, пожалуйста. – Дверь из простых струганых досок с белым контуром бога богатства Би-гань тихо распахнулась, и в образовавшийся проём проводник что было мочи зычным голосом послал призыв: – Сун Тай, где тебя носят бесы, я привёл покупателя!

Сун Тай, маньцзы средних лет, среднего телосложения, с жиденькой косой за плечами, возник из мрака помещения, как чёрт из табакерки:

– Чего желает господин?

Цзи Фэнтай на правах «старого» знакомого, знатока и соседа, помнившего, где тут что лежит, велел:

– Сун, подай соболий сорок. – Приняв холщовый мешок, скорняк по локти погрузил в него руки. – Так, что тут у нас? – Перебирая меха, он не забывал подбадривать покупателя, замершего в ожидании. – С этим торгашами, ваша честь, нужно держать ухо востро. Ты ему мешок сахалинского соболя с пышной и густой остью, пушистым хвостом и правкой с закруглённым огузком, а он вашей милости в ответ что поплоче. Амурского, да ещё и с брачком-с. Ага, есть! – И китаец извлёк на свет божий звериную шкурку. – Ты кого хотел надуть, продувная бестия? – Скорняк размахивал перед незадачливым торговцем собольим хвостом. – Я для тебя собрал единый криж, а ты за мою доброту... Да оставит тебя своим благополучием бог счастья Го Цзы-й.

– Ты чего, Фэнтай, лаешься?

– Смотри сам, пройдоха! – Скорняк поднёс под нос Сун Таю бракованную шкурку. – Волос пухлявый, тут плешина, там дыра и коготков на одной лапе недостаёт. – Маньцзы притворно вздохнул. – Придётся весь сорок пересмотреть! – И Цзи Фэнтай начал извлекать и раскладывать на столе шкурки из мешка. – Обратите ваше драгоценное внимание, господин, на это. – Покупатель придвинулся ближе к усталенному мехом прилавку. – Вот меха! – Рука маньцзы любовно огладила пушистую поверхность. – Видите, сударь, как играет свет? Волосной покров тёмный, подбит чёрно-бурым и тёмно-голубым пу-

хом. Красота! – Знающие руки молниеносно выхватили среди множества одинаковых мехов не гармонирующую с остальными шкурку. – Вот опять проделки старого скряги. Сун, и не стыдно тебе объегоривать покупателей?

– Сам больно честный! – Партнёр готов был обидеться на поносную хулу Цзи Фэнтай, если бы не чувствовал, что весь этот цирк не что иное, как ловкий обман очередного простофили.

– Сударь может сам разобраться, что этому меху не место среди остальных шкурок. Покров с каштановой остью, пух хотя и голубоватый, но на концах имеет светло-каштановый оттенок. – Обращаясь к Сун Таю, маньцзы потребовал: – Замени эти две шкурки, негодник, и упакуй сорок! Добрый сударь его забирает.

Покупатель медленно, чеканя слова, начал втолковывать меховщику, что не может принять товар ввиду отсутствия средств:

– Уважаемые, оставьте мешок у себя, я завтра пришлю деньги, и его заберут. А сейчас позвольте откланяться. Дела! – Двое китайцев кинулись провожать богатея, не ставшего рядиться из-за цены.

Сун Тай как более худой и шустрый уже было опередил Цзи Фэнтай, но тот цепкой рукой ухватил его за пояс и, удерживая, прошептал:

– Сиди тут и не высывайся.

Модник и маньцзы оказались на улице в окружении всё тех же хмурых господ.

– За вашу любезность, милейший, мне хочется отплатить любезностью. – Из уст оставшегося внешне холодным господина это высказывание вряд ли кого могло обрадовать, но Цзи Фэнтай в знак благодарности низко склонился перед говорившим.

– Ваше высочество! – Высокий контр-адмирал в пышных усах и бакенбардах *mustachio*, скрывающих его вытянутое угловатое лицо, торопливо подошёл к покупателю. – Николай Николаевич докладывают, что на борту фрегата интересуются, ждать ли вашу милость к обеду?

Его высочество поморщился:

– Дражайший Владимир Григорьевич, передайте капитану, что непременно буду. Принц Георгий на борту?

Контр-адмирал Басаргин, подражатель императора Александра III, предпочитавшего пышную растительность на лице, кивнул:

– Их королевское высочество недавно вернулись с прогулки.

Говорившие вдруг обнаружили, что китайский меховщик так и застыл в нижайшем поклоне.

– Эспер Эсперович, – позвал цесаревич заглядывающего в проулок крепко сбитого невысокого господина в визитке, с круглым бородатым лицом и короткой причёской а la Carouf. – Если вас это не затруднит, мой друг, запишите заветные чаяния сего господина, а я в меру своих скромных возможностей ему окажу ответную любезность. – Э. Э. Ухтомский, чиновник Министерства внутренних дел, спеша исполнить просьбу его высочества, достал блокнот и выжидающе разглядывал спину склонившегося маньцзы. – Обратите внимание, господа, как сник наш бойкий торговец мягкой рухлядью, – с явной горечью заявил давешний покупатель. – Оставьте сомнения, любезный, перед вами всего лишь сын и наследник российского императора, – визитёр грустно усмехнулся в рыжеватые усы.

Цзи Фэнтай, не смея глядеть в лицо столь высокородному господину, с трудом вымолвил:

– Слава и вечная жизнь императору! Ваша милость безгранична, и мне, скромной земляной пыли под вашими стопами, нужно лишь доброе к себе отношение.

Цесаревич со значением поглядел на адмирала и чиновника:

– Полюбуйтесь, господа, какая скромность и бескорыстие!

– Больше всего на свете я желаю стать подданным вашего батюшки...

Цесаревич удивился:

– Подайте прошение, честный торговец, нам нужны добрые труженики и верные подданные.

Маньцзы замялся:

– Бюрократические проволочки...

Цесаревич впервые проявил человеческие чувства, рассмеявшись в ответ на слова китайца:

– С бюрократами не может справиться сам батюшка, куда мне с ними тягаться. – И подмигнул Ухтомскому: – «Законы империи нужно соблюдать, независимо от внешних приязней!» Поступим так: вопрос с подданством решаете через уполномоченные на то ведомства, а от себя могу предложить причислить вас к сословию купцов первой гильдии... хотя как быть с «паспортной льготой», ума не приложу... – Забывая эпизод с покупкой мехов, цесаревич направился проулком к Шефнеровской улице, куда уже подали экипаж. – Господин Ухтомский, гляньте на досуге свод законов империи, как нам выйти из сложившейся ситуации... – Под эти размышления цесаревич со свитой удалились.

Старый Сун Тай, испугано поглядывавший из мутного окна на сановитых господ, набравшись смелости, вышел на двор:

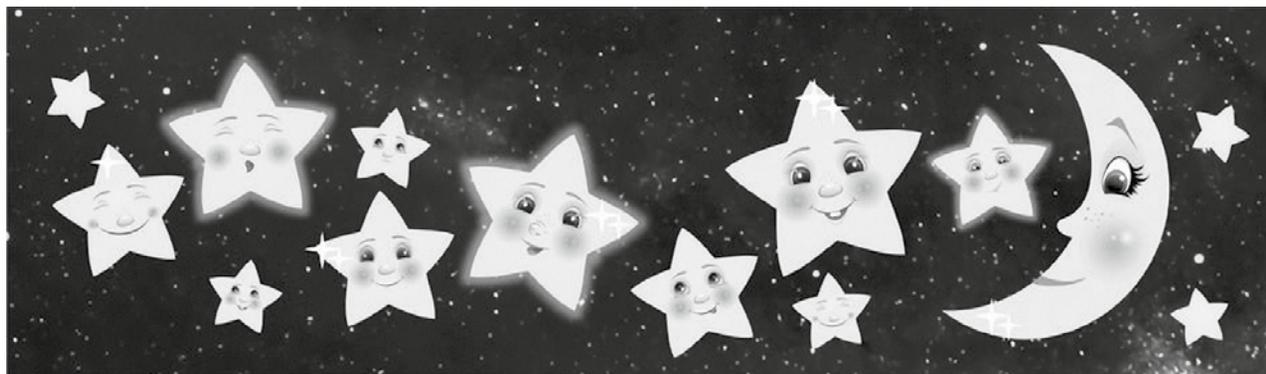
– Слава Хуан-ди, как мы все могли погореть с этим господином! Главное, кто мог знать, что это...

Цзи Фэнтай, усмехнувшись в жидкую щётку обвислых усов, достал из складок халата сложенную пополам газету и сунул её в руки незадачливого компаньона. С серого разворота газетного листа на них пристально смотрел давешний покупатель.

– Всемиловейший небесный император, а я-то гляжу, чего это наш сосед Отто с утра по улице мечется. – Худой маньцзы всплеснул крыльями широких рукавов, в которых прятались сухие плети рук. – На сегодня же в Механических мастерских назначена закладка дока.

Цзи Фэнтай ослабил, показав ровный ряд зубов под цвет его физиономии:

– То-то же, досточтимый господин Сун, учитесь у шкипера Линдгольма, даром что добрый сосед, а подряд на строительство сухого дока у конкурентов милейший Отто вырвал прямо с мясом. Чего только ноне верноподданническое рвение и гибкая спина не сделают...

Сказка дальних странствий

Ольга Луценко

Далеко-далеко, дальше, чем можно себе вообразить, в самой глубине бескрайнего Космоса, живут Звёзды... Они любят слушать музыку, танцевать, ходить друг к другу в гости... Они так ослепительно красивы, что затмевают собой всё пространство! Но до Земли долетает лишь слабое мерцание их звёздной красоты... И умные Астрономы рассказывают всем про далёкие планеты, созвездия и галактики...

В одной такой Галактике, в миллионах световых лет от Земли, жила-была одна Звёздочка. Она была не краше и не ярче других Звёзд, что жили с ней по соседству. Но она отличалась от своих сестёр и подружек тем, что любила мечтать. А ещё, когда все Звёзды ложились спать, эта маленькая Звёздочка садилась на самый краешек Млечного Пути и подолгу смотрела на Землю... Ей нравилось наблюдать за людьми, за тем, как они живут на своей далёкой Голубой планете, но их жизни пролетали так быстро, что Звёздочка не успевала понять, чем именно заняты люди, о чём думают, что чувствуют. «Наверное, это оттого, что я смотрю одновременно на всех, –

подумала Звёздочка, – а надо выбрать кого-то одного...»

* * *

Шёл по свету юный Менестрель. Где бы он ни останавливался, люди заслушивались его дивными песнями и преклонялись перед его талантом. А Менестрель пел, отдавая им душу и сердце. Он был молод, красив, талантлив – весь мир лежал у его ног! И Звёздочка каждый день подолгу засиживалась на краю Млечного Пути, слушая его дивные песни.

– Ах, что ты нашла в этой ничтожной человеческой жизни? – удивлялись сёстры-Звёзды. – Она вспыхнет, как спичка, и погаснет так быстро, что ты не успеешь её разглядеть! Лучше идём с нами! Сегодня в нашей Галактике большой Звёздный бал!

– У меня впереди ещё не один бал, – отвечала Звёздочка, качая головой. – Я лучше послушаю Его песни, они так прекрасны...

– Он никогда не заметит тебя, – грустно вздыхала Галактика. – Вы бесконечно далеки друг от друга...

– Это не мешает мне слушать его, – тихонько говорила Звёздочка.

А Глубокий Космос ничего не сказал, он просто подумал, что песни юного Менестреля действительно прекрасны, раз даже Звёзды их слушают...

Менестрель тем временем пришёл в один город, и его лютня зазвучала на рыночной площади у стен королевского замка. На балкон вышла Прекрасная Принцесса. Едва Менестрель увидел её белокурые волосы и небесно-голубые глаза – тут же полюбил Принцессу, как только можно любить в сказке... Каждый вечер он пел для своей любимой, а она слушала его, глядя на бесконечный Млечный Путь, на краю которого то и дело вспыхивала совсем маленькая Звёздочка...

* * *

Звездочка грустно вздохнула – она вдруг поняла, что юный Менестрель на самом деле никогда не заметит её... И вовсе не потому, что она так далеко, а потому, что бесконечно сильно любит свою Прекрасную Принцессу... А значит, не стоит впустую ждать его песен... И Звёздочка закружилась в танце вместе со своими сёстрами, рассыпая повсюду сияющие блёстки бального платья. А на Земле люди заворожённо смотрели на небо и говорили, что идёт звёздный дождь...

Жизнь Звёзд измеряется миллионами земных лет, поэтому пылинки многих человеческих жизней промелькнули незамеченными всего лишь через один Звёздный бал. Звёздочка, запыхавшись, снова присела на краешек Млечного Пути. «Я просто хочу знать, что Он счастлив!» – подумала она, печально вздохнув.

Но сколько ни всматривалась Звёздочка в лица людей в королевском замке, никак не могла найти среди них Менестреля. В постаревшей и погрузневшей Королеве она с трудом узнала Прекрасную Принцессу, а Король, сидевший рядом с ней на троне, оказался совсем незнакомым человеком с уставшим, надменным выражением лица. И нигде в замке не слышно было лютни Менестреля!

Звёздочка непонимающим взглядом обратилась к мудрой Галактике.

– Ты пропустила половину человеческой жизни, – улыбнулась в ответ Галактика. – Менестрель пел песни Принцессе, пока однажды она не сказала, что выходит замуж за Короля соседней державы.

– Но как же так? – В глазах Звёздочки блеснули капельки звёздной пыли, как две слезинки. – Как же так? Ведь Он любил её! Он привык к ней...

– Что тебе до любви? – удивилась Галактика. – Разве ты не самое прекрасное творение? Ты создана светить, мерцать, сиять! Ты прекрасна, недосягаема и непостижима! Не следует опускаться до такой ничтожной мелочи, как человеческая жизнь.

– Но я... тоже к Нему привыкла, – прошептала Звёздочка. – Я хотела, чтобы Он был счастлив... Я буду искать Его!

* * *

По пыльной дороге шёл Человек в длинном чёрном плаще и со старенькой лютней за спиной. Изрядно поседевшие кудри его выбивались из-под шляпы и опускались непослушными волнами на плечи. С удивлением Звёздочка узнала в этом Человеке вчерашнего Менестреля!

Маленькая Звёздочка первая решилась заговорить:

– Здравствуй, Менестрель, – её голос эхом прозвенел над долиной.

Менестрель оглянулся и не увидел никого вокруг.

– Смотри вверх! – засмеялась Звёздочка. – Сейчас ещё светло, и меня плохо видно! Но скоро стемнеет, и я стану ярче!

Менестрель поднял голову и высоко в небе, на самом краю Млечного Пути, увидел всего лишь одну маленькую Звёздочку, свет которой едва мерцал сквозь вечерние сумерки.

– Что случилось с тобой, мой прекрасный Менестрель? – дивный голос звучал с самых небес. – Почему молчит твоя лютня? И отчего рядом с тобой нет прекрасной Принцессы?

– Теперь я один в целом свете, – печально сказал Менестрель. – Я стар, и мой путь

подходит к концу... А Принцессы всегда выбирают Королей, но не Менестрелей...

– А лютня? У тебя же такой красивый голос! – Становилось темнее, и Звёздочка засияла ярче. – А как удивительны твои песни! Ничего нет прекраснее их!

Менестрель устало опустил на траву.

– Знаешь, я никогда не разговаривал со Звёздами... Какой у тебя красивый голос... Но ты так бесконечно далека от меня! Я даже не могу прикоснуться к тебе!

– Это не важно! – воскликнула Звёздочка. – Я каждый вечер буду приходить к тебе, хочешь? Я стану твоей Путеводной Звездой, и ты никогда не сойдёшься с дороги!

Менестрель взял в руки свою старенькую лютню и заиграл. Мелодия робкой волной прокатилась над лесом и добралась до необъятного Космоса. Звёздочка сидела на краешке Млечного Пути, слушала и улыбалась... Теперь Менестрель пел только для неё!

С тех пор каждый вечер Менестрель устраивался поудобнее где-нибудь у обочины дороги и пел свои песни, глядя на Млечный Путь, и на душе у него было светло и отрадно.

– Знаешь, Менестрель, – сказала однажды Звёздочка. – Звёзды не умеют привыкать, но я, кажется, привыкла к тебе... Я не могу без тебя жить!

– Что ты! – ответил Менестрель. – Не привыкай ко мне! Ты – настоящая Звезда! Я пою тебе свои песни, но ты так бесконечно далека от меня! Моя жизнь скоро угаснет, а ты будешь мерцать на небосклоне ещё очень и очень долго... Не привыкай ко мне, ты – моя Несбыточная Мечта!

– Ты говоришь совсем как наша Галактика! – В голосе Звёздочки слышалась обида. – Я привыкла к тебе, и теперь я отвечаю за тебя! Не гони меня прочь, ведь пока мы вместе, с тобой ничего плохого не случится!

Так они и шли по свету – седой Менестрель и маленькая Звёздочка из одной очень далекой Галактики... Даже когда шёл дождь и Менестрель ночевал на постоялом дворе, он смотрел на небо в окошко, где сквозь прорехи в тучах мерцала всего одна, совсем маленькая Звёздочка...

«Я никогда не был так счастлив, – думал Менестрель. – Оказывается, до сих пор меня никто так не любил... Ах, как жаль, что я не заметил Её раньше!»

Но вот однажды Менестрель заплутал в лесу. Была глубокая осень. Небо заволокло низкими серыми тучами, и пошёл дождь, всё сильнее и сильнее. Менестрель совсем сбился с дороги. А дождь всё лил и лил, словно собирался затопить всё вокруг. Вскоре совсем стемнело, и Менестрель понял, что ему не найти дорогу. «Что ж, – подумал он, – такой конец не хуже любого другого. Хорошо, что моя Звёздочка не видит меня...» Менестрель опустил на землю под деревом и не мигая смотрел в кромешную тьму...

* * *

Звёздочка стояла на самом краю Млечного Пути. Край был острым и больно колол пальцы её босых ног.

– Что ты задумала? – кричали ей сёстры. – Стоит ли жертвовать своей звёздной жизнью ради угасающего мига человеческой?

– Он сидит у самой дороги, но не видит её, – отвечала Звёздочка. – Ему надо просто показать путь, но там, внизу, такие густые тучи... Я обещала хранить Его!

– Но ты же погибнешь! – восклицали другие Звёзды. – Ты сгоришь, не долетев до Земли! Подумай, чего стоит мгновение Его жизни рядом с бесконечно прекрасной Твоей?

Звёздочка оглянулась, её глаза были печальны.

– А чего стоит ваша бесцельная Вечность рядом с Мгновением, прожитым ради Него?

И маленькая Звёздочка смело шагнула вниз с Млечного Пути. Яркая вспышка разорвала тяжёлую пелену туч и озарила небосклон. Седой Менестрель увидел, что сидит совсем рядом с дорогой, в двух шагах от трактира...

* * *

Дождь кончился, небо снова было чистым. Но вечером Менестрель не нашёл на небосклоне свою Звёздочку...

– Где ты? – позвал он, вглядываясь в звёздное небо. – Я не вижу тебя...

Звонкая тишина оглушила Менестреля. Звёздный купол сиял и переливался бесконечным количеством Звёзд, но среди них не было одной, совсем маленькой Звёздочки...

До рассвета простоял Менестрель, вглядываясь в небо.

– Как же я теперь буду жить? – произнёс он вслух. – Ведь я тоже привык к Тебе...

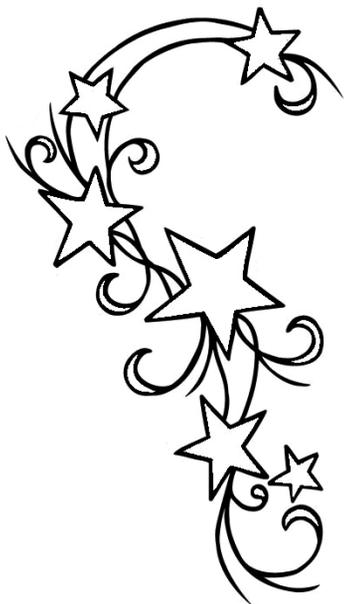
Утром в дорожной пыли Менестрель нашёл маленький оплавленный осколочек серебристого цвета. Догадка молнией поразила его сознание!

– Вот мы и встретились, – шёпотом сказал Менестрель, бережно спрятал осколочек под одежду, поближе к сердцу, и не оглядываясь пошёл по дороге вперёд, заслоня собой поднимающееся над горизонтом Солнце...

***

– Как непредсказуемо всё, – вздохнула Далёкая Галактика. – У неё впереди была целая Вечность, а она выбрала короткий Миг...

– Никогда не знаешь, что закончится раньше – Миг или Вечность... – улыбнулся Глубокий Космос. **A**

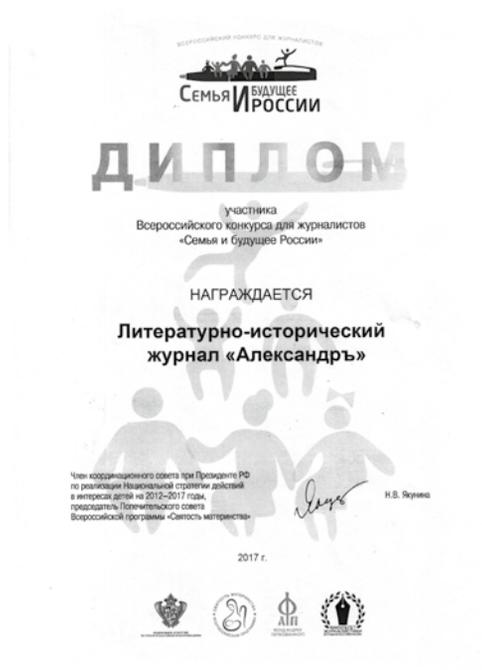

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ» ПРОДОЛЖАЕТ ВСТРЕЧИ С НАСЕЛЕНИЕМ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ. ТАК, 4 АПРЕЛЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ТОКАРЁВСКОГО РАЙОНА СОСТОЯЛАСЬ ТВОРЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА С ЧЛЕНАМИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ – ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ АНАТОЛИЕМ ТРУБОЙ, ШЕФ-РЕДАКТОРОМ ВАЛЕРИЕМ АРШАНСКИМ И ПОСТОЯННЫМ АВТОРОМ ЖУРНАЛА ПОЭТОМ И ЖУРНАЛИСТОМ ЕЛЕНОЙ ЛУКАНКИНОЙ.

В зале не было свободных мест. На встрече присутствовали глава администрации района Виктор Айдаров, заместитель главы администрации района Ирина Вяткина, главный редактор районной газеты «Маяк» Александр Замараев, коллективы Центральной библиотеки, филиала «Детская библиотека», Токарёвской детской школы искусств, старшеклассники Токарёвской средней школы № 2, члены поэтического клуба «Рифма» и клубов ветеранской организации «Мечтатели», «Ветераны», а также жители посёлка и просто любители чтения.

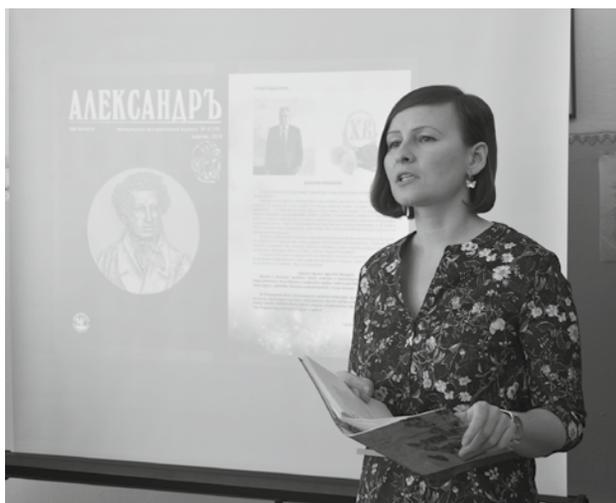
В рамках встречи прошли презентации сборника стихов поэтов Тамбовской области «Моя малая родина» и журнала «Александръ», который подробно представил токарёвцам Анатолий Труба. Елена Луканкина прочитала свои стихи.

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

На форуме выступили Валерий Аршанский, Виктор Айдаров, которые говорили о воспитательном значении литературы, о важности чтения художественных произведений, особенно молодёжью. С ответным словом выступили поэты В. Абросимов и Д. Бабайцева, а также член Союза журналистов России Л. Медведева.

Кроме встреч с населением литературно-исторический журнал «Александръ» принимает активное участие в конкурсах. Так, в апреле редакцию наградили двумя дипломами за участие в общероссийских конкурсах: на лучшее произведение по военно-патриотическому воспитанию и пропаганде боевых традиций ВС РФ и «Семья и будущее России». Желаем «Александрю» дальнейшего совершенствования и заслуженных побед. **А**

Виктор УСОВ
Чужой век

Босоногим мальчишкой Колотаев-младший ходил с дедом в лес по грибы-ягоды, и там, в тревожном сумраке пуши, шмыгая носом, слушал конопатый пострел побывальщины сивой бороды о леших, присказки о кикиморах, былины о водяных да русалках. Дед мальчика – мирошник, а каждый деревенский слышал, кто прячется под колесом его мельницы и с кем знается он безлунными ночами. Уж кому, как не старику-мельнику, доподлинно известно, почему не след шуметь в чащобе. Яркие и безоблачные картины детства, но любое счастье в многострадальном Отечестве недолговечно. К одиннадцатому дню ангела узнал младший Колотаев значение слова «раскулачивание». Пришли суровые люди с бегающими глазами, и вместе с мешками муки ушла жизнь с мельничного двора. Уполномоченный в кожанке, осматривая выпотрошенные дворовые пристройки дедова хозяйства, заметил плачущего мальчонку и велел отправить последыша деревенского «кровопийцы» в город, в сиротский приют, чтобы не вырос подкулачником.

В приёмнике для беспризорников «чуждому элементу» со страху, а может, из классовой зловредности, приспичило записаться под именем приятеля, тоже Андрейки, сродственника деревенской гольтыбы, по несчастной случайности утопшего в прошлое половодье. С тех времён «кулацкий выкормыш» стал откликаться на фамилию Краснов и числиться уроженцем села Кунья-Сарма Николаевского уезда Самарской губернии, сыном безземельного крестьянина, чья семья вымерла от тифа и голода в строящей социализм стране. Губнаробраз из пролетарской солидарности расстарался для «своего», определил сироту в Астраханский детский дом. Замечательный город, там тепло, арбузы растут. Ну а дальше – дальше минуло порядочно лет. Жизнь завертела, закружила молодого комсомольца: фабзауч, работа слесарем на автозаводе – гиганте первых пятилеток. Подошла пора и Краснову явиться в военный комиссариат.

Однажды вечером этак числа 21 ноября наш герой в красном уголке разыграл партию в шахматы с закадычным приятелем Серёгой Филипповым, призывавшимся из города Кирова. По-будённовски, направо и налево рубая пешки и разное прочее офицерье, горе-шахматисты между делом с жаром обсуждали директиву командования округом касательно финского вопроса:

– Обнаглели эти белофинны с их Маннергеймом, – съедая чёрного коня, кипятился кировчанин, – нашёлся на нашу голову главнокомандующий! Он, паршивец... Ну, чего репу чешешь? Ходи, что ли! – насел на партнёра Серёга. – Ещё царю прислуживал и требование трудящихся масс влиться в Страну Советов у этого недорезанного беляка поперёк горла встало. Куда ему, подпевале буржуев, деваться, в Англию с Францией мотать? – Сергей, вздохнул, с сожалением наблюдая, как Андрей ликвидирует прорыв его ладьи. – Те тоже хороши, хвост на первую страну трудящихся подымают.

Краснов, отставляя прочь трофейную фигуру, вкрадчиво заметил:

– Товарищ Сталин ему не спустит. – Со значеньем помолчав, политически подкованный красноармеец, напомнил: – Твой ход, Серёга.

– Щас ужо схожу так схожу! – в азарте вороша чёрный ёжик стриженных волос, пригрозил соперник. – Андрейка, у тебя эта пешка лишняя? Лишняя! Раз – и мы сюда нашего коня поставим. – Пристукнув деревянной фигурой о доску, игрок с шиком срубил пешотинца. – В «Правде» писали, – Филиппов, довольный отыгранной пешкой, был не прочь подискутировать, – военный министр Ньюкканен в августе маневры проводил, так их резервисты, представляешь, бежали по лесам с винтовками в гражданских пиджаках.

Краснов рассмеялся:

– Ага, помню! Эту «форму» окрестили по фамилии их премьера, как его там?.. – Пробуждая память, молодой боец пощёлкал пальцами. – Не выговоришь: Каяндер...

– Каяндерка... – Филиппов с удовольствием помог приятелю вспомнить трудное слово.

Точно! – Веселясь, Андрей хлопнул ладонями по коленям. – Форма образца Каяндера! – Отсмеявшись, он по деревенской привычке махнул ладонью. – Куда им пыжиться, Серёга, против Красной армии!

Отдельный пехотный стрелковый полк, в котором служили срочную два товарища, квартировал не то чтобы на северах, а в одном уютном местечке под Кандалакшей. Климат ещё тот – лето тёплое, дождей мало. Небеса – бездонная синь. Зимы – просто чудо! Снега много, температура редкий день за пятнадцать-двадцать градусов опускается. Служи себе да радуйся. Полк кадровый, бытовые условия на высоте, харч – санаторный. Добротные, тёплые и сухие казармы полка тянулись в ряд напротив обширного плаца. Койки рядовых Филиппова и Краснова стояли вместе. Они делили всё поровну, и тумбочку, и тяготы солдатской службы. Ничего не скажешь – друзья!

Горнист своими трелями выдернул друзей из постелей на прохладные крашеные доски пола:

– Рановато для побудки, – Сергей, позёвывая, обратился к соседу, намазывающему портянку. – Похоже, Андрюха, что-то ноне произойдёт.

На плацу выстроилась вся часть. На дощатый помост трибуны поднялись командир и политрук:

– Товарищи красноармейцы! Пришла пора действий. Нужно показать белофиннам нашу решительность поддержать стремление финского народа влиться в дружную семью народов СССР. Через час мы выступаем в сторону государственной границы...

И вот полк, получив боекомплект, походным порядком выдвинулся в палаточный лагерь, разбитый в нескольких километрах от рубежей Страны Советов. Здесь личный состав проинформировали о варварском обстреле белофиннами приграничного посёлка Майнила. Следом зачли приказ наркома, и после очередного пламенного выступления политрука тридцатого ноября начались активные боевые действия.

Взвод друзей оказался на острие на-

ступления полка. Находясь в авангарде, они первыми вступили в огненный контакт с финскими пограничниками. В предрассветной мгле бойцы под могучее «Ура!» развернулись цепью и шибко-шибко побежали к чёрным баракам, прячущимся за шлагбаумом, выкрашенным в «зебру». Их рота набегала на КПП финнов нахраписто, по-молодецки, пока в потёмках со стороны границы не блеснули первые вспышки выстрелов и вокруг атакующих не засвистели пули. Посвист смерти в наступавшей цепи заставил дрогнуть многих. Не всех. Серёга, к примеру, пригнув голову и отгородившись от пуль штыком, лихо орал во всю мощь лёгких «Ур-ра-а-а!» и пёр прямоком на вражеский огонь.

У Краснова же, наоборот, разом сбилось дыхание, и он позавидовал другу: «Разве ему не боязно»? Загнанное сердце необстрелянного солдата отчаянно колотилось, и бедолага ощутил, как в глухих потёмках его нутра принимается ворочаться мутившая сознание гадость страха: «Вот сейчас свистнет – и прямоком в грудь». Как назло, к подкашивающимся ногам Краснова валится Юрка из Владимира. Юрка тоже кричит, просто орёт от нестерпимой боли, и с его воплями к молодому бойцу приходит ужас, сковывающий мышцы и сжимающий сердце: «Убьют, непременно убьют!» Юркин крик становится похож на вой, подтянув к груди колени, обхватив руками горящий живот, подстреленный крутится на спине. От жалости к самому себе у Андрея задрожали поджилки, и, обмирая, он отчаянно принялся молить: «Может, только ранят?» Хотелось, бросив всё, оглянуться – некогда оглядываться! Нужно не отстать от своих. А тут ещё всякая ерунда комаром нудит в голове: «Ну что сегодня за погода, снег пополам с дождём, грязь, лужи кругом. Наступаешь – брызги летят. А если падать придётся?..»

В предрассветном тумане тонут очертания финских строений, меж которых в ватных сумраках мечутся серые тени. Нереальные и оттого таинственно пугающие. Краснов растерян, его виски выламывает шалеющая кровь. Напирая на кость, она выстукивает азбукой Морзе: «Это они, те, кто изувечил конопато-

го Юрку!» Из-за угла навстречу робеющему красноармейцу чёртом выскакивает рослый финн. В пылу боя верзила потерял шапку, и его короткая стрижка отликает боевой медью. Андрей видит, как ужасный рыжий финн в упор палит в лучшего подающего их волейбольной команды. Наткнувшись на пулю, воин роняет оружие, его колени подгибаются, и он медленно оседает в слякоть. Убийца люто смотрит на обмершего Андрея, делает несколько быстрых шагов ему навстречу и, целя штыком в живот, с ходу совершает выпад. Атакованному Краснову нечем стрелять. Было дело, он несколько раз бахнул на бегу, и всё! На ходу не больно подергаешь затвор трясущимися руками. Страх окончательно приморозил ноги Андрея к грязи, сковав бесильем руки. Забыв, чему его учили отцы-командиры, Краснов неловко отмахнулся разряженной винтовкой от первого удара. Финн насел всерьёз, и сбитый на стылую землю его жёстким плечом Андрей приготовился умереть. Блестящее острие вражьего штыка невольно приковывало взгляд жертвы. Закрывая глаза, боец смирился: «Это конец...» Но вместо ожога острой железки на лицо лежащего брызнуло тёплой кровью и мозговой жидкостью. Торжествующий враг подставил стриженный затылок под приклад Филиппова.

– Эх, растяпа, давай подымайся из лужи, простудишься, – предложил верный товарищ. Грудь Сергея высоко вздымалась, как после тяжёлой работы, а раскрасневшееся довольное лицо покрывали капельки испарины. – Отстанем – посчитают дезертирами.

Так началась ратная служба красноармейца Краснова. В непонятной, кровавой схватке гиганта с лилипутом. Неся постоянные потери от наскоков финских лыжников, его полк, опасаясь завязнуть в снегах чистого поля, неуклонно двигался на запад по снежному насту дороги на Суомуссалми. Погода тоже отыгралась на участниках тех событий небывалыми морозами. Палатки плохо держали тепло, и внутри ночевать было не намного теплей, чем под звёздами. Потом и палаток не стало. 11 декабря лыжники бригады Сииласвуо, набранные из местных жителей, в

белых балахонах поверх домашней одежды рассекли на части подразделения полка и начали планомерно уничтожать группы бойцов, цепляющихся за непригодные позиции. Приказ удерживать продуваемое всеми ветрами поле принёс неисчислимые беды. Ожесточение боёв нарастало. Постоянный огонь снайперов, подвешенных в люльках на деревьях, перестрелки встречного боя, переходящие в рукопашные схватки, холод и голод закалили Андрея в трудностях окружения. Не желая бездействовать, он каждый раз вызывался добровольцем в разведку. Сергей, напротив, растерял былой запал, стал молчалив, глаза на его худом, давно не бритом лице потускнели. Апатия друга беспокоила Андрея, но за стычками с наседавшими со всех сторон лыжниками некогда было поговорить по душам.

Последний раз друзья виделись утром 27 декабря у дороги Суомуссалми – Роата. С южного направления, от Кухмо, уже доносился рокот канонады. В той стороне шло сражение за населённые пункты Симо и Хайя. Северной тоже нарастал звук стрельбы. Там, за сосновым лесом, все, кто остался от 163-й дивизии, пошли на прорыв окружения. Настал черёд их полку сделать рывок на восток: прозвучала команда «Вперёд!». Поднявшись в полный рост, Краснов, увязая по колено в снегу, попытался добежать до поросшего деревьями пригорка. Как в немом кино, в полной тишине рядом с человеком, барахтавшимся в сугробах, взметнулся фонтан чёрной земли, перемешанной с белым снегом. Разрыв снаряда! Злая сила, желая раскатать его тело в блин, швырнула бойца на ледяную почву. Мало что уши заложило – ничего не слышно, только звон до тошноты, рот Краснова оказался полон земли и сосновых иголок. Размазанный по грязному снегу, присыпанный земляным крошевом, задыхающийся от блевотной кислотности горелой взрывчатки, Андрей видел лыжников, с финской педантичностью добывающих в поле раненых красноармейцев. Несколько чёрных фигур в обтрёпанных шинелях, с поднятыми вверх руками стояли, покорные своей участи. Она не заставила себя ждать. Несколько выстрелов – и на исколупанной воронками

равнине остались только победители. Странно, одно из скрючившихся, недавно живых тел ему напомнило Серёгу. Его улыбчивого, отважного в первых боях товарища. Неужели это он, поднявший руки под дулом финских автоматов, валяется кучей тряпья, коченея вон там, метрах в сорока от него?

Поле боя опустело. Контуженный Краснов решил шевельнуться. Напряг нечувствительное тело и остался доволен. Вроде руки-ноги целы. Раз так, разлёживаться некогда. Холод – птицы на лету стынют. Перевернулся на живот, затем приподнялся на четвереньки. Теперь можно и попробовать встать на ноги. «Ого, как качнуло». Пустой желудок вывернула сухая рвота, ощущение – точно весь деревянный. Слово тело отсидели, даже в тех местах, которые нельзя отсидеть. Краснов осторожно принялся разминать руки-ноги: вроде начало отпускать, стало покалывать грудину со спиной. Попытался идти и горько усмехнулся: «Мотает из стороны в сторону, словно пьяного».

Так и побрёл, оставляя в снегу странный путаный след. Пара неверных шагов – падение, встал, постоял, собрался с силами, двинулся вперёд – физиономия в снегу. Опять упал. Кое-как Андрей доковылял до намеченного взгорка. Опускаться в снег не стал. Можно и не встать. Привалился к ледяному стволу, чтобы отдышаться. Обнял толстое дерево, уткнулся гудящим лбом в его стылую древесину, но холода не почувствовал. Где-то в чаще скрипнул сминаемый лыжами снег: «Наверное, мерещится, я же хруста своих шагов не слышу». Краснов вздохнул: «Контузия». Вздохи вздохами, но его охватило беспокойство: «Нет, скрипнуло!» Звериное чутьё проснулось в теле, отшибленном взрывной волной, позволяя слышать и чувствовать всем нутром. Кто-то скрытно пробирался зимним лесом, и Андрей, наплевав на боль, принялся крутить головой. И не зря. Пышная снежная шапка медленно и тихо принялась сползать с ближайшей ели, обнажая жёсткие колючки хвои. Чуток сбоку от оголившегося деревца на полянку вышли двое партизан. Все в белом, егеря, опершись на лыжные палки, замерли,

вслушиваясь в напряжённую лесную тишину. Стоят сугробами, не шевелятся. Даже лежащие на их плечах еловые ветки не потеряли покрывавший их ледяной пух:

«Охотники за головами», – определился с противником советский боец. У одного впереди на ремне болтается укутанная в белую тряпицу «пюстюкорва», второй вооружён автоматом «Суоми» – от такого зрелища, захотелось повздыхать, пожалеть себя. Совсем плохо дело. Сама смерть стоит и ищет следы его присутствия, а у обессиленного контузией Андрея из оружия – штык от верной винтовки да наган старшины с единственным патроном. Позаимствовал у мёртвого Сидорчука. Ему-то зачем, а так вдруг выйдет случай застрелиться. Пожалуй, случай представился. Сил сопротивляться нет, а руки подымать не дело. Всё один конец. Перед глазами встала страшная картина: мёртвая белизна поля, загаженного воронками разрывов, растерзанные трупы, и среди них один, похожий на Серёгу.

Ненависть и жгучая ярость подкачали кровью одеревеневшие мышцы. Жажда расплатиться за страх и унижение вселили уверенность: «Расстояние невелико». Меня положение перед рывком, Андрей, приминая снег, неловко шумнул. «Заметили, курвы дешёвые! Снайпер потянул ремень «шпица», а второй, мордастый, глазами окрест стреляет, словно из автомата. Ну, держитесь!» Два быстрых шага, затем прыжок вперёд, в пушистый снег, с кувырком через голову. Ноги, обутые в трофейные пьексы, выстреливают пятками в живот снайпера: «Есть! Вылетел голубок прямо из лыж, только палки на тесёмках мелькнули перед глазами автоматчика». Финн сморгнул, но вовремя пригнулся, и очередь из М-32, сбивая хвою с шишками, пронеслась веером девятимиллиметровых пуль над лежащим на спине Андреем. Спокойно подняв почерневшей левой рукой ржавый наган, Краснов всадил пулю в живот оставшемуся на ногах лыжнику. «Нечего разлёживаться!» Сбитый с ног напарник подстреленного автоматчика завертелся в сугробе, освобождаясь от второй лыжи: «Освободится, привстанет, и

привет родителям...» Не мешкая, с колен, Андрей, навалившись на шустрого противника, со скрежетом вдавил ему в рёбра гранёный русский штык. Торжество победы не позволило герою почувствовать ответный гостинец. Обессилев, победитель полежал некоторое время в мягком снегу, вольно раскинув руки и лоя растрескавшимися, кровоточащими губами сыплющиеся с сосен снежинки. Сердцебиение выровнялось, и Краснов, поднявшись на ноги, увидел на примятом снегу ярко-красную кляксу и лежащий рядом нож.

«Поменялись, – с безразличием подумал Андрей. – Я ему штык на вечную память, он мне нож в бок». Подняв саамский леуку, Краснов доковылял к корчившемуся с пулей в животе финну. «Не нравится – извини». Без каких-либо чувств, они тоже онемели от контузии, боец наотмашь резанул автоматчика ниже подбородка трофейным ножом. Очнулся вояка в госпитале. Как туда попал, толком никто объяснить не мог. Такая вот зимняя война получилась.

После госпиталя Краснова собирались уволить со службы вчистую. Чувствительность вернулась незначительно, в основном к кончикам пальцев, и невропатолог, седой старичок, стуча по коленям и царапая холодным молоточком рёбра раненого героя, поминутно цокал языком.

– Плохи ваши дела, молодой человек! Ох плохи... – пророкотал басом военврач, беря со стола колесо Вертенберга.

Однако командование, желая сгладить позорную победу, позволило остаться в строю младшему командиру. «Пила» в петлицах и серебристая солдатская медаль довершили облик бравого старшины-сверхсрочника. Попытки восстановиться физически привели к тому, что следующую войну он встретил борцом-разрядником, к тому же имеющим за плечами пару десятков прыжков с парашютом. Правда, к его сожалению, пришлось сменить памятную финку на нож разведчика ОМСБОН НКВД. Отечественная война закончилась для лейтенанта очередным ранением, полученным на озере Балатон, когда он выдирал портфель свиной кожи из скрюченных

пальцев красномордого фрица в чёрном мундире полковника уже не существующих страны и армии. Армии не существовало, а парабеллум в руке упрянца плеснул реальным огнём, оставив ровное, опалённое по краям отверстие на груди Андрея:

– Напросился, – шепнул бойцам теряющий сознание Краснов, пытаясь выдернуть из туши мёртвого фашиста свой нож.

Снова госпиталь, выздоровление и долгая дорога на восток, к океану и войне с японцами. Десантная операция по освобождению островов Курильской гряды проходила под гул судовых двигателей, с пеной за кормой и солёными морскими брызгами. Океанский бриз, пытаясь растормошить мрачного старшего лейтенанта, стоящего у фальшборта в пятнистом комбинезоне и каске защитного цвета, подхватывал и швырял горсти холодных тугих капель в его нечувствительное лицо. Океан не знал, что для Краснова последним подобным воспоминанием навечно осталось ощущение падавших на щёки и лоб частиц мозга давно убитого вражеского солдата.

Командир с мостика морского охотника подаёт сигнал готовности. Дымовая завеса плотной стеной отсекает приближающийся десант от скалистого берега. Но дым мало спасает от массивного артиллерийского огня. Снарядов японцы, зарывшиеся в скалах острова, не жалеют. Ежесекундно, вскипая от взрывов, морская вода поднимает с глубин тонны грязи, перемешанной с водорослями и скальными осколками. Таким осколком снесло полголовы краснофлотцу, стоящему в двух шагах от Краснова. Следующий снаряд попал в небольшой катерок, рвавшийся к полосе прибоя. Корабль, разламываясь по середине, медленно приподнялся над водой. Из его обнажившихся, изодранных внутренностей вырвалось чадящее пламя. В единый миг стоящие на палубе десантники разлетелись вверх и в стороны рваными, сочащимися кровью кусками. Их скорбный полёт был недолог. Останки героев приняло море, и на его поверхности закачались траурные венки матросских бескозырок.

Пора. Буднично, без спешки сыплются люди войны в холодные воды Японского моря, и с каждым их шагом навстречу твякающему пулемётным огнём берегу море родится с русскими десантниками. Матросская кровь, смешиваясь с солёной водой – кровью океана, скрепляет неразрывную связь отдалённого скалистого острова с сердцем России. Пляж, сплошные валуны, шириной на бросок гранаты уже позади. Он усеян чёрными бушлатами, бежавшими к расщелине с прикованными к скале фрагментами тела пулемётчика-камикадзе. Впереди обычная работа – гранатный бой в узких галереях подземных артиллерийских позиций. Цель десантирования – пробиться к секретной химической лаборатории. И кому судить, чья вина, если самурай, зараза, успел затопить нужный подземный уровень практически со всей десантной штурмовой группой? Да и зачем. Есть командир – старший лейтенант! Он предпочёл остаться в живых, выбравшись с ещё одним шустрим малым к свежему воздуху через вентиляционный колодец.

Вот и пришлось выжившему герою продолжить службу в гвардейской ОДШБ номер 318, переброшенной в составе Свирской Красногвардейской дивизии из солнечной Венгрии в отдалённые приморские земли. Хотя капитанские погоны за прежние заслуги он всё-таки получил. Не отменять же штабным представлением начальству. Такой фортель может выйти себе дороже. До осени 1950-го капитан Краснов тянул нудную армейскую лямку в районе Покровского аэродрома, что немногим дальше 30 километров от города Ворошилова. Служил, не думая, что в зрелые годы придётся менять разрез глаз, но «партия скажет: надо, коммунист ответит: есть». Настало время «Ч», и Андрей с группой товарищей объявился недалеко от Порт-Артура. Через пролив от фанзы китайского военного, отдалённо напоминающего героя повествования, в смертельном танце за приз «Большой Корейский полуостров» сцепились две сверхдержавы, да так, что у несчастных корейцев хрустели перемалываемые маховиком войны косточки. Горячих дел не было, так, мелкие

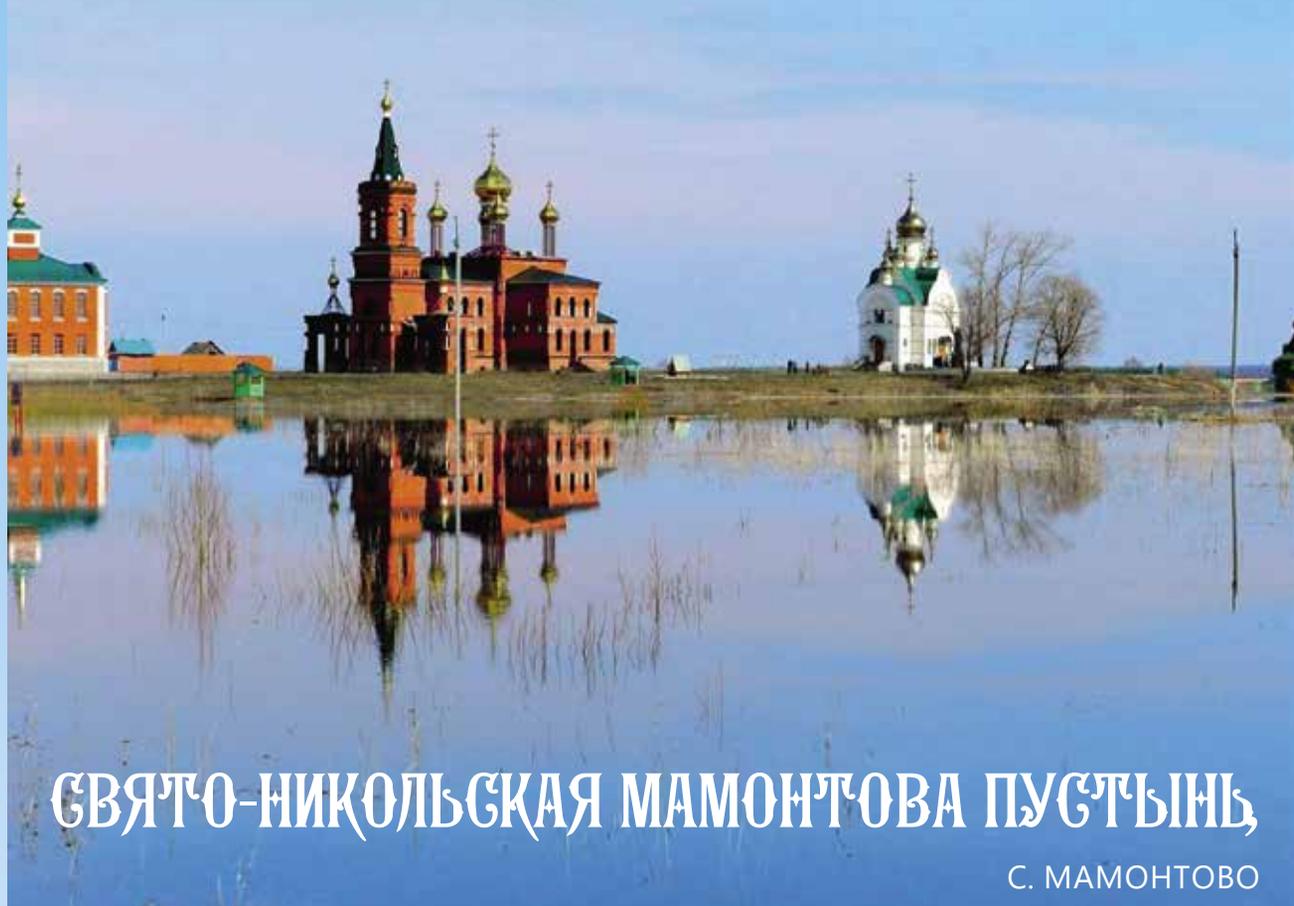
шалости. За мелочёвкой прошёл год. В середине сентября срочно, в одночасье, десантировали ветерана с китайскими товарищами на пустынный пляж северной города Онджин. Группа двигалась без остановок, спешили до прилива. Где-то впереди, в неизвестности на узкую прибрежную полосу приземлился подбитый «Сейбр». Эту машину требовал Сам! Он приказал доставить и забыл, а все, сверху донизу, метались, как наскипидаренные. Возжелал Хозяин: «Подайте F-86, и точка!» И всё! Кровь из носу, а притащи ему этот злополучный «Сейбр».

Вышли к объекту под вечер. Самолёты ООН, отбомбившись, уже убыли на свои базы, и хотя «Сейбр» поглотил прилив, Краснов не горевал. С пловцами ТОФ горевать последнее дело. Скомандовал: «В воду» – и свободен. Выстави охранение, а сам сиди жди у синего тёплого моря «погоды» и мечтай: «Окунуться было бы совсем неплохо!» Накатила ночь, а ночи на юге чернее чернил. В кромешной тьме китайские добровольцы выволокли «Сейбр» из пучины, стали срубить крылья. Стук скрыл плеск вёсел морских пехотинцев вероятного противника, и три лодки подплыли к пляжу. С брезентовых У-8 резанул огонь автоматических винтовок. Бойцы Краснова ответили шквальным фланговым огнём. Надувные подушки на бортах У-8 улучшают их плавучесть, но плохо служат защитой от пуль. Две посудины блинами закачались на волнах, и выжившие в спасательных жилетах поспешили отплыть от опасного берега.

Третья лодка утвердилась на песке, и командос несколько минут яростно жгли патроны. Неожиданно пальба стихла. Краснов с устатку размяк, решив, что на сегодня всё, «зевнул», и вражьи пули впились в его грудь. Слабеющие кисти разжались, автомат, клацнув о камень, упал на песок. Когда большой и сильный враг подхватил его пробитое тело, используя как прикрытие, у него даже мелькнула подлая мыслишка: «Считай – отвоевался». Но боль от ран не отключила сознание, неоткуда ей было взяться – боли. Отучили враги капитанское тело отзываться на внешние раздражители, даже если это американ-

ские пули. Рука сама, без затухающего сознания нашарила поясные ножны и обратным хватом потащила нож. Вися на руке морпеха целящего из кольта в его товарищей, капитан, собрав стальную волю в кулак, вонзил клинок в брюшину вражеского солдата. Это был последний солдат, убитый Красновым на войне. Он уже не видел, как китайские друзья остановили кровотечение, а затем боевые товарищи на пупу, не передохнув ни разу, вытащили ценный трофей и его в придачу и доставили в расположение Корейской народной армии.

В очередной раз очнулся Андрей уже отставным майором в палате 310-го гарнизонного военного госпиталя города Ворошилова. Вольный одинокий казак. Нет, лукавил майор, живёт в таёжном посёлке Голендон вдова солдата под стать ему возрастом, сумевшая очаровать старого бобыля. Пойдёт наш герой к зазнобе в примаки, будет «чист, ухожен, пьян, сыт и нос в табаке», как любил говаривать дед-мельник. А ему об этом, сами догадайтесь, кто рассказал.

СВЯТО-НИКОЛЬСКАЯ МАМОНТОВА ПУСТЫНЬ

С. МАМОНТОВО

В монастыре Мамонтова пустынь монахи начали селиться с начала XVI века. Здесь старец Мамонт в начале XVII века обрёл образ Николая Можайского. В 1629 году на этом месте по указу царя Михаила Феодоровича был основан монастырь на землях его матери Ксении Ивановны Романовой (инокини Марфы).

В течение своего существования Мамонтова пустынь получала значительные пожертвования, в том числе от царя Алексея Михайловича. При Екатерине II в результате церковной реформы в 1764 году монастырь был упразднён, но его Свято-Никольский храм долгие годы действовал. Он не вмещал всех желающих здесь помолиться, его дважды перестраивали.

В 1905 году в честь рождения наследника престола на территории Мамонтовой пустыни была создана женская Алексеевская община. Местные жители пожертвовали ей большие средства, на которые в 1915 году был построен каменный храм, разрушенный в 1952–1955 годах.

В годы советской власти окрестные жители создали крестьянскую общину-коммуну, берега озера и бассейн реки Красная Дубрава были распаханы, в водоёме пытались разводить птицу, но безрезультатно: она погибала, как говорили, «не выдержав святости». В местном колхозе имени Вильямса занимались овощеводством и бахчеводством. Храм использовался как овощехранилище и магазин. На месте монастырского некрополя велась частная застройка.

В начале 90-х годов началось возрождение Мамонтовой пустыни: построена часовня, келейный корпус. На Николу Вешнего, 22 мая, собирается до 4 000 человек. С 2005 года во время молебна наблюдается радуга в течение нескольких десятков секунд в любую погоду – одно из чудес этого места.

Религиозная организация
«Никольский женский монастырь»
с. Мамонтово Сосновского района
Тамбовской области Мичуринской
епархии Русской православной
церкви (Московский Патриархат).
ИНН 6818028617
КПП 681801001

Банковские реквизиты:
р/с 40703810061000000166
Тамбовское отделение № 8594 ПАО Сбербанк
Место нахождения банка получателя:
392036, г. Тамбов, ул. К. Маркса, д. 130
БИК банка получателя: 046850649 Кор/с 30101810800000000649
ИНН банка 7707083893 КПП банка 682902001
Назначение платежа: Пожертвование на уставную деятельность.

